

И. И. И С А К О В

ГРОЗА
НАД
ОРЕДЕЖЕМ

Исаков
И. И. ИСАКОВ

ГРОЗА НАД ОРЕДЕЖЕМ

ЛЕНИЗДАТ • 1975

Шивел народного гнева обрушился на немецко-фашистскую захватчиков на оккупированной ими территории в годы Великой Отечественной войны. Во вражеском тылу отважно сражались партизаны, вели героическую борьбу подпольщики.

Уже в первые месяцы войны на ленинградской земле действовало 33 подпольных райкомов партии. В тяжелейших условиях передовой полосы вел большую организаторскую работу Среддоянский РК ВКП(б). Один из его секретарей — автор книги — Иван Иванович Исков был командиром партизанского отряда. О боях в делях отряда, о самоотверженной борьбе партизан за восстановление родной Советской власти, о мужестве партизан, бойцов и командиров Красной Армии рассказывает он в своих воспоминаниях. Работая над книж Иван Ивановым, одолевший смертельный недуг.

Литературная запись
 Николая МАСОЛОВА

И в кольцо берутся гдям,
И лезет граната.
Бой фашистов боей помщам
За отца, за брата...

За товарищей веселым,
Что навек уснуем,
За поля твою, за села,
За страну родную.

(Александр Давофил)

ПАМЯТНЫЙ ИЮНЬ

Псковская деревня Красуха. Белорусское село Хатынь. Большое Заречье под Ленинградом... Скорбные поля с высеченными на камнях словами: «Здесь была жизнь», «Здесь фашисты жгли людей». Они как старые раны, как тревожная память о минувшей войне.

Есть и на ореховской земле место, хранящее прах жертв злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Это мыза Васильковичи. Документы Ленинградского партийного архива свидетельствуют: «...Литлеровские банды... здание овощеводческой областной школы — мыза Васильковичи — превратили в застенки гестапо, где, начиная с 1942 года и по день изгнания, мучили и убивали советских людей».

Как-то осенью я был в лесу около Васильковичей. Под ногами — янтарные листья березок, осин, мягкий ковер хвои. Тихо. А мне видится мыза тех тревожных лет... Заросли малины и бузины. Серый деревянный дом с фундаментом из камня, позеленевшего от времени и

сирости. На крохотных подвальных окошках кованые решетки.

Фамилии большинства узников из патиот, уничтоженных на мызе Васильковичи, неизвестны. Нет и могил патриотов. Гестаповцы расстреливали свои жертвы у здания, в лесу, в придорожных кустах и тут же поблизости зарывали. Но десятки имен сохранились в документах, в памяти очевидцев. Среди них и имена товарищей моих по борьбе, по нелегким партизанским тропам... Любимица орадежской молодежи комсомольский вожак Аня Семенова, один из первых колхозников округа коммунист Василий Иванович Михайлов, школьница Галя Комлева... Гордыми, непокоренными сошли они в могилу.

Я помню их и другими — радостными, улыбающимися солнцу, людям. Были они такими в последний раз в тот памятный июньский день, когда неожиданно наданулось на нашу страну военное лихолетье.

Хорошее в сорок первом году выдалось лето. На полях колосилась густая рожь. Отменные поднимались зрелье. Все это не могло не радовать партийно-хозяйственный актив района, собравшийся в Орадежском доме культуры в девять часов утра 22 июня. Настроение несколько изменил доклад о международном положении Л. Д. Добржинского, который мы прослушали до начала собрания. Уж очень «порохом пахло» от некоторых высказываний лектора.

Добржинский заслуженно считался в Ленинграде одним из лучших лекторов-международников. Его настоячивое напоминание о возможных провокациях со стороны фашистской Германии, несмотря на договор о ненападении, встревожило многих. Когда был объявлен перерыв, участники собрания выходили из зала молча.

А на улице разгорался летний день. Ярко светило солнце. Упругий ветер гонял по горизонту игрушечные облака. Из репродуктора, установленного на крыше райкома партии, дилась легкая музыка. И вдруг — позывные Москвы...

Война!

Сразу стало тихо. Казалось, в самом воздухе повисло смутение. В голове — рой мыслей. Как кадры кинохроники, промелькнули эпизоды многолетней службы в Краснознаменном Балтийском флоте... Орудия форта, повернутые в боевой готовности на северо-запад... Фигура адмирала Макарова на камне-глыбе, с рукой, протянутой в сторону моря, и его девиз «Гоним войну!», высеченный на пьедестале памятника... Да! Мы помнили малые войны, навязанные нам империалистами. Да! Мы не забыли военные столкновения — провакации на границах. И все же начавшаяся война для меня и моих товарищей была внезапной.

На помню, сколько времени простоял в задумчивости.

— Иван Иванович, вас просят зайти в читальный зал, — услышал я чей-то голос.

В читальном зале собрались члены бюро райкома партии. Первый секретарь Федор Иванович Сазонов стоял у окна и легонько барабанил пальцами по подоконнику. Когда я вошел, он быстро повернулся к нам и сказал:

— Армия наша воюет вот уже девятый час, а мы, — Федор Иванович смущенно махнул рукой, — об итогах сессии толковать собрались. Сейчас идем к людям. Короткий разговор — и сразу же в колхозы. Две главные задачи сегодня стоят перед коммунистами района: разъяснить народу всю глубину опасности, нависшей над Родиной, и обеспечить быструю мобилизацию призывных возрастов...

Это было самое короткое заседание бюро райкома, на котором мне в своей жизни довелось присутствовать.

Сазанов работал в Оредеже немногим больше года, но в районе уже успели полюбить этого худощавого, с хитроватым прищуром глаз, тридцатилетнего вологодца. Энергичный, податливый (за год он по нескольку раз успел побывать во всех наших 96 колхозах), Федор Иванович умел быстро обрести друзьями всех возрастов. Я по-прежнему завидовал его умению разговаривать с людьми.

И на этот раз он нашел нужные слова о долге коммунистов, о мужестве народном. Слушали Сазанова с огромным вниманием. Была в его речи та особенная ясность, которая все ставила по местам: раз война — значит по-военному каждый шаг с первого дня, с первого часа.

И вот наша райкомовская «эмка» уже пылит по большому Оредеж — Любань. Мой маршрут — колхозы Волосковского сельсовета. Дорога вьется вдоль реки. Смотрю на поля, и становится горько. Нет! В тот памятный на всю жизнь день я, конечно, не думал о том, что все они будут перепаханы вражескими танками и вытоптаны сапогами гитлеровцев. Дума была о другом: убирать урожай придется женщинам и старикам. И нелегко, ой как нелегко будет выполнить главную задачу района — обеспечивать бесперебойное снабжение Ленинграда картофелем и овсянкой.

По деревням мотался допоздна. Позднее успокоила, влила новые силы. Вести о войне колхозники встречали с тревогой, но без паники. Если и была на первых порах у кого-то растерянность, так, естественно, от неожиданности. Суровели лица людей, слушавших представительственное сообщение. Решения выносились короткие, конкретные.

Помню, на собрании в колхозе «Труженик» после моего выступления взял слово Николай Васильевич Шульгин. Коммунист. Один из тех земледельцев, на чьих плечах держались наши первые колхозы.

— Врага, — сказал он, — Красная Армия разобьет довольно быстро. Но война есть война, и потребуются дополнительно много хлеба. У нас есть запас — страховой фонд — семь тонн зерна. Вот и, думается мне, надо передать его в распоряжение государства.

— Правильно! Верно! — загудело собрание.

И тут же было вынесено решение о передаче хлеба на военные нужды.

Еще одна примечательная встреча. В поле у трактора идет горячий спор. Подъезжаю. Поздоровался.

— Вот вы только послушайте, Иван Иванович, что требует этот человек, — показывая на рабочего КукULEвского, не очень сердито, как мне показалось, начал «жаловаться» Иван Минаевич Менин — заместитель директора Оредежской машинно-тракторной станции.

— Требование мое законное, — не дал договорить начальству КукULEвский. — Ребята на фронт, а я на трактор. А это, — потрянул он пустым рукавом пиджака, — не помеха. Справлюсь. Вот посмотрите.

КукULEвский до 1940 года работал трактористом. В финскую войну потерял левую руку... Я охотно поддерживал его просьбу-требование.

В полночь все райкомовцы собрались в кабинете Сазанова. Каждый доложил то, что видел и слышал в деревнях.

Труженики нашего района правильно поняли свой патристический долг перед Родиной.

Заснуть в ту ночь я не смог. Долго стоял у кровати, на которых безмятежно спали трехлетняя дочурка Валерия и совсем маленький сынишка Коля, а потом пошел в райвоенкомат. Мне, как секретарю райкома,

было поручено всячески содействовать военным властям в выполнении мобилизационных планов.

Был ранний час. Земля у реки еще млела в густых, сочных росах, а на улицах поселка уже раздавались шаги, скрипели повозки, чкал едким дымом грузовики. В Ореховке начали прибывать первые мобилизованные.

— Как идут дела? — спрашиваю у военкома Зрелина.

— Хорошо, товарищ секретарь, — отвечает он, устало опустив плечи, — вот только не знаю, как спастись от добровольцев. Внере все помещение было ими забито. И сегодня жду с минуты на минуту.

Действительно вскоре военкомат был вновь «осажден». Люди непринзванного возраста, юноши, пенсионеры и даже подростки, каждый по-своему, но все с огромной настойчивостью доказывали необходимость послать их на фронт. Пятьсот заявлений было принято нами в первые дни войны.

К десяти часам утра 23 июня улицу Энгельса, где размещался райвоенкомат, заполнили люди, машины, повозки. Первая партия мобилизованных приготовилась к отправке. Много провожающих. Крепкие мужские рукопожатия. Женщины вытирают слезы. Ни громкого плача, ни крика. Все понимают: так нужно.

Смотрю на строй и невольно вспоминаю картину далекого детства... Год 1914-й. Новгородское село Высоково провожает мужиков воевать «за веру, царя и отечество». Стою, прижавшись к отцу-инвалиду. Радуюсь, что он остается с нами. А вокруг рыдания, раздражающе душу вопли. Матерей и жен с трудом отрывают от рекрутов. В бога и мать ругаются полупьяные «господни урядники» и «чего благородие господин подпоручик»...

Зрелин подал команду, и колонна мобилизованных двинулась к вокзалу. Кто-то звонко запевает:

Дан приказ ему на запад...

Десятки голосов дружно подхватывают...

Ей в другую сторону...

Удаляется колонна, а меня охватывает двоякое чувство: гордость за то, как уходит на смертный бой с лютым врагом наши люди, и щемящее беспомощство: «А не там ли твоё место, товарищ Исаков?»

Слышу за спиной голос Зрелна:

— Что, Иван Иванович, небось, взыграло матросское сердечко-то? Самому в строй захотелось?

Мне почему-то неприятно, что Зрелни разгадал мои мысли, и я, стараясь сказать обиденно, роняю ему в ответ:

— Пошли работать, военком.

А работы невпроворот. Нужно проследить за тем, чтобы наряды на поставку техники и грузового транспорта Красной Армии выполнялись в срок. Помочь колхозам и МТС разобраться с кадрами механизаторов — подобрать толковую замену ушедшим на фронт. Организовать быструю доставку мобилизационных документов в отдаленные деревни района. Пронинструктировать агитаторов для выступлений в сборном пункте, развернутом в Доме культуры. Все эти дела требовали неслужных решений.

Аппарат райкома партии работал круглые сутки. Спали райкомовцы урывками.

— Оплосал всевышней, отведя на сутки только двадцать четыре часа. На сон ничего не остается, — пошутил кто-то Андрей Григорьевич Важнов, наш казаворг.

— Много спать — добра не видать, — поговоркой ответила на шутку Сазанов.

ВОЙНА У ПОРОГА

Травогой веело от фронтовых сводок. В первых числах июля на железнодорожной станции поселка впервые разгрузились эшелоны с ранеными. От раненых бойцов одежды узнали: бой идут уже на берегах Великой. Вскоре и в сообщениях Совинформбюро замелькали слова «Псковское направление». Случилось то, чего никто из нас не ожидал, — война приблизилась к нашему порогу.

4 июля в Оредеж приехал второй секретарь Ленинградского областного комитета ВКП(б) Терентий Фомич Штыков. Был он, как обычно, собран, энергичен. Спокойная твердость и уверенность чувствовались в этом большом и сильном человеке — они как бы завораживали. Терентий Фомич вместе с Сазоновым побывал на железнодорожной станции, в одном из колхозов, беседовал с красноармейцами, рабочими, колхозниками.

До войны Штыков был частым гостем в нашем крае. Приезжал он всегда неожиданно. Заходил в райком, просил назвать по итогам посева или уборки лучшие и отстающие хозяйства и уезжал туда. Нас с собой никогда

не приглашал. По возвращении собирал райкомовцев и устраивал разбор положения дел в колхозах. Не помню случая, чтобы при этом Терентий Фомич учинил бы разнос или хотя бы повысил голос. Зато решения всегда принимал конкретные, деловые и, если обещал чем-либо помочь району, — помогал.

Приезд Штыкова на исходе второй недели войны определил два главных направления в нашей работе: строительство оборонительных сооружений и подготовку к возможным партизанским действиям на территории района.

В те дни, полные забот и тревог, в нашем распоряжении появились «вооруженные силы» — истребительный батальон в 190 штыков и боевые группы при сельских Советах. Батальон мы сформировали в основном из тех товарищей, кому отказали в начале войны в просьбе послать на фронт добровольцами. Проблему вооружения батальона помог решить областной комитет партии. Заведующий военным отделом обкома М. Ф. Алексеев посещал во время телефонного разговора с ним помочь оружием и обещание свое сдержал — прислал в Ордеж грузики с винтовками и боеприпасами.

Командиром истребительного батальона стал начальник милиции Сысоев, его помощником — председатель районного совета Осовнахима Мацуцкий, комиссаром райком утвердил заведующего орготделом Важнова. Забегая вперед, скажу, что в Мацуцком мы крепко ошиблись. Правда, и тогда он не вызывал у нас больших симпатий, но был знаком с военным делом, к тому же значился на хорошем счету у областного начальства. И мы решили доверить ему командную должность. А уже в августе Мацуцкий сбегал из партизанского лагеря и получил у оккупантов пост... начальника ордежской полиции. Когда гитлеровцы под ударами

нашей армии бежали с территории области, Мащучкий последовал за своими хозяевами.

Истребительному батальону Оредежа не пришлось, как другим, вести бой с вражескими воздушными десантами, сражаться вместе с войсками Красной Армии. Войцы батальона несли охрану военных объектов, железной дороги, поддерживали строгий порядок в поселке. Позже они составили ядро партизанских отрядов.

На третий день после посещения Оредежа Шгыновым в район приехал заведующий оргинструкторским отделом обкома ВКП(б) С. М. Зальгин. Собрав в кабинете Сазанова работников райкома и райисполкома, Сергей Михайлович предупредил:

— Обстановка усложнилась настолько, что Военный совет Северного фронта вынес решение о немедленном создании оборонительных рубежей на южных подступах к Ленинграду. Один из них пройдет по реке Оредеж. Завтра к вам придут сотни строителей из Ленинграда. Нужно разместить их, а главное в помощь им поднять своих людей.

— Сколько, примерно, человек потребуется от нас? — спросил я.

— Тысячи три, — ответил Зальгин.

Через полчаса райисполком утвердил план трудовой мобилизации. Организация оборонных работ была поручена председателю райсовета В. В. Васильеву и секретарю райкома партии по кадрам А. Н. Бузову.

Кто в июле — августе сорок первого года находился под Ленинградом, тот никогда не забудет ленинградца с ломом и кирками на берегах рек, на перекарстах дорог, у железнодорожных насыпей. Основную массу строителей составляли студенты, работницы фабрик, домохозяйки. Трудились и днем и ночью, в любую погоду. Натертыми до крови руками, верочая глыбы

гранита, они ставили железобетонные надолбы, делали лесные завалы.

Прекрасно сказал о героическом труде ленинградцев в те дни поэт Александр Решетов:

Тревожный сон —
Свой отдых краткий —
По вою прерывали вы,
Спеша в предместья рить не грады —
Противотанковые рыт...

Фашисты нещадно бомбили и обстреливали с самолетов стронгелей оборонительных рубежей. Немало их осталось лежать и на оредежской земле. Гибли ленинградцы с лопатами и кирками в руках, но смерть их была солдатской смертью.

Оредежский оборонительный рубеж проходил от высоких берегов рени Луги по Оредежу до речки Тесовой. В его создании участвовало более пяти тысяч ленинградцев, три тысячи жителей нашего района. Но труд их оказался почти напрасным. Частям Красной Армии не удалось использовать рубеж на Оредеже. Фашисты ценой огромных жертв прорвали главный оборонительный пояс — Лужский.

9 июля, выкроив несколько часов, я впервые с начала войны побывал в Ленинграде. Решил перевести семью поближе к родителям, работавшим на небольшом заводе. До Вырицы ехали на машине, а дальше под бомбежкой и обстрелом с воздуха добрался в поезде «с дырочками», как сказала дочка, увидев изрешеченные стенки вагонов.

Последний раз я был в городе Ленinna в майские праздники. Утром участвовал в демонстрации. Вечером любовался морем огней над Невой. Как изменился город за двадцать военных дней! Посуrowел. Быстро, как ветеран-гвардеец, изготовился к бою. В небе заростеты

заграждения. К вокзалам спешат отряды народного ополчения. На улицах краснофлотские патрули. Увидев их, как и в день проводов первых мобилизованных в армию оредельцев, опять с тревогой подумал: «Почему сам не на фронте?» Конечно, я понимал: дисциплина есть дисциплина. Сказано: «Сиди в районе и работай на покладая рук» — работая. И все же...

На это мне же...» через несколько дней был дан ответ в кабинете Сазанова. Наш «первый» предупредил меня:

— Завтра на бюро будем обсуждать вопрос о партизанском отряде. Думаю, что формировать его и командовать им придется тебе.

... Вот так. А теперь, — Федор Иванович наступил, — иди и думай о людях, о базах, о вооружении и о том, чего мы с тобой еще не знаем, но знать должны. Ясно?

На следующий день состоялось бюро райкома партии. Большинство моих товарищей, как и я сам, партизанские действия представляли по книгам о гражданской войне. Начега греха тать — немало наивных суждений было высказано на бюро. Поспорили основательно и наконец решили организовать партизанский отряд в составе десяти групп. Разместить группы предполагалось в лесных массивах так, чтобы в случае оккупации района все железные и шоссейные дороги находились бы под ударами партизанских сил. Штабу отряда отводилось место в центре расположения групп. Руководство должно было осуществляться через связных. Такая организация казалась нам тогда идеальной.

С каждым кандидатом в партизаны я обстоятельно беседовал, зачисляли только тех, кто охотно соглашался остаться для борьбы в тылу врага. При этом встретилось нам много неожиданностей. Были и досадные неожиданности, но больше все же делали мы открытий

радостных, таких, которые утверждали нас в непреклонной вере в народ.

Помню, вошел ко мне Андрей Федорович Иванов. Поразился я: что, думаю, ему нужно сейчас в райкоме? Да и как не удивиться — до этого дня я его всего лишь несколько раз трезвым видел. Казался он мне, правду сказать, пропащим человеком. И вдруг явился. Водкой не пахнет, одет опратно. Сел напротив меня:

— Слышал я, вы отряд партизанить набираете.

Потом помолчал и, будто собравшись с силами, одним духом выпалил:

— Возьмите меня.

Долго разговаривали мы с Ивановым. И надо сказать, обидно мне тогда стало за самого себя: сколько времени знал я его, а не разглядел человеческой трагедии, не увидел того хорошего, что было в этом совсем, казалось, опустошенном пожилым человеке.

Трудная жизнь была за плечами Андрея Федоровича. Участвовал в гражданской войне. Был награжден орденом Красного Знамени. Потом служил на границе. Отморозил пальцы обеих рук. Демобилизовался. Лишившись любимого дела, решил человек, что пропал. Забыл, и локатилась его жизнь, как придется.

Теперь он сидит, смотрит на меня, и я должен определить, что делать ему дальше. А как решить? Трудно простить ему, что не сумел он пережить свое горе как должно, что не нашел мужества и воли для того, чтобы остаться в строю. Но нельзя сбросить со счетов и теперешний его приход и требовательный, умоляющий взгляд. Очевидно, не всегда верна поговорка «На пьяном шапку не поправишь». И я поверил Иванову.

— Вы не думайте, Андрюха не погиб. Мы еще повоюем! — сказал он радостно, уходя из райкома.

И действительно — воюал Андрей Федорович самоотверженно, в отряде был лучшим разведчиком...

Утверждали коммунистов — будущих партизан на бюро райкома. Дошла очередь до старшей пионервожатой Торновицкой средней школы Анны Семеновой. Решение единодушное — предложить эвакуироваться в тыл страны. Единственная в семье помощница. У ее отца, Петра Семеновича, рабочего стеклозавода, семья — двенадцать душ. И все ребята мал мала меньше, да и у самой уже сынишка. К тому же Аня заметный человек — активистка, всегда на народе. Где появлялась Семенова — там песни, смех, шутки.

После бюро секретарь райкома комсомола Толя Голицын сказал мне:

— Иван Иванович, а у Юры другие планы. Готовится в подполье работать.

— Ну, какая она подпольщица, — в сердцах бросил я.

Разговор с Семеновой состоялся через день. Я ждал бури, но Аня, выслушав меня, спокойно сказала:

— Ну что ж, я подчинюсь решению райкома.

По лицу молодой женщины было видно — не довольна она нашим решением.

Комплектование отряда мы старались держать в тайне, но, как говорится, шила в мешке не утаишь. Однажды приходит Голицын и заговорщически сообщает:

— Иван Иванович, тут ребята пришли. Актив мой. Отвечаю ему:

— На те ты, Толя, и секретарь комсомольский, чтобы и тебе актив молодежный приходил.

Замаялся Голицын:

— Так они больше к вам, чем ко мне. В отряд зовут.

— Ты рассказал об отряде?

— Нет. Честное комсомольское.

— Тогда веди.

И вот у двери группа парней и двачат. Узнаю некоторых... Леша Сахаров, Тамара Трофимова, Коля Семенов, Волода Николаев... Юные, но ребята боевые.

Пытаю:

— Откуда про отряд узнали? Кто сказал?

Молчат. Друг на друга поглядывают. Тамара первой начинает разговор:

— Так ведь земля слухом полнится. Да и фронт близко.

— Мы и в армии сгодились бы,—подхватывает Семенов.— Так не берут. Разве это справедливо?

— Но ведь дел паровосчерадных сейчас полно. Для фронта нужны горячие сердца не только в бою, не только в партизанских засадах,—пытаюсь я перевести разговор на другие рельсы.— Вот, к примеру, комсомольцы Урала...

— У нас не Урал, товарищ секретарь райкома,— сверкнув глазами, перебивает меня Сахаров.— Фашисты под Лугой.

— В партизанском отряде нелегко будет. Походы, бои каждодневно,—наставлял я на своем.— Да и всякое случиться может. Даже плен.

Чуть ли не хором отвечают:

— Комсомольцы в плен не сдаются!

Что поделаешь с такими? Когда вспоминаю сейчас эту сцену, приходят на ум слова Константина Федина о комсомольцах тридцатых годов: «Характер страстный и без рисовки героический». Точная характеристика.

Комиссаром нашего партизанского отряда стал Важинов. Вообще-то говоря, поначалу райком не собирался оставлять его на оккупированной территории. У Андрея Григорьевича было неважное зрение. Да и здоровьем он не отличался. Но вот однажды обсуждали мы с Сазановым текущие дела, и вдруг в кабинет буквально влетел Важинов и, не здороваясь, горючо заговорил:

— Что ж это получается у нас? Исаков перебеседовал со всеми райкомовцами о работе в тылу врага, а я что, у бога телянка съел? Или уже в райкоме не работаю? Или, быть может, недостойн быть в отряде? Так тогда хотя бы прямо сказали об этом.

— Андрей, ты словно белены обьялся,— попытался я успокоить разбушевавшегося заворга.— Сам знаешь: здоровье у тебя не ахти какое, да и глаза...

— Чего ты к моим глазам привязался!— еще пуше распалился Важнов.— Небось в лесу не книги читать будем. А лесным духом я с детских лет пропитан. Не раз зарывшись в снег, спал под елкой.

— А стрелять?— продолжал я свою линию.— Меткость, кроме всех прочих качеств, предполагает еще и хорошее зрение у стрелка.

— «Предполагает. Предполагает».— Важнов говорил уже зло.— Зато в очках я белку одной дробинкой сниму.

— Прямо так и снимаешь,— засмеялся Сазанов.

— Да. Так и сниму.

— Ну вот, а Исаков говорит — найти трудно.

— Кого найти?— спросил я, не подозревая подвоха.

— Комиссара отряда.— Сазанов поднялся из-за стола.— Иван Иванович, принимай пополнение. Ведь тебе именно и нужен комиссар, который белок стреляет, словно орехи щелкает.

— Конечно,— улыбнулся я.

Огорошенный Важнов замолк.

— Ну, тогда приступайте к делу,— завершил разговор Сазанов,— да поторопливайтесь...

В конце июля и в первые дни августа мы с Важновым и командирами групп партизанского отряда занимались закладной базой: отвозили в лес муку, консервы, сахар, шпик, патроны, гранаты. Укрывали надежно: железные бочки зарывали в сухие песчаные ямы, тщательно

но маскировали их дерном. Удалось заложить семь баз из намеченных девяти. Не успели лишь попасть в район Чащи и Новинки.

Возвращение из леса в райцентр всегда было печальным. Приходилось обгонять, а иногда и пробиваться сквозь толпы беженцев. Шли по дорогам псковичи, латыши, эстонцы. С котомками за плечами брели старики, женщины, дети. Пылали колхозные стада, угоняемые на восток. Рев. Визг. Крики. Затопы на переправах. Больно смималось сердце от этих картин народного горя.

На помню точно, четвертого или пятого августа мы возвращались с Вайновым из Новобережницкого сельсовета, где ночью оборудовали последнюю базу. День только-только начинался. Дымился горизонт, и деревья, выплывавшие навстречу из молочного тумана, были какие-то призрачные. На обочинах дороги догорали костры, обозначая места коротких ночных привалов беженцев. Первые солнечные лучи застали нас у деревни Бережок. И здесь же настиг тревожный гул. Кто-то крикнул:

— Воздух!

Оставив машину, мы бросились в кювет. И сразу же над дорогой повисли три самолета с черными крестами на крыльях. Леденая от ужаса, толпа беженцев застыла на какой-то миг, не сразу рассыпалась на кучки. Почти каждая пуля фашистских пулеметов нашла свою жертву. Много в то утро наших соотечественников осталось лежать наземно вблизи деревушки с таким чисто русским и ласковым именем — Бережок.

Говорят: ненависть — трудная наука. Кто видел варварские расстрелы беззащитных стариков, женщин и детей асами Гитлера в первые дни фашистского нашествия, — тот быстро прошел все ее ступени... Когда воздушные бандиты делали второй заход, к нашей машине

бросились женщина и девочка лет восьми. Мать бежала, прикрывая руками и телом свое дитя. Добежать не успели... Я подполз к ним. Женщина была убита, девочка ранена в ногу. Ручонками вцепившись в руку матери, девочка шептала:

— Мамонька, родненькая, проснись...

В глазах осиротевшего ребенка виделось такое, что даже теперь, спустя тридцать лет, когда я вспоминаю эту встречу на дороге, озноб проходит по всему телу.

Девочку мы отвезли тогда в Вязнищенскую больницу. Туда же и в другие медицинские пункты доставляли тяжелораненых. В Оредеж вернулись поздно. В кабинете Сазанова я застал начальника железнодорожной станции Федуллина. Он просил похлопотать о присылке занятой батареи.

— Военские эшелоны идут через нас один за другим,— говорил Федуллин охрипшим голосом,— пришли—ушли, дело такое. А вот сегодня приказали поставить под разгрузку состав со снарядами. Загнал в тупик. Стоит пока, не разгружают. Неровен час—нелетят бомбардировщики. Чем их отгонять? И от поселка и от эшелона рожки да ножки останутся.

— Тревога законная,— согласился Сазанов,— позволю Штыкову, попросу посодействовать.

Разговор с Федуллиным посеял в душе неприятное беспокойство. Дома долго ворочался на диване, да так и не заснул, хотя устал смертельно. Чуть свет отправился в райком и попал... под бомбежку.

Это был первый крупный налет фашистской авиации на Оредеж. Гитлеровцы сбросили на станцию и поселок 12 фугасных и более 80 осколочных бомб. Сразу же возникли пожары: загорелись склады «Заготзерна», Дом крестьянина, вагоны на станции. У складов среди пожарников я увидел Сазанова. Он крикнул мне:

— Телефоны не работают. Немедленно выводил истребительный батальон на восстановление железной дороги.

Станцию было не узнать. Здание вокзала без крыши. На путях искореженные рельсы, остовы сгоревших вагонов. Но могло быть и хуже — узнал фашисты об эшелоне со снарядами. Предусмотрительность начальника станции Федулкина, загнавшего эшелон в глухой тупик, отвела от нас огромную беду.

Вооружившись ломом и кирками, мы дружно взялись за расчистку железнодорожных путей и к концу дня завершили восстановительные работы. Еще раньше были ликвидированы пожары.

Бомбежка не обошла и мою квартиру. В комнаты влетело несколько осколков. Три из них я обнаружил в диване, на котором накануне провел бессонную ночь. Тоскливо побродив минут пять по разбитому жилью, я потихоньку направился опять к зданию райкома и с того часа перешел на «казарменное положение» — ночевал, когда удавалось быть в поселке, в рабочем кабинете.

Вскоре гитлеровцы еще раз подвергли Ордеж сильной бомбежке. Также были большие разрушения, и пожары, и жертвы. Но в этот налет у нас имелась «своя» зенитная батарея. Разговор со Штыковым оказался магическим действом на некоторых нерасторопных организаторов обороны — на станции обосновалось подразделение зенитчиков.

А положение на фронте осложнилось. Фашисты прорвали оборону наших войск на реке Луга, восточнее станции Батецкая. 13 августа в поселке появились первые группы военных, отходившие в сторону Ленинграда. Были среди них и те, кто, испугавшись, просто не стоял против фашистских танков. Попадались и изменнически военной присяге.

В те дни можно было нередко услышать в адрес военных малестнов: бегут, дескать. Но мне и моим товарищам приходилось, уже оставшись на оккупированной врагом территории, не раз убеждаться в мужестве и стойкости красноармейцев и командиров при отходе их с Лужского оборонительного рубежа. Приведу лишь один пример.

Через деревню отступала рота наших связистов. За старшего у них был командир с тремя кубышками в петлицах. В деревне их предупредили о большой колонне гитлеровцев, двигавшейся по дороге. Залегли красноармейцы на холмах в засаде и дали бой. Был он коротким и ожесточенным. Колхозники рассказывали: под каждым березовым крестом солдаты зарили по два, а то и по три убитых.

О судьбе же наших храбрецов узнать ничего не удалось. Может, и пробились некоторые из них к Ленинграду. Может, кто и жив из них и, прочтя эти строки, откликнется. Заполнится еще одна белая страничка истории минувшей войны.

В ночь на 16 августа из Оредежа ушли последние эшелоны. На станцию Новинка отбыл и районный штаб по руководству партизанским движением. В него входили Сазанов, Васильев и начальник районного отдела НКГБ Володченко. Перед отъездом Федору Ивановичу удалось связаться по телефону со Смольным, поговорить со Штыковым.

— Успели ли эвакуировать все, что намечалось? — спросил секретарь обкома.

— Почти все, — ответил Сазанов. — Уходим в леса. Встретимся там! Прощайте, Терентий Фомич.

— Не прощайте, а до свидания, — поправил Штыков. — Встретимся обязательно. Придет время, и на

пленуме областного комитета будем слушать, как оредожди громили оккупантов.

И ведь вышло так, как говорил Терентий Фомин. В 1944 году после освобождения Ленинградской области от немецко-фашистской оккупации состоялся расширенный пленум обкома ВКП(б), на котором были подведены итоги партизанского движения в тылах фашистских армий, осаждавших Ленинград. Теплые слова были сказаны на пленуме и в адрес партизан-ореденцев. Но это было в 1944-м. А тогда...

Ранним утром 16 августа в поселке раздался огромной силы взрыв.

— Ну вот, не стало и железнодорожного, — глухо сказал Везнов и, махнув рукой, пошел во двор райкома, где и отправка в лес готовилась наша последняя машина.

Взрыв моста саперами был сигналом к отходу от Оредежа последних подразделений наших войск. Пришел и наш черед. Я еще некоторое время оставался в здании райкома, принял несколько сообщений о вражеском вторжении в район. В сельсоветах сидели дежурные. При приближении фашистов они должны были звонить нам и уже затем отправляться в свои группы. Мы не располагали тогда никакими средствами для выяснения истинного положения дел.

Первый телефонный звонок раздался из Каменно-Полянского сельсовета.

— В деревне Велегощи, — услышал я взволнованный голос Павлы Ивановны Костыговой, — сильная стрельба. Раз провод. Ухожу в лес.

Минут через десять такое же сообщение поступило от Павла Степанова — председателя Бельского сельского Совета. Враг приближался. Нажав на рычаг, я крутанул ручку телефона.

— Слушаю, — раздался голос в трубке.

— Взяв коммутатор и быстро к машине, — отдал я последнее распоряжение дежурившему на телефонной станции теперь уже партизану Ефимову.

И вот мы в машине: Важинов, я, еще несколько партизан. Старая, вышедшая из моды полуторка, тихо урча, медленно набирает скорость. В поселке безлюдно. Тишина гнетущая. Одиная кошка перебегает дорогу..

Несколько минут езды, и мы скрываемся в лесу. Путь наш лежит в урочище Хиновинской мох. На душе муторно. Притихли мои товарищи. Как бы печалась, поскрипывают деревья. А справа, километрах в пяти в направлении к райцентру слышен гул моторов и автоматные очереди. Стреляют гитлеровцы...

ЖИЗНЬ МЕНЯЕТ РУСЛО

Небольшой островок среди болот. В трех километрах — деревня Стройно, в пяти — Стан, в шести — Кипино. От деревень к острову нет никаких дорог, только тропки, нахоженные грибниками и ягодниками. В этом укромном уголке мы и поставили свои первые партизанские шалаши.

Мы — это небольшой штаб отряда, девять сазных и диверсионная группа из пяти человек. На вооружении у нас винтовки СВТ да один пулемет Дегтерева. Не густо. Правда, есть порядочный запас гранат, но нет взрывчаток.

...Первая партизанская ночь. Чуть слышно шелестят над головой кроны деревьев. Тихо окрест. Будто и нет войны, и жизнь наша не поменяла привычного русла, и мы не партизаны, а всего-навсего компания охотников, заночевавшая в лесу в ожидании зорьки.

Мирный настрой мыслей прерывают далекие глухие удары. Содрогается, гудит земля.

— Иван Иванович, слышите? — тревожно спрашивает Толя Голицын. — Орудия бьют.

— Чего не спишь-то? — отвечаю вопросом на вопрос.

— Где-то в стороне Луги, — не упоминается Анатолий.

— Пожалуй, — соглашаюсь я.

Ложим молча, вслушиваясь в отзвуки отдаленного сражения. Не спят, очевидно, и другие наши товарищи, гадая, что за бой идет на территории, уже захваченной фашистами. Позже мы узнали, что это героически дрались с врагом закатые в полукольцо части 41-го стрелкового корпуса. Стало известно нам и имя их командира — генерал А. Н. Астанин.

Не успел задремать — подняли часы. Пришли командиры групп: Бальской — Михаил Матавеевич Матаев, наш райкомовец, и Теребушской — Иван Алексеевич Михеев, редактор районной газеты. Они доложили о своих первых успехах. Группа Михеева устроила зевал на большаке, идущем к Оредежу, вырезала двести метров телефонного кабеля. Разведчики группы Матаева Володя Николаев и Жаня Мезис на шоссе Любань — Оредеж убили двух гитлеровцев-связистов, оборвали провода.

— Мелодцы. Начало положено неплохое, — сказал я, выслушав донесения командиров групп, и приказал: — Продолжайте самое тщательное наблюдение за дорогами, нападайте на мелкие подразделения оккупантов и постарайтесь сжечь или разрушить мосты на большаке.

Матаев и Михеев ушли.

— Как-то там наши в Новинке? — высказал затеанную мысль Важное.

— Я тоже об этом беспокоюсь, Андрей. Давай пошлем связного.

— Какого?

— Андрея Иванова. Старый пограничник все же.

— Согласен. Завтра вечером и в путь. А сейчас спать.

Впоследствии я всегда удивлялся способности нашего комиссара моментально засыпать. Храп же его был подобен реву медведы. Правда, и просыпался Важнов по тревоге мгновенно.

Иванов с радостью согласился пробраться в Новинку, но предложил:

— Пойду днем, в открытую. Инвалид, собирающий милостыню, вряд ли заинтересует гитлеровцев. Попутно узнаю и что в деревнях делается.

Предложение было резонным, и мы согласились.

И вот наш первый разведчик готов к походу: стоит сутулась, опираясь на суковатую палку, на голове затасканная кепчонка, на плечах старый, промасленный пиджак, борода всклокоченная, в правой руке корзинка, из-под ручки которой торчит культяпка. Смеется:

— Ну как, хорош побираться? Благословляй, командир.

— Ни пуха ни пера, — говорю.

Иванов ушел, а вскоре покинули базу и мы с комиссаром. Две партизанские группы объявились, а остальные? Погибли? Не смогли прислать связных? Предположений возникало много. Поразмыслив, мы с Важновым пришли к выводу, что направлять боевые действия групп издалека — дело бесперспективное. Решили стянуть на одну базу все группы, кроме Новинской и Торковичской. Иванов предложил:

— Давай, командир, это оргмероприятие проведем лично. Будем действовать по восточной поговорке: если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе. Ты толпей в Каменно-Полянскую, Новоберезницкую и Печновскую группу, а в свои стопы направляю в Тербушскую и Бельскую.

Так и поступили. На поиски товарищей со мной пошла Тамара Трофимова, медицинская сестра отряда.

Девушка в 1940 году окончила среднюю школу, мечта-ла поступить в кораблестроительный институт. Но в ву-за уже училась ее старшая сестра. Чтобы облегчить положение семьи, Тамара решила годик переработать. Ко-гда началась война, она первой в поселке стала ухаживать за ранеными в госпитале. И в отряд пришла в чи-сле первых. Высокая, стройная, с пышными русыми ко-сами, с дерзким вызовом тревожному будущему в серых с голубишкой глазах, серьезная и бескомпромис-сная при решении важных вопросов, а на отдыхе у кост-ра умеющая много, по-домашнему смеяться и задумча-но петь, Тамара вселяла в окружающих бодрость и оп-тимизм.

Шли мы всю ночь. Изредка перебресывались фраза-ми-воспоминаниями. Что было до войны, стало вдруг далеким-далеким и вспоминалось как дорогое, завет-ное. И раз, и другой Трофимова начинала разговор сло-вами:

— А вот в кораблестроительном...

Я не выдержал:

— Послушай, Тамара, ведь ты — потомственная же-лезнодорожница. Почему же ты корабелем думала стать?

Трофимова неожиданно остановилась и, не отвечая на мой вопрос, запальчиво произнесла:

— Вот вы сказали «думала». Говорите в прошедшем времени. А я и сейчас об этом думаю и буду думать и ждать. Победим Гитлера — и тотчас же в Ленинград. И только в кораблестроительный. Хоть пешком, как сейчас с вами...

Но вот мы и у цели. Никого из партизан Каменно-Полянской группы на месте не оказалось. Решим от-дохнуть. Прислонившись спиной к ели, я задремал. И почти сразу послышались людские голоса. Открыл

глаза — Тамара разговаривала с братьями Дмитриевыми.

— Не дал человеку соснуть малость, — с упреком сказал брату Константин Дмитриев. — Ишь распутушился. Потнище никак не мог.

— Да как тут не горячиться? Отожжываемся по вине командира! — выпалил Анатолий Дмитриев, а потом уже поздоровался.

Я хорошо знал Дмитриевых. Константин работал в райсовете, Анатолий был агентом уполномоченного Наркомата заготовок. Оба коммунисты. С горечью братья рассказали о предложении командира группы Лебедева уйти за линию фронта. Подумал: «Вот она, паравоз осенний». Спросил:

— Сколько собралось народу и где сейчас группа?

— Пятнадцать человек, — ответил Анатолий. — Находятся все неподалеку отсюда. Напрямик километра два будет.

Через полчаса я уже разговаривал с бойцами. Бездействие рождает не только растерянность, но и пассивность мысли. Настроение у некоторых товарищей остывало желать много лучшего. Лебедева от командования пришлось отстранить. Группу принял коммунист Виктор Николаевич Парфинский, бывший работник дорожного отдела райисполкома. Он и повел бойцов на базу штаба отряда, а мы с Тамарой отправились дальше.

Днем идти дорогой было опасно. Шли канавой, поросшей молодым березняком. Вдруг впереди послышался приглушенный стон.

— Слышите? — встрепелась Тамара.

— Да. Кажется, кто-то стонет.

Мы остановились. Стон повторился. Шагах в десяти от канавы Тамара обнаружила двух красноармейцев, лежавших под большим кустом.

— Ранены? — спросил я.

Увидев нас, один из них настороженно приподнялся и сунул левую руку в карман.

— Лимонку не вытаскивай. Свои мы,— успокоил я бойца.— Партизаны.

Тамара достала бинты. Перевязала раны. У того, что поднялся, была перебита правая рука, у второго — сквозное ранение в плечо.

— Ну, теперь дойдем,— свернула глазами боец, раненный в руку,— обязательно дойдем.

— Оставайтесь-ка лучше с нами. Подлечитесь, и во-всего олять начнете.

— Спасибо, товарищ. Но мы не от войны, а к войне идем. Вот отлежимся малость и к своим мавнем. Нам в свою часть надо. Неровен час, за дезертиров сочтут. Всему полку срамота будет.

— Ну что ж, поступайте, как велит долг ваш, а для поддержки вот возьмите,— протянул я раненым несколько сухарей и горсть махорки.

Надо было видеть, как обрадовались они нашему скромному дару. Распрощавшись, мы с Тамарой зашагали дальше, а над кустом заструился тонкий вихор дыма.

Новобережницкую группу мы нашли на условленном месте — вблизи хутора Липовый. Встретили нас бойцы горестным известием — в первом бою погиб командир группы Илья Петрович Краев, следовательно районной прокуратуры.

Произошло это 17 августа. Партизаны сделали засаду на шоссе. На нее наравалась колонна вражеских автомобилей. По головной машине стрелял из единственного ручного пулемета сам командир. Поджог ее. Гитлеровцы ответили бешеным автоматным огнем.

— Отходите! — приказал Краев товарищам, а сам стал на колени и начал бить короткими очередями по автоматчикам.

Бил до тех пор, пока не упал, пронзенный несколькими пулями. После гибели Краева группу возглавил Роман Васильевич Филиппов, бывший председатель сельского Совета.

Остальные группы мы не нашли. Печновская распалась. Командир ее, Г. Е. Матвеев, допустил неосторожность, стоившую ему жизни. Решил проведать домашних. Ночью ушел из лагеря в деревню. Ранним утром был схвачен гитлеровцами и повешен на телеграфном столбе.

Распались также Человская и Чашинская группы. Незначительная часть товарищей растерялась — разошлись по домам. Большинство же бойцов присоединилось к партизанам, находящимся при районном штабе партизанского движения.

На четвертые сутки путешествия по болотам и лесным чащобам мы с Трофимовой возвращались на базу отряда. Смеркалось. Усталые и голодные, брели тропкой змийка. Пользовались ею жители, очевидно, редко. Она то пропадала, то мелькала впереди отдельными лоскутами. До базы оставалось километра три пути, когда перед нами, словно из-под земли, вырос Алексей Сахаров.

— Лешка! — восхищенно воскликнула Тамара.

Трудно было не заметить, что моя спутница очень рада встрече именно с этим голубоглазым разведчиком. Но у меня почему-то кольнуло в сердце: не страшась ли беда какая?

— Товарищ командир, — доложил Сахаров, восторженно глядя на покрасневшую Тамару, — на старую базу идти нельзя.

— Фашисты наведальсь?

— Никак нет. Сбежал Мацуцкий. Комиссар перевел лагерь в другое место.

— Пошли...

Важнов предпринял и другие меры предосторожности на случай внезапного нападения гитлеровцев на отряд: выставил «секреты» на дорогах, усилил охрану самого лагеря. Встретил он меня словами:

— У нас теперь целая армия.

— Без труса Мацуцкого? — съязвил я.

— Он не трус.

— А кто же?

— Подлейший из подлецов. Важничал. Португею носил. Ремнями скрипел. Грамоты получал. Попадись он мне, — Важнов даже зубами заскрежетал, — пулю влепаю...

— Как белка в глаз, — попытался я разрядить гнев комиссара. — Ладно, Андрей, в другой раз умнее будем. Давай-ка о деле лучше разговор начнем.

Всю ночь проговорили мы тогда с Важновым: делились новостями, анализировали сообщения разведчиков, рассказы жителей. Обстановка складывалась тяжелая. Район наводнили фашистские войска. Волна за волной катилась они к Ленинграду. В Оредеже еще не появились учреждения оккупационных властей, такие, как «Ортскомендатура» (местная комендатура), «Арбайтсдинст» (биржа труда), «Зольдатенхейм» (солдатский клуб), но повсеместно, где ступала нога гитлеровцев, звучали лежачие команды: «Хальт!» (Стой!), «Раус!» (Выходи!), а вслед за ними раздавались автоматные очереди. Фашисты расстреливали, вешали жителей сел и деревень без суда, без следствия, даже без подозрения — коммунист ли схваченный ими человек. Убивали для устрашения и просто так, выполняя человеконенавистнический наказ Гитлера: каждый истинный враг должен уничтожить сто русских.

Важнов, побывавший в Холомцах, рассказывал: гитлеровцы обшарили каждую избу, все, что можно, забрали, вплоть до детских игрушек, порезали всю домаш-

нюю птицу. Остатки и кровавый след — посреди деревни на телеграфных столбах повесили колхозников Полякова и Егорова, не успевших спрятаться в лесу, и двух раненых красноармейцев. Жертвами фашистского вторжения в первые часы оккупации стали колхозник Андреев в деревне Треньково, Гоголев — житель деревни Ям-Тесово, Серяков и Павлов из села Бор. В поселке Почапской машинно-тракторной станции солдаты обнаружили лишь одного сторожа МТС Осипова.

— Один остался? — спросил его на чисто русском языке офицер-гитлеровец.

— Один, — ответил Осипов, — сторож я.

— Добро большевистское охранять остался, — разъярился офицер и приказал повесить старика.

Фальсификаторы истории минувшей войны распространяются сейчас за рубежом о якобы непричастности солдат и офицеров вермахта к злодеяниям на оккупированной территории Советского Союза. Их творили, дескать, особые подразделения — эсэсовцы, охранные войска. Но мы-то, бывшие партизаны, хорошо знаем: убивали, мучили на допросах, казнили и те и другие. Это кадровые военные из 18-й немецкой армии в первые дни своего пребывания на среднежской земле заминировали тела женщин и детей, погибших при обстрелах и бомбежках. Они знали, что делали... Так погиб отец Ани Семеновой — ветеран Торнозичского стеклозавода. Шел Петр Семенович в поселок. Увидел — на дороге лежит женщина. Подумал: ранена, решил помочь. Приподнял ее и... взлетел на воздух.

Одновременно с террором и грабежом гитлеровцы пытались испакостить и отравить духовный мир жителей оккупированного края. С этой целью в населенных пунктах разбрасывалась и расклеивалась различная печатная продукция ведомства Габбельса. Чего только не было в фашистских фальшивках! И фотографии гитлеров-

ских офицеров, снявшихся у Исаакиевского собора в захваченном якобы Ленинграде, и обращение к народу 42 советских генералов, будто бы добровольно перешедших на сторону гитлеровской армии, и обещания «поддерживать частую инициативу, дух свободного предпринимательства».

Вывод из нашего ночного разговора напрашивался один: нужно быстрее разворачивать боевые действия и нести слово правды в массы. Утром мы провели реорганизацию отряда: создали четыре группы по двенадцать человек в каждой, скомплектовали отделанные разведки, выделили людей в «хозчасть». Командирами групп были назначены М. М. Маташев, В. И. Турilen, В. Н. Парфисский, И. А. Михеев. Бывший заместитель директора МТС П. А. Александров стал заместителем командира отряда по снабжению. Александров хорошо знал район и пользовался уважением у населения. Эти качества партизанского «кормильца» в тех условиях имели существенное значение.

А день тем временем клонился к обеду. И вскоре вся наша партизанская «армия» выстроилась в очередь у котла, у которого хлопотала со своими помощниками Павла Ивановна Костыгова. Посуда у нас была самая разная: миски, стеклянные банки из-под консервированной фасоли, а Ефимов, коренастый, крепко сложенный парень, держал в руках наску. За «столом» вспыхнул приглушенный смех, когда он, вздохнув, обратился к Важнову с «жалобой»:

— Товарищ комиссар, полюбуйтеся: всем по полной посудине супу налито, а мне Павла Ивановна лишь полпорции отпустила.

За обедом держать язык за зубами мудрено. Посыпались шутки: одни предлагали поставить Ефимова на специальное довольствие, другие — назначить постоянным дежурным по кухне. Первый общеотрядный обед

получился и сытным и вкусным и прошел весело.

Вскоре после обеда мы провели партийное собрание. Все было необычно: обстановка — сидели на скамейках из жердей, вокруг выжились могучие елки; повестка — задачи коммунистов в борьбе с фашистской оккупацией; порядок ведения — президиум не избирался, вместо доклада — короткая речь комиссара. Запомнились проникновенные слова, сказанные Важновым о мужестве погибшего Краева. Понравилось горячее выступление Владимира Ивановича Турилена о необходимости железной дисциплины в отряде. Я кратко проанализировала недостатки первых дней нашей партизанской жизни. В заключение сказал:

— Нам тридцать три человека. В каждой палатке бойцов есть два коммуниста. От того, как мы будем вести себя в бою, в походе, поступать в повседневной жизни, зависит решение всех задач, стоящих перед отрядом.

В ночь на 22 августа лагерь опустел. Большинство бойцов ушло на задание. Первыми вернулись разведчики. Их командир Петр Ефимов доложил: движение воинских частей по проселочным дорогам незначительное, в ближних от лагеря деревнях гитлеровцев нет, вдоль большака Новгород — Чолово вражеские связисты с помощью специальной машины прокладывают многожильный телефонный кабель.

— Хотя их было и порядочно, мы чуток потревожили этих фрицев, — шутовское, коричневое от загара лицо командира разведчиков расплылось в улыбке, — местность там открытая, засады не устроишь, так мы пулюнули раз пять и дралала.

— А они? — спросил комиссар.

— Застрочили из автоматов, но ребята по канаве отползли.

Доклады о выполнении заданий другими группами мы с комиссаром решили заслушать в присутствии всех

партизан. В ходе их попытаться сделать разбор — все же это были первые отрядные операции. Начали с Михеева. Иван Алексеевич по национальности чуваш, роста невысокого, немного сутуловат в плечах, лицо круглое, с глубоко посаженными узкими карими глазами, редкой черной щетинной усов и такого же цвета бородкой. Сугубо штатский человек. Перекинулся с ноги на ногу и причмокивая языком, он не докладывал, а рассказывал:

— Вышли мы к дороге под утро. Разделились на три группы по четыре человека и залегли на опушке, метрах так в тридцати от большака. Долго лежали — не идет, собака. Уже после полудня услышали шум моторов! Ага! Идет, собака. Показалась машина. Коля Семенов гранату под нее метнул. Точно угодила. Машина в кювет. Мы к ней, стреляя. Шофер убит. В кузове — снаряды. Бензином облили, подожгли и ходу. Громыкнуло, конечно. Мы в болото. Отошли километров десять и затопились. А сегодня еще засаду устроили — подбили двух мотоциклистов. Захватили автомат, полевую сумку с документами. Мотоциклы сожгли.

Следующим докладывал Турнлен. Стройный, всегда подтянутый, немногоречивый Владимир Иванович напоминал собою кадрового военного. И доклад его был короткий, строг: сожгли деревянный мост через реку Черную на шоссе Батецкая — Новгород, подбили две автомашины с продуктами, взяли трофей.

Отличился и группа Перфижского. На ее счету было три уничтоженных моста и 300 метров вырезанного многожильного телефонного кабеля. В общем начало было удачным, и, что особенно радовало, потерь отряд не имел.

Повеселели люди. Расходясь на ужин, шутили, подтрунивали друг над другом. С самым серьезным видом командир разведчиков Ефимов спросил у Михеева:

— Иван Алексеевич, голубчик, а куда собака девалась?

— Какая собака! — оторопел бывший редактор.

— А та, которая никак не шла, когда ты в засаде сидел.

Все рассмеялись. Михеев, у которого самым ругательным словом было «собака», окончательно смутился, но ему на помощь поспешил Анатолий Дмитриев:

— А собака пропала, когда товарищ Ефимов пулынул раз пять и дралала.

И опять раздался дружный смех. С того часа и командиру разведки пристала кличка «пулынул и дралала».

Весь вечер в лагере царил приподнятое настроение. А выдался он на славу, Теплень. Воздух стоял надменно. Месяц светил мягко.

Коммиссар из своей объемистой сумки достал книжку и, водрузив на нос очки, начал вслух читать. Читал Вязнов мастерски, и вскоре все мы, сидевшие у костра, перенеслись в мир героев повести Николая Островского «Рожденные бурей». В разгар чтения за нашими спинами раздался хриловатый голос:

— Мир дому сему.

От неожиданности все вздрогнули. Оглянувшись, я увидел Андрея Иванова. Он стоял, как и в час ухода на связь с Сазановым, опираясь на суховатую палку. Только вместо корзинки держал в руке пакет. Улыбаясь, Андрей Федорович по-военному отрапортовал:

— Товарищ командир, задание выполнено. Связь с районным штабом партизанского движения установлена. Вам пакет от товарища Сазанова. Со мной в лагерь прибыл связной штаба Павел Петрович Лаптев.

Я вскрыл пакет. Федор Иванович сообщал: все живы, на базе собралось человек шестьдесят, есть радиоприемник — слушают Москву, известия из столицы распространяют среди населения. В конце письма предлагалось

членам бюро райкома явиться в штаб для обсуждения неотложных дел. Лаптев передал нам несколько сводок Совинформбюро, которые тут же были прочтены. На радостях комиссар распорядился выдать по черке вина из захваченного провизанта с уничтоженной вражеской машины. А я решил не мешкая отправиться на поиски группы Бухова — нужно было сообщить ему о вызове к Сазансу. Со мной пошли Володя Никольев и неутомимый Андрей Федорович Иевнов.

У Торновичей мы появились незадолго до утра. Поселок был укутан, словно плащом, беловатым туманом. Мертвящая тишина. Ни лая собак. Ни щелочек света в каком-либо из домов. Постучали в крайний дом. Здесь жили Романовские. Я их знал давно. Честные, хорошие люди. У них была наша явочная квартира. Домик стоял в глубине двора. Рядом балочка. За ней кустарник и лес. В случае чего — нетрудно уйти.

На условный стук нам открыли дверь. На ощупь, по темным сеням прошли в комнату. Здесь хозяйка застелила наганец. Гляжу — за столом еще какая-то женщина сидит.

— Здравствуйте, Иван Иванович. Не узнали? — тихо спрашивает она.

— Семенова?

— Я, Иван Иванович.

— Так ты не эвакуировалась?

— Как же я могла! Ведь мои мальчишки и девочки остались...

И Аня с увлечением начала рассказывать о создании в Торновичах подпольной молодежной группы. Слушая ее, я подумал: еще недавно такие, как она, понятия не имели о явках, паролях, связных, не знали, как боевую гранату бросить, как мину заложить...

К работе группы Аня привлекала ребят осторожно. Она как бы по-новому всматривалась в каждого из них.

Однажды к ней пришла Сусанна Яковлева. Жила Яковлева с родителями у переезда. Девушка была чем-то очень опечалена.

— Что с тобой, Сусанночка! — Аня усадила гостью за стол, налила стакан чаю, нарезала хлеб.

— Мама болеет, Анна Петровна. А где теперь лекарства взять?

Аня расспросила Яковлеву, на что жалуется мать. Достала из своих запасов порошки:

— Вот, возьми. Не поможет — приди, подумаем.

Сусанна поблагодарила. Завязала порошки в платочек, но уходить не торопилась, задержалась у двери.

— Ты что-то хочешь спросить?

— Анна Петровна, говорят, в лесу появились партизаны. Я им помогать хочу. Вот сухариков засушила. — Глаза девушки блестели.

— Вот что, Сусанна, приходи завтра вечером. Поговорим. Ты, кажется, вышивать любила. Не бросила? Тогда рукоделье свое прихвати.

На другой день Яковлева пришла под вечер. Осторожно постучала.

— А, Сусанна! Входи. — Семенова пропустила девушку в сени и закрыла дверь на большой кованный крючок.

В комнате сидели Лена Нечаева, Катя Богданова, Тася Яковлева. Перед каждой — рукоделье: вязанье, вышивка.

Сусанна недоуменно посмотрела на них, потом на Семенову. Вот-вот с губ готов был сорваться вопрос «Такое время, а вы чем занимаетесь — цветочки вышиваете?»

— Садись, садись, Сусанночка. Принимайся за дело, — ласково сказала ей Аня.

Яковлева села, разложила свое рукоделье, но все еще не могла понять, зачем здесь собрались подруги.

— Девочки, споем! Нашу русскую «Рабинушку», — предложила хозяйка.

И, не дожидаясь ответа, красным голосом запела:

Что шумная, канавка,
Тонкая рибина...

Девушки тихоенько подхватили.

Потом пели другие песни. Совсем недавно они звенели на улицах поселка, а теперь, словно птицы в неволе, билась в небольшой комнатке Семеновой.

Но девушки собирались не только для того, чтобы быть вместе. Хотя в те дни и это было очень важно — не потерять друг друга. Отложила рукоделие, они брали в руки карандаши и... начинала работать «типография» — размножались сводки Совинформбюро, листовки, сброшенные советскими летчиками... Так в жуткой ночи фашистской оккупации в Торковичах засветился первый огонек сопротивления.

В ту нашу встречу с Семеновой удалось о многом поговорить. От имени райкома партии я поблагодарил Ано за создание молодежного подполья, предостерег от излишне рискованных действий в самом поселке, определил места встреч подпольщиков со связанными отряда.

Букова мы тогда не нашли, и наша тройка даннулась в обратный путь. Было часов девять вечера, когда мы приблизились к шоссе Оредж — Любань. Ни машин, ни людей. Лишь летучие мыши пулями простреливали дорогу. Впереди тускло желтели поля необранного ячменя. Только мы приблизились к ним, как от деревни Надбелье сверкнули огни фар. Мы быстро укрылись за стволами огромных берез, оставшихся здесь со времен арканваевских военных поселений.

— Машина одна, товарищ командир. — Голос Николаева от волнения стал силлым.

— Точно, — подтвердил Иванов и вопросительно посмотрел на меня.

— Попробуем, — ответил я.

Подлустив автомобиль метров на пятьдесят, мы с Николаевым открыли огонь. Машина развернулась поперек шоссе. Фары погасли. И почти сразу заговорил автомат. Фашист стрелял длинными очередями. Мы отвечали одиночными выстрелами. Дуэль продолжалась минут двадцать. Наконец автоматчик замолк.

Осторожно вышли на шоссе. В машине лежал убитый офицер, а за одной из берез скорчился солдат с автоматом в руках, по-видимому шофер. Я поднял автомат (с ним и воевал до изгнания немецко-фашистских захватчиков из пределов Ленинградской области), Николаев обыскал машину, и мы продолжали свой путь. Ночью жители деревни Будково положили убитых гитлеровцев в автомобиль и столкнули его в реку Оредеж.

Этот небольшой выход из лагеря еще раз убедил нас: без прочной связи с населением, без его поддержки партизанское движение в лучшем случае сведется к отдельным диверсиям, а борьба с партизанами у гитлеровцев потребует лишь чисто полицейских акций. Правда, даже тогда меня удивляло, как некоторые наши спецгруппы, прибывшие на оккупированную территорию на длительный срок, пытались выполнять задания без каких-либо контактов с местными жителями. Не мудрено, что они гибли или вынуждены были выходить раньше срока в советский тыл.

В тот раз мы с комиссаром решили часть партизан (был у нас резерв из пожилых колхозников) направить по... домам. Предварительно каждого хорошо прони-структурировали. Одни назначались нашими связными, другие должны были заниматься сбором разведывательной информации, третьи — распространять советские газеты и листовки.

В деревню Кипино ушел В. И. Михайлов, в Курско — Т. Дмитриев, в Стройно — И. А. Александров, в Теребуши — А. Иванов, в Стан — Ф. Кузьмин, в Третьяково — В. Дмитриев, в Волосково — М. Павлов, в Замостье — В. Григорьев. Возвращались они без большого риска, так как многие жители во время боев на территории района укрывались в лесах, а теперь по требованию оккупационных властей (гитлеровцы разбросали даже листовки с самолетов) должны были вернуться к родным очагам. В противном случае им грозила расстрел.

Проводя последнего «легального партизана», комиссар предложил:

— Не грезь, Иван Иванович, и нам с тобой еще одно путешествие по деревням совершить.

Я согласился, и следующей ночью мы покинули лагерь. Направились каждый по своему маршруту: комиссар — в южную часть района, я — в деревни, расположенные вдоль шоссе Ордеж — Любань.

Первый визит нанес в Надбелье. В этой деревне проживала мать молодого партизана Володи Николаева, которого я взял с собой в поход. До войны Мария Ивановна работала в колхозе бригадиром-овощеводом. Все восхищались ее трудолюбием и твердостью духа. Трое малышей осталось на руках у молодой женщины после смерти мужа в 1929 году. Всех подняла. И никто никогда не слышал от Николаевой жалобы или обиды на судьбу.

Мы встретились в глубоком овраге, поросшем кустарником. Он подходил почти к самому огороду Николаевых. Обня сына, Мария Ивановна протянула мне руку со словами:

— В дом не зову. Уж не обессудьте за такое гостеприимство.

— Обижаться нам не на кого, — успокоил я Николаеву, — место свидания выбирали сами. Не в добрый час встречаемся.

— А долго ли продолжится тот час, Иван Иванович?

— Трудно сказать. Но, как говорят восточные мудрецы: солнце халатом не закроешь. Выстоим. Победим.

— Это верно. Только и самим сидеть сложа руки нельзя. А мы тут... — Мария Ивановна досадливо махнула рукой.

— Вот за этим и пожаловали к вам. Ячейку подпольную сколотить нужно. Возьметесь? Найдутся люди?

— Раз нужно — возьмусь, — твердо ответила Николаева. — А люди? Многие притаились сейчас. От испуга, что ли? Уж очень все неожиданно получилось. Да и фашист лютует, хуже зверя хищного. И все же, — глаза Марии Ивановны блеснули, — да как же не найдутся люди, верные власти нашей родной! Их немало. Смело можно положиться на бригадира Афанасьева из Бутнова, на кузнеца Карла Жуббе. Вот еще...

Я улыбнулся.

— Что вы! — встревожилась Николаева. — Жуббе — настоящий советский патриот.

— Конечно, — согласился я. — А улыбнулся — вспомнил поездки сюда в довоенные дни. Бывало, мимо дома Жуббе никогда не проеду. Уж очень хорошая у них шинкованная капуста водилась. В деревню въезжаем, а шофер подсмеивается: «Иван Иванович, ох и зроматным духом от дома Жуббе тянет. Завернем!» И заворачивали...

Со следующего дня в Надбелье начала действовать подпольная группа Николаевой. Ее ядро состояло из семи надежных людей. Подпольщики распространяли советские газеты и каждую неделю доставляли в отряд сведения о перемещениях фашистских войск на шоссе Луга — Ордеж — Любень. У Николаевой и ее помощников нашли приют несколько раненых красноармейцев.

После Надбелья мы с Володей побывали в Кипино. Туда Сазанов для подпольной работы направил молодую учительницу Нину Горчанову, а мы послали бывшего

председателя колхоза Василия Ивановича Михайлова. С ним и встретился я на опушке леса у сеного сарая. Из рассказа Василия Ивановича выяснилось — подпольная группа в Кипино уже существует. Состоит она из трех коммунистов, четырех комсомольцев, двух пионеров и одного беспартийного колхозника. Воистину на борьбу с оккупантами поднимались и стар и млад.

Возглавил группу Михайлов. Что это был за человек! Пожалуй, лучше, чем охарактеризовала его Нина Горчанова (ныне Алнева, директор средней школы в городе Риге), не скажешь. В одном из последних писем она писала мне: «Василий Иванович — русский самородок, очень бесстрашный. В самые тяжелые дни оккупации он верил — вернется Советская власть. Михайловский дух несомненности, гордости советского человека был для всех нас источником оптимизма, веры».

С добрыми вестями я вернулся в отряд. Вскоре пришел и Вожов. Рассказал: начали действовать подпольщики в Стройно во главе с Иваном Александровичем Александровым, группа коммуниста Федора Кузьмина в Белом, дали согласие выполнять задания партизан пожилые колхозники из деревни Коростынь Иван и Пелагея Гавриловы, ветеринарный фельдшер Петров из Холомцова, а Гаерездно нашими помощниками стали шестидесятипятилетний крестьянин Павел Валев и колхозный тракторист Николай Баграфов.

Теперь предстояло встретиться с Сазановым. Вышли ночью небольшой группой. На небе луна — цыганское солнышко, но откладывать встречу мы не имели права. Проклиная небесное светило, ползком по канавам перебрались через два больших поля. Шоссейную дорогу Любань — Оредаж пересекли под мостиком. Вскоре за кустами блеснула речная гладь. Прислушались. Тихо. Подал условный сигнал. Из густого каянка послышалось легкое покашливание.

У лодки нас ожидал Коля Самсонов — паренек лет шестнадцать, приехавший на летний отдых к родным из Ленинграда, да тех и застрявший в Кипино. Его дядя был нашим связным в этой деревне.

— Ну как, герой, не страшно было гнать свой корабль у францев под носом? — спросил Михеев Николая.

Тот лишь хмыкнул:

— Не всяк тот кусает, кто усом потрясает.

— Хорошо сказано, — похвалил я Самсонова. — Славно за лодку. А теперь топай до дому, кланяйся от нас дяде.

«Корабль» Самсонова оказался уютной плоскодонной. Переправлялись в три очереди. Когда Михеев завершил первый рейс, из деревни Морозово в сторону реки взвилась ракета. За ней — рой трансирюющих пуль.

— Андрей! Быстро в лодку! — сказал я Важнову и передал Михееву винтовки и вещевые мешки.

Мы с Голицыным даннулись вплавь. Купанье оказалось не из приятных. Тревога же — ложной. Видно, фашистский пост стрелял для поддержания бодрости духа.

Дальше нас повел Лаптев. Выше среднего роста, широкий в плечах, грузноватый, а ступал он мягко — ни одна ветка под ногами не хрустнет.

— Ну и идет, — все время восхищался Толя Голицын, — вплотную приблизится — не услышишь.

— Привычка, как-никак начальник лесхоза, — посмеивался Михеев. — Не на вечерних, как некоторые, а в лесу все больше человек пропадал.

Толя отшучивался:

— И не в редиторском кресле брюхи протираю.

Путь наш был долгим, и лишь под вечер мы добрались до ажуратного, тесом обшитого домика лесника. Навстречу нам из-под сарая вылетела кудлатая собачон-

на и заплелась громким лаем. За ней появился мужчина с топором в руках.

— Добрый вечер, Агени! — поздоровался Лаптев.

Лесник неторопливо подошел к изгороди, у которой мы остановились, оглядел всех вполуприщур и глуховатым голосом ответил на приветствие:

— Павел Петрович, значит. Ну, здравствуй.

— У наших всё в порядке? — спросил Лаптев.

Агени так же неторопливо ответил:

— Спокойно кругом. Федор Изюмович второй день вес поджидает.

Перекурив, мы побрели дальше. Как сообщил Лаптев, до базы Сазанова оставалось не больше пяти километров. Позже я узнал, что все связи подпольного райкома партии осуществлялись через Федора Агеева. Домик лесника был своего рода контрольно-пропускным пунктом. Агеев знал любую тропку, любой сараечек и много других потаенных мест в лесу. В каждой деревне вблизи Новинки были у него друзья. На анд простоват (на голове потрепанная серая кепка, на плечах такого же цвета старый пиджак), с неизвестными людьми и с гитлеровцами не груб и не вежлив, но острый глаз из-под мохнатых с рыжиной бровей Агенича смотрел зорко и определял точно и верно, за чем пожаловали в его «пархию» те или иные гости.

Устали мы сильно. Шли теперь, отдыхая через каждые пятьсот — шестьсот метров, изрядно донмая нашего проводника вопросами: «Скоро ли?» Наконец Лаптев выдохнул:

— Пришли.

Огляделись. За густым осинником зеленела маленькая полянка. На краю ее приоткрылся сарайчик. Ни часовых. Ни тропинок. Я удивленно посмотрел на Лаптева. Он улыбнулся и подтвердил:

— Точно пришли.

— Конечно пришли, — раздалось негромкое из-за куста, и я попал в объятия Сазанова.

Он долго мял каждого из нас, приговаривая:

— Верил, что не сдрейфите. Знал, что являетесь, чертушкой вы мои.

Рады до слез были и мы. Я пытался начать рассказ-репорт о наших делах, но Федор Иванович перебил:

— Поговорим после. А сейчас малость перекусить и отдыхать. Пошли в нашу обитель.

Сарай был более обширным, чем казался со стороны. Вдоль боковых стен его высились нары, покрытые сеном. Прямо против двери стоял фанерный столик, на нем радиоприемник. Потолок был забран березовыми жердями — наверху помещался продовольственный склад.

— Добротню устроилась, — похвалил я, обводя глазами крайкомовскую обитель.

— Хорошо, да не надолго. Заскочиваться на одном месте не годится для подпольного центра. Скоро переселимся в чащинское урочище. Там есть один заброшенный домик лесника. А зимой — в землянки.

Слушал я Федора Ивановича, и вспомнилась мне его хозяйственная предусмотрительность в довоенное время. Подумалось: «Нет, что ни говори, а наш первый и в час жестоких испытаний остался первым». Мои мысли прервал Важнов. Он долго, как зачарованный, разглядывал радиоприемник и, не выдержав, попросил:

— Федор Иванович, а нельзя ли, чтобы этот чудо-агрегат заговорил? Мы ведь давненько голоса Москвы и Ленинграда не слышали.

— Это можно, — согласился Сазанов. — Тем более, что и время подоспело. Мы экономим питание и слушаем только последние известия да принимаем сводки Совинформбюро.

Федор Иванович наклонился к столу. Мы замерли. И почти сразу раздалось четкое:

— Говорит Ленинград! Говорит Ленинград!

— Ура! Ленинград говорит! Товарищи, это же Ленинград с нами разговаривает! — закричал, радуясь как маленький, Вязов.

Мы обнялись и расцеловались. Сазанов смотрел на нас растроганно и необычно, как-то смущенно улыбался.

К концу передачи подошли Володченко и Васильев. Они с бывшими милиционерами Родионовым и Дединым ходили в поселок Чащу и изымали у отдельных граждан похищенную ими со склада лесопункта во время отступления наших войск спецодежду — ватные фуфайки и брюки. Позднее они нам весьма пригодились.

— Женя! Похорони-ка нас чем-нибудь! — крикнул Сазанов, выслушав короткий рассказ Володченко.

В серый вошла девушка лет двадцати. Это была учительница Евгения Маларчинова, совмещавшая в группе Сазанова три профессии: разведчицы, медицинской сестры и поварихи. Все получала по полмиски супа и по кусочку хлеба. Мы с комиссаром извлекли из своих мешков несколько пачек галет и три бутылки трофейного вина. Ужин получился «царский».

Утро 9 сентября наступало осторожно, будто желая дать нам отоспаться. Я проснулся рано — ключья седого тумана еще висели над поляной. Сазанов уже был на ногах, и мы до начала бюро о многом перетолковали. Выслушав мой рассказ о гибели Краева, об отходе в первых боях Владимира Турнлена, Володи Николаева, о делах подпольной группы Ани Семенович, Федор Иванович задумчиво произнес:

— Да. Нашим людям мужества не занимать.

— Но все-кому и подлость, — заметил я. — Вот тот же Мацуцкий...

— Мацуцкий,— не дал мне договорить Сазанов,— по-видимому, затанцовался враг. Таких в нашей среде горсть. Не более. Хуже, когда дрейфят свои, как прокурор наш Меньшиков. Ведь дезертировал «страж закона» — ушел за линию фронта. — Сазанов досадливо махнул рукой. — Ну да осел и в Киеве конем не будет. Ладно. Позже разберемся, как он самовольно отправился в Ленинград. А сейчас пошли заседать.

И вот первое бюро Оредежского подпольного райкома*. Присутствуют: Сазанов, Васильев, Исаков, Володченко, Важинов, Михеев, Голицын. Расселись под огромной елью. На повестке один вопрос — итоги первого месяца борьбы с оккупантами. Обсуждали горячо. Разговор откровенный, неприкрытый. И об ошибках, порожденных неопытностью, наивной доверчивостью. И о промахах вследствие чрезмерной осторожности, нерешительности. Многого мы не учли, готовясь к уходу в леса. Нет карт, компасов, взрывчаток. Не налажена двусторонняя связь с обкомом партии. Отсутствуют постоянные контакты с армейским командованием. Было над чем задуматься, над чем поломать голову.

Бюро решило создать три партизанских отряды с установлением каждому из них определенного района действий. Первый отряд (командир Исаков, комиссар Важинов) должен был действовать на коммуникациях противника в южной части Оредежского, северо-восточной Батецкого и северо-западной Новгородского районов. Второй отряд (командир И. Г. Болознев, комиссар А. А. Володченко) получил под «партизанский контроль» северную половину Оредежского, южную часть Слуцкого (ныне Гатчинского) и юго-западную Тос-

* В книге В. П. Самузина «Волховские партизаны» (Ленинград, 1967) оно неправильно именуется заседанием «Оредежской партийной тройки».

ненского районов. Третьему отряду (командир А. Н. Бухов, комиссар Я. В. Нечаев — бывший секретарь парткома стекольного завода в Торковичах) намечалась зона действий в западной части Оредежского и восточной Лужского районов. Сазанов должен был осуществлять общее руководство, находясь в отряде Болознева. Для связи с обкомом партии решили отправить связного. Им был назначен Павел Петрович Лаптев.

Закрывая заседание бюро, Сазанов кратко сформулировал программу действий оредежских партизан и подпольщиков на ближайший отрезок времени. Он говорил:

— Главное на сегодня — это усилить удары по врагу, наращивать их, сделать повсеместными. Гитлеровцы продолжают заполнять район. В шести километрах от нашей поляны находится крупный гарнизон оккупантов, а в трех километрах от нас по большаку движется сейчас большая колонна вражеской техники. На скорое освобождение района мы в данный момент рассчитывать не можем. Предстоит суровая, беспощадная борьба.

Т О Я О С Е Н Ъ Ю С У Р О В О Я

Нам повезло. Райкомовскую «обитель» мы покидали, не только получив большой заряд душевной бодрости от встречи с друзьями, но и нагруженные бесценным грузом — свежими номерами «Правды» и «Ленинградской правды». А произошло это так. Перед обратной дорогой мы решили малость поспать. Только расположились на нарах, в сарай забежал боец из сенрета, доложил:

— Задержали двоих неизвестных. Вблизи хутора. Говорят: партизан ищем, проведите к командиру.

— Вооружены? — спросил Сазанов.

— Под фуфайками обнаружили пистолеты и гранаты.

— Как выглядят?

— Один высокий, лет тридцати пяти, другой помоложе и ростом пониже. Одеты в синие стеганки. Брюхи и сапоги военного образца.

— Молодцы, — похвалил бойцов Сазанов и распорядился послать за задержанными трех разведчиков.

Спать уже не хотелось. Мы вышли из сарая. С востока тянуло прохладой. Деревья плавно гудели, над ними по безграничной синеве, как и в предыдущую ночь, словно в дозоре, медленно двигалась луна.

— Светит, чертовка, — беззлобно сказал Федор Иванович. Помолчал и, отвечая, видимо, каким-то своим мыслям, заключил: — Нет, на окруженцев не похожи. Откуда у них ватные стеганки?

— Фашистские лазутчики, — подсказал я.

— С пистолетами и гранатами? Вряд ли.

Наши сомнения развеял быстрый приход разведчиков. За плечами у незнакомцев были огромные вещевые мешки.

— Кто такие? — пристально разглядывая задержанных, спросил Сазанов.

— С кем имею честь разговаривать? — отозвался высокий.

— Секретарь Оредежского подпольного райкома ВКП(б).

— Сазанов!

— Да.

— Тогда будем знакомы. Представитель штаба Северного фронта батальонный комиссар Кабинетский. А это мой связной — красноармеец Чичерин.

— Знатная фамилия, — улыбнулся Федор Иванович и распорядился вернуть товарищам оружие.

— Мы к вам пряником из Ленинграда, — тоже улыбнулся Кабинетский.

— Из Ленинграда! — раздалось сразу несколько редостных возгласов.

— Да. По поручению штаба фронта и обкома партии.

Гостей окружили и забросали вопросами. Мы уже слышали по радио о мужественной борьбе ленинградцев, но видеть и разговаривать с живым посланцем лю-

бного города — совсем другое дело. Лица наши сияли счастьем.

Михаил Федорович Кабинетский говорил спокойно, уверенно, скупо. Скажет две-три фразы — задумается на секунду-другую. Мы стоим, ждем. Он улыбнется и опять рассказывает. В ту памятную ночь от Кабинетского мы узнали о конкретных мерах фронта и города по отражению готовящегося фашистами штурма, об успешных действиях партизан-соседей под Лугой, у Тосна, о создании партизанских бригад. Ну, а когда гости наконец развязали свои вещевые мешки и достали сотни газет и несколько пачек листовок — нашей радости не было границ. Все это Сазанса тотчас же распределил по отрядам.

Стало совсем светло. Мы тронулись в обратный путь. Шли долго, пока освежающей прохладой дохнул на нас Оредеж. Первым делом, вернувшись в отряд, rozdali газеты бойцам. А утром следующего дня их читали уже во многих деревнях, кое-где проводились короткие собрания. Трое суток, не смыкая глаз, оповещали мы жителей оккупированного края о положении на фронте и в Ленинграде,несли людям радость. У меня и сейчас свежа в памяти одна такая встреча. Шел я к подпольщице Николзевой, но на условленном месте вместо нее сидел пожилой человек. Присмотрелся. Узнал — бывший бригадир-овощевод Афанасьев из деревни Бутково.

— Не волнуйтесь, — сказал он, поднимаясь мне навстречу, — у Марии Ивановны все благополучно, но выйти из деревни сегодня ей нельзя. Прислала меня.

Я поздоровался и передал Афанасьеву несколько газет и листовок. Он жадно схватил «Правду». Осмотрел ее со всех сторон. Потом начал листать, вслух читая заголовки. Руки его дрожали. По щекам и седо-

щей бороде покатались крупные слезы. Затем охрипшим голосом сказал:

— На виселицу пойду, в газету всем — старым и малым — прочту. Пусть не верят фашистской брехне. Стоит матушка Москва. Не погнбла власть наша родная.

Большое значение для развертывания работы среди населения имело возвращение Лаптева из Ленинграда. Линию фронта он перешел где-то в районе Колпина. Вернулся не один, а с двумя бойцами и радистом. Принесли они несколько тысяч листовок и радио. Последняя была мечтой подпольного райкома.

К этому времени в Ленинграде был сформирован штаб партизанского движения. Начальником его областной комитет партии назначил секретаря обкома Михаила Никитина Никитина. Нам это известие обрадовало. Высокообразованный человек, талантливый пропагандист и энергичный организатор, сын путиловского рабочего и в молодые годы сам рабочий, Никитин пользовался большим авторитетом у партийного актива области.

Перед возвращением к нам Лаптев был на беседе у Никитина. Михаил Никитин детально расспрашивал его о положении в тылу врага и просил передать партизанам указания обкома партии ежедневно, ежечасно вести политическую работу в оккупированных деревнях. «Поддержка народа, — говорил он, — боезапас партизан».

В день прихода Лаптева от нас в Смольный ушла первая радиogramма. Текст ее гласил: «Приветствуем героических ленинградцев. Благодарим за помощь. Клянемся бить врага беспощадно».

И мы били его той первой военной суровой осенью. Били, используя любую возможность. Били и днем и ночью.

В один из сентябрьских дней группа Турилена обнаружилла недалеко от деревни Апраксин Бор строительную площадку гитлеровцев. К месту работ часто подходили автомобили с бочками горючего. Нас с комиссаром заинтересовало это сообщение. Мы решили немедленно поточнее разведать, что строят фашисты, и по возможности помешать им. На базе в то время находилось около трех десятков бойцов. Мы отобрали семнадцать человек. Не успели уйти — прибежала Трофимова.

— Товарищ командир, какая же я буду медицинская сестра, если вы меня всё в походы да в походы направляет, а в бой не берете?

Отвечаю:

— Тамара, ты же была и в разведке, и на диверсию ходила. А тут...

— А тут бой будет, — перебивает она меня и, точно ребенок, просит: — Иван Иванович, возьмите, пожалуйста.

Взяли, конечно. Стоял уже вечер, когда лесной тропкой вышли мы к переезду на железной дороге Новгород — Ленинград. И тут перед нашими глазами предстала картина недавнего боя. У опушки леса валялись перевернутые немецкие бронетранспортеры, уткнулся в кювет танк. У насыпи около двух наших искореженных пушек гора стреляных гильз. В стороне холмик свежей земли. На нем дощечка с прикрепленной к ней красноармейской звездой. Было тихо до жути. Впечатление усиливали бурные носы разорванной тучи, сивашине над тускло поблескивающими рельсами.

— Бой был нешуточный, — промолвил тихо Толя Голцын. — Насмерть стояли люди.

— Пошли! — скокекдовал я.

К рассвету, как и условливались, разведчики Анатолий Дмитриев точно вывел нас к цели. Остановились

в пятистах метрах от строительства. В этих местах в августе проходили упорные бои. До последнего патрона оборонялась какая-то красноармейская часть. Крутом окопы, ходы сообщения. Они облегчили нам решенные задачи. Забравшись в окоп, мы немного отдохнули. Затем Саша Матаева, Толя Голыцын и я поползли в разведку.

Утро выдалось ясное, тихое. Было очень сухо, и малейший треск ветки под ногами казался выстрелом. Подобрались к площадке незаметно. Замаскировались. Сразу же обнаружили часового. Он медленно ходил у бочек с горючим, что-то напевая. Ровно в семь часов к площадке подъехали четыре автомашины, крытые зеленым брезентом. Из них вывелись больше полусотни солдат. Заработал бульдозер. Стали подходить машины с горючим. Смотрел я на них, и сердце сжималось от боли. Ведь не будь проклятого фашистского нашествия, здесь шли бы машины с янтарным зерном. Правда, на Кубань у нас, но урожай до войны бывали отменные.

Наблюдали мы до сигнала солдатам на обед. Когда они направились к походной кухне, притасненной двумя огромными битогами, я тихо сказал товарищам:

— Отползаем. Организуем фашистам к обеду дополнительное блюдо.

Напасть на обнаруженный строящийся аэродром решили с двух сторон. Часть бойцов с Важновым во главе должна была подобраться к складу и забросать его гранатами. Остальных я повел на пригорок в небольшой окоп, отсюда вся стройплощадка видна как на ладони. Сигнал — моя пулеметная очередь.

Для меня это первый бой. Лежу за пулеметом. Гитлеровцы в ста метрах. Долго не могу поймать их в прицел — дрожат руки, сердце стучит так, будто готово выпрыгнуть из груди. Длинная очередь. Сразу же

взрывы гранат... Ура! Все идет по-задуманному. Броски гранатометчиков точны — пламя буйно охватывает склад.

Гитлеровцы мечутся по площадке. Часть из них бросается к лесу, другие — в окопы. Некоторые, схватив оружие, пытаются отстреливаться, но их настигают наши пули. Ребята стреляют неторопливо, но метко. И мой пулемет строчит теперь не нервно. В душе рождается спокойствие — державо и холодное. Значит, «непобедимые солдаты фюрера» могут метаться в панике, могут, забыв про все на свете, мчаться, как зайцы, в кусты.

Минут двадцать еще мы вели огонь по разбежавшимся гитлеровцам, затем отошли к кустарнику. Через полчаса все собралось в условленном месте — в ложине, что в километре от строзшегося аэродрома. Над ним столбы дыма. В деревне Апраксин Бор стрельба. Со стороны Любани слышно урчание машин. Может быть, преследование. Раненых у нас нет, и мы делаем бросок в десять километров. Под ногами пружинящая листва. И только тогда, когда с Тингоды на нас напояли сырость и непроглядная темень, переправившись на другой берег реки, мы сделали привал в густом лесу.

Позже стало известно: на аэродромной площадке горело триста бочек авиационного бензина, было убито и ранено более двух десятков фашистов. Успех превзошел наши ожидания.

Отличились в те дни и наши товарищи — бойцы отряда Болознева. Они совершили успешный налет на станцию Челово, где на некоторое время обосновалось подразделение гитлеровцев-связистов. Солдаты через станцию тянули телефонно-телеграфную линию от Новгород к Павловску. В Челово оборудовали мастерские.

Успех операции в значительной мере обеспечила разведка. Ее дерзко провел юный партизан Саша Бордулин. А командир отряда Иван Георгиевич Болознев

принял смелое решение — напасть днем, когда гитлеровцы были уверены в своей безопасности и остерегались лишь удара с воздуха.

Кстати, и отважный разведчик, и командир отряда имели не совсем обычную историю появления в наших рядах.

Болознев болел туберкулезом в открытой форме и, как «белобилетник», должен был закуриваться. Но Иван Георгиевич отправил только семью, а сам остался в Новинках, явился к Сазанову и сказал ему примерно следующее: «Я вторую весну жду своего конца. Разрешите мне умереть с оружием в руках. Место коммуниста только в бою с фашистами».

Сазанов не смог отказать и тем самым... спас Болознева. Партизанская лесная жизнь совершила чудо. Иван Георгиевич партизанил до лета 1942 года и вернулся в советский тыл здоровым. Здравствует он и ныне. Последние годы работал преподавателем в педагогическом институте города Тулы. Никто не верит, что он был на грани смерти и что здоровье ему вернули ночевки в снегу, тяжелые потопы в металл и стужу.

А Саша Бородулин, прежде чем попасть в отряд, целый месяц воевал с фашистами в одиночку. Жил Саша в поселке Новинка. В 1941 году окончил седьмой класс средней школы, стал комсомольцем. Когда фашисты захватили поселок, он подобрал в лесу винтовку и сказал родителям, что уходит в партизаны. Мать заплакала, а отец только головой кивнул. Удерживать не стали — понимали, что, уж раз решил сын воевать, отговаривать нельзя.

Километрах в трех от деревни Озерешно стоял полуразвалившийся сарай с сеном. Здесь Саша ночевал, отсюда, тщательно замаскировав глубокую нору в мягком душистом сене, уходил на «операции». Вскоре ему удалось сбить мотоциклиста. Так появился у него авто-

мат, запасные обоймы. Долгими часами поджидая он теперь вражеские машины. Давая по ним две-три очередн и, пользуясь замешательством гитлеровцев, уходил в лесную чащу.

Однажды группа партизан у домика лесника, где была одна из наших явон, обнаружила вражеского часового. Раздалось несколько выстрелов. Часовой упал. Бойцы отошли в лес, а к домику послали разведчика узнать, нет ли там фашистов.

Разведчик осторожно пробираясь к избушке. Вдруг он заметил что-то подозрительное. Подирался к кустарнику и ахнул: на него смотрел знакомый парень из поселка Новинка. Оказалось, что Саша тоже следил за избушкой лесника. Услышав выстрелы, он решил подойти к ней поближе.

В отряде Болознева Бородулин быстро прижился. Простого, смелого паренька все полюбили, звали ласково Шуриком.

Довелось мне недавно прочитать у Белинского такую замечательную мысль: «Любовь к своим только тогда имеет ценность, когда она рождает ненависть к врагам». Каким прекрасным подтверждением этому является «военная биография» комсомольца Бородулина!

Но вернемся к налету на Челово. Поначалу предполагалось участие в нем и нашего отряда, но после разведки станции Бородулиным надобность в этом отпала.

Готовили Сашу к разведке тщательно: сочинили «легенду» о розыске тети, достали потрепанный пиджачок, кепку с рваным козырьком, стоптанные сапоги. В таком затрапезном виде он и появился в поселке. У первых встречных спросил, не выдал ли они его тетку — высокую женщину в синем платье в белый горошек. Бездензды она, мол. Потеряли друг друга. Потом познакомился с мальчишками и затеял с ними какую-то игру у штабелей дров против здания вокзала.

Вернулся юный разведчик через день. Долгожил в поселке гитлеровцев нет, разместились все они в здании вокзала. Рядом с ним мастерские. Подходы к станции хорошие: в ста метрах от полотна железной дороги — лес, на поляне — большие штабеля дров и бревен. Часовых два — один на платформе, другой с противоположной стороны вокзального здания. Вооружены солдаты карабинами.

— И как это тебе удалось все узнать? — спросили его.

— Секрет производства, — ответил Саша, и курносое, по-мальчишески задорное лицо его расплылось в широкой улыбке.

После полудня следующих суток отряд Болыжова направился к Чалову. Подошли к станции со стороны леса. Разделились на две группы. Одна залегла за штабелями дров. Другая заняла позицию с противоположной стороны станции.

Считанные минуты оставались до боя. И тут, как на грех, на железнодорожном полотне появилась какая-то крестьянка. Она тащила за собой упрявляющую козу. Ей крикнули:

— Беги, тетка, сейчас стрелять будем!

Женщина, бросив козу, метнулась в сторону. И тут же гранулы выстрелы. Партизаны открыли винтовочный и пулеметный огонь. Гитлеровцы, находившиеся в здании вокзала, отстреливались. Саша Бородулин метнул в комнату дежурного гранаты — одну, другую... Грохнул взрыв.

Не успел рассеяться дым, как из-за угла здания раздалась короткая автоматная очередь. Укрывшийся там офицер стрелял по Бородулину. Очередь была меткой — Сашу ранило в ногу.

Бой кончился быстро. Оставшиеся в живых фашисты разбежались. Уничтожена мастерские и станционное хозяйство, партизаны отошли в лес.

Я со своим отрядом был уже в Риски-Сара (на новой базе подпольного райкома партии), когда Болознев вернулся из Челова. Бородулина принесли на носилках. В лице ни кровинки. Жена Малиарчикова сделала ему перевязку.

— Кричи, Шурни, кричи, дорогой, — угваривала она Сашу, — ведь больно, а так легче будет.

— А мне не очень больно, — отвечал раненый, и крупные градины пота падали с его лица.

Сазанов распорядился пригласить фельдшера Чащинского лесопуника Михайлина. Нам было известно, что он оказал помощь нескольким раненым красноармейцам, выходявшим из окружения. И Иван Григорьевич не обманул наших ожиданий — сразу же пришел в лагерь. Осмотрев Бородулина, он сказал Болозневу:

— Положение раненого тяжелое. Может начаться гангрена. Нужен покой и постоянное наблюдение.

Посоветовавшись, мы решили укрыть Сашу у родных. Оборудовали ему тайник. Марья Федоровна Бородулина не отходила от сына ни на минуту. Каждую ночь навещала его медицинская сестра Жена Малиарчикова. Михайлин снабдил ее лекарствами и перевязочным материалом. Общими усилиями Сашу выносили. В одну из ноябрьских морозных ночей, в самое критическое время для нас, наш любимец, опираясь на палку, появился у партизанского костра.

Вслед за удачной операцией на станции Челово последовала наша крупная диверсионная акция в районе Кремено. От жителя этой деревни А. В. Агапова Сазанову стало известно о большом складе снарядов. Анатолий Владимирович рассказал: охраняют склад шестнадцать гитлеровцев, размещаются они в здании школы, там же находится и караульное помещение. Часовых двое, ходят навстречу друг другу, вооружены карабинами.

Взрыв склада был поручен нашему отряду. Я в тот вечер находился на новой базе подпольного райкома, и всю ночь мы просидели за обсуждением плана операции. Главная трудность заключалась в отсутствии опыта. В отряде не было людей, знакомых хотя бы немного с подрывным делом. Да и взрывчатка у нас не было. Но не упускать же возможность нанести урон врагу? Решили подрывать гранатами. Не было у нас и бикфордова шнура. Выручил бывший секретарь партийной организации Чащинского лесопункта И. П. Наточнев. Он раздобыл где-то около ста метров электропровода.

Операцию продумали основательно. Выделили группу для ликвидации караульного помещения (ее возглавил Вахлюк), две группы, по шесть человек каждая, — для прикрытия на дорогах к Кремано от станции Чаща и от деревни Бор (там находились фашистские гарнизоны), пять человек вместе со мною должны были действовать непосредственно на территории вражеского склада.

День ушел на приготовления. Под вечер я выстранил отряд, коротко объяснил задачу. Сазанов напутствовал нас словами:

— Охрана склада, очевидно, знает о разгроме Чолова и усилит бдительность. Постарайтесь действовать осторожно, но решительно и быстро. Верю — вернетесь с успехом. В общем, ни пуха вам, ни пера.

Погода начала портиться. К тому времени, когда мы вступили в густой лес, вокруг была тьма кромешная. Дангались гуськом. Я шел впереди. Часто останавливались — проверяли, нет ли отставших. С трудом добрались до просеки. Но тут по ольшанику забарабанил дождь. Укрылись под елью. Никто в ту ночь из нас не смежил глаз. К четырем часам дождь прекратился. Чуть посветлело. Решил сделать проверку маршрута — пошел искать опушку леса.

С маршрута не сбился, добрался точно. В Кремне до войны я бывал не раз. Местность здесь неудобная для скрытого подхода к деревне — с трех сторон больше поля. Только с южной стороны деревня подступает чуть ли не к самой деревенской околице. Я прикинул в уме: чтобы попасть туда, нужно обогнуть деревню с запада, пересечь большак и переправиться через речку Кремянку — на все это потребуется около трех часов — значит, времени в обрез. Вернувшись к бойцам, командовал:

— Пошли, товарищи. Да побыстрее.

У большака немного задержались. Прислушались. Тихо. Подозвав к себе Турилена, приказал:

— Справа у дороги есть высота. Найди ее и организуя засаду. В сторону Кремне не должна проскочить ни одна машина.

— Ясно, товарищ командир.

Группа Турилена скользнула в кусты. Мы поспешили дальше. Через Кремянку переправлялись по грудь в воде. Вода «контрабанд», а тут еще поднялся холодный ветер. В общем, в конце сентября замерзали так, как будто была поздняя осень. Когда залегли в воронку вблизи деревни, зуб на зуб не попадал. Все завидовали бойцам группы Перфинского: им предстояло пройти еще два километра до деревни Бор, недалеко от которой мы устраивали вторую засаду.

В разведку я направил троих: Сахарова, Семенова и Трофимову. Первой вернулась Тамара.

— Иван Иванович, а немцев в караульном помещении нет, — сказала она недоуменно.

— Как нет? — так же недоуменно переспросил я.

— Честно — нет, товарищ командир, — ответила Трофимова огорченно, точно она была виновата в отсутствии солдат.

— Рассказки толком.

— Я долго наблюдала за зданием школы. Никаких признаков жизни. Подползла ближе. Ни звука. Поднялась и зашла в помещение. Никого. На полу куча соломы, валяются пустые пачки сигарет. Решила пробраться к ребятам — к складу. Нашла их. Вместе обошли территорию склада. Часовых не обнаружили.

— Вот это да! — воскликнул Важнов. — Как говорят — сумасшедшая удача!

Удача действительно была немаловажной! Позже мы узнали: слух о налете на Челово до охраны склада дошел, обросший домыслами, — высадился, дескать, крупный воздушный десант Красной Армии, железная дорога захвачена. Охраняли склад солдаты вспомогательных войск. Нервы запасников не выдержали, и они направилась в поселок Чаща за... подкреплением.

Раздумывать особо не приходилось. Мы быстро зашагали к складу, предупредительно погнав по три человека в группы прикрытия: наравне час — вернутся «хозяева». Склад был огромный. Одних штабелей крупнокалиберных снарядов мы насчитали двадцать. А в каждой штабеле — четыре сотни снарядов. Плюс к этому более двухсот пятидесяти ящиков дополнительных зарядов, мины, гранаты и патроны, патроны...

— Эх, обидно, столько добра пропадает, — вздохнул кто-то. — Нам бы такие запасы.

Я приказал несколько ящиков патронов отнести к лесу на берег реки Оредеж и там надежно спрятать. Услышав мой приказ, Важнов усмехнулся:

— Наш командир распорядится, будто он тут начальник гарнизона.

Решение было весьма правильным. Позже эти патроны нам очень пригодились.

Меня мучили сомнения: вдруг от гранат взорвется всего лишь один штабель, а остальные останутся це-

лыми! На ходу посоветовались. И решение пришло — нужно соединить штабеля порохомыми дорожками.

Закипела работа. Одни открывали ящики и выбрасывали на землю дополнительные заряды. Другие финскими ножами вспарывали шелковые мешочки и обсыпали штабеля порохом. Поджечь его следовало в центре поляны, на которой лежали штабеля. Риск был смертельный, и я обратился к товарищам:

— Друзья, кто добровольно...

— Разрешите, я пойду, товарищ командир, — не дал договорить мне Коля Семенов.

Понимал ли молодой партизан, насколько смертельна опасность, которой он себя добровольно подвергал? Вряд ли. Обычно это выясняется и осознается смельчаком позже, если, конечно, он остается в живых. А тогда юным патриотом, как и всеми его товарищами — участниками операции, владело лишь одно чувство — ненависть к чужеземным захватчикам, страстное желание выполнить свой долг перед Родиной. В те тревожные годы часто бывало, что огромное, всеобъемлющее понятие «Родина» в критический момент вдруг становилось конкретно осязаемым: не растеряться и не бросить оружие, когда на тебя ползут вражеские танки, подняться в атаку, когда пули и осколки прижали всех к земле, перейти, не задумываясь, смертный рубеж, как сделал это Коля Семенов.

Мы по образку спустились к Кремлянке. Переправившись через реку, залегли в окопе и с замкнутым сердцем стали следить за Семеновым, оставшимся на складе. Нам казалось тогда, что время остановилось. И намерное, каждый думал, что лучше бы самому быть сейчас в этом сплетении пороховых лучей, чем смотреть на товарища, который остался один на один со смертью.

Вот смельчак наклонился. Вспыхнул первый огонек, и в разные стороны побежали, обгоняя друг друга по

выложенным порохом дорожкам, синие язычки. Коля метнулся в сторону.

И почти сразу, будто сотрясенное силой гигантских огнедышащих двигателей, гулко колебнулось небо. За первым взрывом последовал второй, третий — разались снаряды, заряды, ящики патронов. Взлетало на воздух оружие врага, которым он собирался сеять смерть на нашей земле. Взрывной волной сняло с фундамента домик у школы и развернуло его градусом на шестьдесят. На складе было много ракет. Целыми ящиками взлетали они высоко в небо и там загорались многоцветными огнями.

Вышло все великолепно. В немом восхищении смотрели мы на дело наших рук. От склада осталось огромное пепелище. Там, где лежали снаряды, образовалась воронка метров двенадцать шириной и три метра глубиной.

Главный герой уничтожения фашистского склада остался жив. Мы нашли Колю в сарае. Пошатываясь, он шел к речке. Радости нашей не было границ.

К полуночи мы вернулись на базу подпольного района партиз. Сазанов не стал слушать моего доклада, перебил словами:

— Завтра, завтра. Вижу — с победой. А сейчас перекусите горячей картошечкой с капусткой и спать, спать.

Повторять приглашение Федору Ивановичу не пришлось. Через минут двадцать мы уже устремались на нарах.

— Как самочувствие, Коля? — спросил я Семенова.

— Нормальное, товарищ командир, — ответил он. — Только слышу плохо. Звон какой-то в ушах. К утру, наверное, пройдет.

...Сейчас, когда я вспоминаю то время, на память приходят строки Сергея Наровчатова:

Мальчишки мужали, мальчишки
 взрослели,
 И только бы вить начинать
 сорванцам,
 Как их завертели такие метелки,
 Какже, поналеуй, не снились отцам.

Через двое суток мы вновь покинули базу. За плечами у каждого вещевой мешок килограммов по тридцать — в них наши партизанские «склады». Путь неблизкий — к Московскому шоссе. Боевая задача — диверсия на важнейшей коммуникации врага.

Последняя дни сентября, но, вопреки календарю, резко похолодало. Прибитую дождями листву прихватил мороз. В низинах звенящий ледок. Все это нам не на руку. Шагни — и за полста метров слышно. Обувь наша не просыхает ни днем ни ночью. На марше с нас градом льет пот, а на привалах, как образно определил Леша Сахаров, «зубы выстуживают морзвинку».

Идем отрядом. Отсутствуют лишь шестеро — наша «хозчасть». Задача их, пока мы в походе, — заготовить продукты и оборудовать землянки.

К Московскому шоссе подошли на рассвете предпоследнего сентябрьского дня, как и намечали, — на участок между населенными пунктами Бабино и Торфяное. От Ленинграда чуть больше ста километров. Все, что движется здесь из военной техники гитлеровцев, направляется к городу. В отряде это понимают — у всех горячее желание поскорее и почувствительнее нанести удар по коммуникации, ослабить в меру наших сил натиск фашистов на последние рубежи обороны ленинградцев.

Опыт засад у нас уже есть. Действуем по проверенной схеме. Разделяем отряд на три группы: две обосновались на флангах предполагаемого места боя, одна размещается в центре. В каждой группе по двенадцать

бойцов, вооружены они одним пулеметом, двумя автоматами и винтовками СВТ. Фланговые группы отдалены от центральной метров на семьдесят — восемьдесят. Укрылись все в осиннике. На самой высокой осине устроился наш наблюдатель Саша Матвеев.

Ожидание. Фронтовики хорошо знают, что означает это многообещающее и изнуряющее слово. Воистину права народная мудрость: «Жду на дождусь, кино руки обвисли»... Прошел час, другой. Совсем рассвело, а движения на шоссе нет. Наконец утреннюю тишину нарушили частые выхлопы. Мотоциклист. Внезап пронмался гитлеровец мимо нас. В другой бы раз... Но, чу! Урчание моторов со стороны Торфаного.

— От деревни справа вижу машины, — негромко доносится с наблюдательного пункта. Через несколько секунд Матвеев уточняет: — Вижу хорошо пять машин. В кузовах солдаты.

Проходит полминуты, и автомобили становятся за-видной мишенью. Длинной автоматной очередью открываю бой. Захлебываясь, дружно стучат все три наших пулемета. На первой и последней машинах вспыхивает пламя, две средние ткнулись в кювет.

Несождаанный огонь вызвал замешательство среди гитлеровцев. Часть из них бросилась бежать по шоссе и попала под удар нашей фланговой группы. Однако вражеские офицеры быстро погасили панику, и вскоре в нашу сторону был открыт, правда бесприцельный, но все же шквальный огонь. Стреляли солдаты разрывными пулями. С треском разрывались они над головами, слева от нас, позади. Создавалось впечатление, что по тебе ведут огонь и из тыла. Неприятное ощущение.

Основное дело сделано — можно и отходить. У врага и численнов, и огневое преимущество. Отползаем не торопясь, от дерева к дереву. Чуть приподнялся, хо-

тел подать команду — и тут из-за толстой осины вынырнула автоматчица и полоснула по мне очередью. Пули с шипением врезались в кору над головой. Вадрогнувшись, подумал: «Поездило тебе, товарищ Исаков. Смертушка промчалась раденьком».

Почти одновременно с автоматной очередью раздался одиночный выстрел за моей спиной. Фашист покачнувшись, выронил автомат и ткнулся лицом в землю. Оглянулся — шагах в трех от меня из-за кочки торчит дуло винтовки Трофимовой. Из него тоненькими колечками вытекает дымок.

И еще в тот раз восхитила меня Тамара. Мы отошли за лесную речушку. Гитлеровцы дальше нас не преследовали, но перестрелку вели. Я отходил в числе последних. Только взобрался на обрывистый берег — услышал резкие голоса. Заглянул за высокий куст и увидел такую картину: из воды пытается вылезти один из наших пулеметчиков, а ему с берега, грозя винтовкой, кричит Трофимова:

— Иди назад. Уронил оружие — ищи.

— Да брось ты, — урезонивает девушку парень, — потом найду. Честно найду.

— Назад! Стрелять буду! — подняла винтовку Трофимова.

И повернул назад растерявшийся партизан. Нырнул в воду и раз и другой. А кругом его плескались пули, но ему теперь было не до них.

На обратном марше я подошел к Трофимовой и молча пожал ей руку. Она удивленно вскинула на меня глаза, но потом неожиданно громко и радостно воскликнула:

— Служу Советскому Союзу!

А позже, когда мы обсыхали у костра, провонившийся пулеметчик сказал Тамаре:

— Молодчина ты. Спасибо.

В те дни мы, конечно, не знали о провале фашистского плана штурма Ленинграда. Но было известно нам и о начале блокады города Ленина. Но уменьшения полевых войск гитлеровцев в районе нельзя было не заметить. О стабилизации линии фронта в какой-то мере свидетельствовало и появление в Оредеже и в других крупных населенных пунктах охранных подразделений фашистской армии.

Точно гигантский спрут, ставшая начальница тылового района группы армий «Север» генерал-лейтенанта Рокка осенью 1941 года протянула щупальца по всей оккупированной территории советского Северо-Запада. И в Оредеже были созданы военная и хозяйственная комендатуры, обосновалось отделение ГФП — тайной полевой полиции. Военным комендантом в Оредеже стал майор Брунс.

Одним из первых приказов Брунса было распоряжение своим помощникам собрать в здании райисполкома, где разместились комендатура, бывших председателей колхозов. Собрали. Точно в назначенное время — минута в минуту — майор вошел в зал, где жались встревоженные люди, и, коверкая русские слова, произнес речь. Старался говорить он спокойно, часто повторяя понравившуюся ему фразу о «добром русском мужичке».

— Германское командование, — заявил Брунс, — уважает обычай русского народа. Оно не будет распускать колхозы. Пусть они остаются крупными хозяйствами. Все вызванные в комендатуру будут впредь именоваться старостами. Мужички сообща должны собирать урожай, а то, что собрали, нужно сдать для великой германской армии...

Кончил свою речь комендант уже знакомой народу фразой: «Кто не подчинится — расстрел!»

На этом сборе было человек двадцать связанных

с нами, и уже к ночи подпольный райком знал все, что произошло в комендатуре.

Что делать? Как не дать гитлеровцам прибрать к рукам колхозный урожай? Решили быстро распределить его среди колхозников и понадежнее спрятать хлеб от оккупантов. Ночью Важнов и Михеев написали листовку. А к утру, размноженная в десятках экземпляров, она была разнесена по деревням. Недавно в Ленинградском партийном архиве я прочел знакомый текст: «...убирайте быстрее урожай, молотите его вручную и прячьте в надежные места... Ни крохи хлеба врагу».

Активно распространяли эту листовку подпольные группы Федора Кузьмина, Анны Шульгиной, Василия Михайлова и особенно юные подпольщики поселка Торковичи.

В сентябре я вновь встретился с их руководителем Анной Семеновой. Это случилось как раз в те дни, когда мы с отрядом Бухова проводили небольшую операцию на шоссе Луга—Оредеж. Закончилась она удачно: разбили несколько автомашин гитлеровцев.

Возвращались на свою базу вблизи Торковичей. В поселок решили не заходить. Прежде надо было выяснить обстановку. Я с товарищами остался в Балочке, возле железной дороги. Здесь рос густой кустарник. В этих зарослях мы и скрывались. А в Торковичи пошел Александр Макаров.

Темень, хоть глаз выколи. Изредка где-то взлетают ракеты или слышишь, как ночную тишину вспугнет автоматная очередь.

Ждем. Наконец на гребне насыпи показались две фигуры. Мы тихонько свистнули. Они направились к нам.

— Ана? — с трудом узнал я повязанную черным платком женщину в каком-то мужском полу пальто.

— Иван Иванович!

Я отошел с Семеновой в сторонку и спросил:

— Рассказывай.

— Что ж говорить... Пока вот воюем листовками.

— Знаю. Молодцы! Ты даже представить себе не можешь, как это сейчас необходимо. Ведь гитлеровцы сейчас...

Аня не дала мне договорить, наклонилась и зашептала:

— Иван Иванович, в нашей школе разместилась какая-то особая часть. Говорят, каратели. Предлагаем провести операцию. Подождем дом...

— Э, нет, Аня, это дело не ваше,— пришлось мне охладить ее пыл.— Ты знаешь, чем это грозит? Провалом всех нас. И у нас в отряде пока еще мало сил на такое дело. Подожди. Доберемся и до карателей.

Она замолчала. И, как я понял по ее вздоху, не очень охотно со мной согласилась. Потом мы обсудили, как лучше наладить связь группы с отрядом Бухова. Аня предложила назначить связной Галю Комлову, ученицу седьмого класса Торковичской средней школы.

Я подозвал Бухова:

— Александр Николаевич, Семенова предлагает связной к тебе Комлову назначить. Как смотришь?

— Галю? — спросил Бухов.

— Да.

— Поддерживаю. Смелая и очень толковая девушка.

Время показало, что мы не ошиблись. Галя Комлова стала настоящим бойцом «невидимого фронта». Даже взрослые подпольщики удивлялись мужеству пятнадцатилетней школьницы. Хрупкая. Мягкие черты лица. На пухлых щечках ямочки. Губы совсем детские. В школе Галя была пионервожатой младших классов. Мальчишкой и девочки души не чаяли в своей вожатой.

Выполняя задания по связи с отрядом Бухова, Комлева нередко исчезала из дома на два-три дня, смело проходила через деревни, где размещались охранные войска.

Конец сентября и первую неделю октября мы провели, как говорится, на ногах — одно боевое задание сменялось другим. Спали урывками — когда у небольшого костра, когда просто под развешенными влями. Нужно было дать возможность бойцам хотя бы немного отдохнуть в более или менее нормальных условиях, и в одну из октябрьских ночей я повел отряд на нашу старую базу.

Голодные и продрогшие, мы двинулись по болоту Хинювский мох. С звенящим треском лопался ледок под ногами, и бойцы проваливались по колени в студеной воде. Я брал вместе со всеми, тревожась — все ли благополучно на базе, сумел ли Александров подготовить жилье?

Наконец болото сменялось сухим лесом. До базы оставалось километра три, но я подал команду на отдых. Уснули все сразу, бодрствовали лишь часовые, да мы с командиром полудремали у костра в ожидании возвращения разведчиков, посланных на базу.

Сквозь дрему я услышал голоса. Быстро вскочил на ноги. У костра стояли разведчики и Александров. По улыбающемуся лицу Петра Алексеевича понял — порядок. А он уже докладывал.

— Задание, товарищ командир, выполнено. Землянка готова. Мучица с картошечной заготовлены.

— Ура нашему нелюду! — воскликнул проснувшийся Важнов.

— Вот это да, — изумленно повернулся к комиссару один из разведчиков.

— Что — да? — в свою очередь удивился Важнов.

— Так вы же, товарищ комиссар, секунду назад хрюкака задавали. И оказывается, все слышали.

Кругом засмеялись, а Важнов, поднимаясь с земли, на полном серьезе сказал:

— Мне александровская землянка во сне приснилась. Четыре венца из толстых бревен и три окна из парниковых рам в крыше.

Настала очередь удивляться Александрову.

— Все точно: четыре венца из толстых бревен и окна из парниковых рам, — растерянно повторял Петр Алексеевич, — правда, только не три, а два окна.

— Ну это уже детали, — шуточно вмешался в разговор Толя Голыцин, — и удивляться тут нечему. Комиссар не то и комиссар, чтобы все знать и предугадывать.

Голоса у костра разбудили бойцов. Все охотно покидали холодное ложе.

Около часа хода, и мы уже размещались в теплой, просторной землянке. Сделана она была добротной и отлично замаскированной. На крыше и вокруг землянки поднимались молодые елочки. Пройдешь вблизи — ничего не заметишь.

После доброго сна я построил отряд. В наличии было около шестидесяти человек. Вид у всех вновь бодрый, хотя побриться никому не мешало бы. Зато амуниция наша, мягко говоря, не выдерживала никакой критики. Одежда изодрана, у большинства вместо подметок к сапогам привязано и прикручено проволокой невесть что.

— Пообтрепались малость, — промолвил Турнлен, заметив мой кислый взгляд, сказал так, будто виноват был в этом сам.

— Ничего, — блеснул улыбкой Важнов, — Козьма Прутков утверждал, что не всякому человеку даже гусарский мундир к лицу. Не горюй, командир. Дней пяток посидим в александровском дворце, — показал

комиссар на землянку,—подлатаем одежонку, обувь починим—и опять зашагаем по мхам и болотам.

— Теперь бы Баньку,—мечтательно произнес Михеев,— вот бы попарнились.

— Это точно,—поддержал его Толя Голицын,—вечником похлестать, жару поддать—и человек помолодеет сразу годков на десять.

— Ишь ты, старикашка какой у нас объявился,—съязвил Петр Ефимов,—в твоём возрасте, товарищ Голицын, я купался в октябре.

Все засмеялись. Ефимов был всего на несколько лет старше Голицына.

Александров, к которому косвенно адресовались слова Михеева и Голицына, смолчал, но на следующий вечер с хитровой улыбкой объявил Важнову:

— Банька истоплена, товарищ комиссар. Кого направить паразим в Стройно?

Важнов только руками развел.

Три ночи дымили трубы бани в деревне Стройно. Три ночи группами парились мы до упаду и выжаривали на камнях «спутника походной жизни»—так, бросив свою одежду на каменку, сказал о насекомых наш всегда на унывающий командир разведки Ефимов.

В предбаннике нас ожидал приятный сюрприз—Александров выдавал всем по паре чистого белья.

— Дорогой ты мой Петр свет Алексеевич, как удалось тебе это?—растроганно спросил я, надевая чистую полотняную рубашку.

— Как удалось? Так это все просто,—добродушно отвечал Александров,—немного собрали среди односельчан Павел Валев и Коля Евграфов в деревне Гавридино, немного дали дядя Ваня и тетя Поля Гавриловы из Коростыни, немного—Палагея Ивансона с дочерью Таньшой из Треньнова.

Немного! Сколько раз это русское крестьянское «немного» выручало нас, партизан. А ведь за это «немного», узнай о нам оккупанты, последовал бы расстрел или виселица.

Помогало нам население и оружием. В деревнях в октябре были развешены приказы среднежской военной комендатуры о сборе оружия жителями на полях бывших сражений. Майор Брунс пошел на уловку: и угрозе смертной казни за укрытие прибавил обещание платы за сдачу винтовок и пулеметов. Даже объявил расценки: за винтовку — 50 рублей советскими деньгами, за ручной пулемет — 100 рублей.

Мы на этот приказ ответили листовкой. Напомнили жителям сел и деревень, что это оружие гитлеровцы используют против их сыновей и отцов, находящихся в Красной Армии, а также при карательных акциях против нас — партизан. От имени подпольного райкома партии призывали саботировать приказ военного коменданта.

И люди откликнулись. В октябре в комендатуру было доставлено лишь несколько испорченных винтовок, зато на наш склад поступило шесть пулеметов и три тысячи винтовочных патронов.

Около недели мы отдыхали на базе. Отдых, конечно, был относительный. Все занимались чем-либо полезным и необходимым для отряда. Павла Ивановича Костыгова, Саша Ефимова и Тамара Трефимова портковничали — латали, как могли, наши пальто и шинели. Павел Лесников, бывший председатель колхоза, Степанов и Мартымянов оказались хорошими «сапожниками мастерами». На подметки пошел приводной ремень от тракторной мотопилы, добытый Анатолием Дмитриевым. А у Петра Ефимова обнаружился «талант» парикмахера. Трое суток лхвой разведчик орудовал ножницами. И неплохо получалось.

Наш небольшой отряд нарушило сообщение агентурной разведки. 13 октября в Оредеж прибыло около трехсот солдат охранных войск. Большая часть их разместилась в здании школы, меньшая направилась в Торковичи. Было ясно: командант не зря вызвал дополнительно войска,— очевидно, собирается провести карательную экспедицию.

Руки Брунса и его ближайших подручных Харберта, Бауэра, Шмидта уже были в крови наших земляков. По их приказанию жандармы расстреляли в деревне Зополье секретаря Печковского сельсовета коммунистку Марию Кузнецову, председателя колхоза Лупышова, заведующую колхозной фермой Марию Королеву и ее мужа пенсионера Ивана Королева, портного Петра Захарова. В деревне Горани палачи расправились с председателем колхоза коммунистом Владимиром Удаловым и его сестрой учительницей Зинаидой Шебеко, в деревне Милодажи — с председателем сельсовета коммунистом Калмыковым, в деревне Выскидно — с председателем колхоза коммунистом Петром Антоновичем Груздковым.

Были арестованы десятки людей. Под тюрьму гитлеровцы приспособили здание Дома культуры: кинозал разделили на камеры, в кинобудке содержали смертников.

Сообщение из Оредежа нас с комиссаром, конечно, встревожило. Мы решили узнать побольше о замыслах Брунса. С этой целью в поселок сразу же отправился Андрей Иванов. Он имел подлинный документ на право свободного хождения по деревням района.

Интересна история этого документа. Как-то еще в начале осени Иванов под видом нищего разведкал, что воинская часть остановилась на время в деревнях Печково, Жередки и Фролово. В Печково на Иванова обратил внимание какой-то небольшой чин стоявшей там

танковой части. Задержал, обыскал. Не обнаружена ничего подозрительного, отобрал сапоги и швел в штаб. Там Иванову допрашивала сам командир части — полковник. На чисто русском языке спросил:

— Ты почему шляешься в расположении военных?

Андрей Федорович отвечал смело, не опуская взгляда, не выказывая никакой робости:

— Я везде шляюсь, господин полковник, где мне, инвалиду, кусок хлеба подадут. Раньше хоть небольшая, но пансия была, а теперь с бедного матроса последнюю обувку сняли.

Полковник посмотрел на босые ноги Иванова, затем на обнаженную грудь с морской татуировкой и уже мягче сказал:

— Значит, матросом был?

— Так точно. При царе-батюшине.

— А где плавал?

— На Балтике. В ту войну там и пальцы потерял.

Полковник усмехнулся:

— Я тоже при русском царе в вашем флоте служил.

Иванов не растерялся:

— Вот и прикажите, господин хороший, мне документ какой-либо выдать. Век буду за вас бога молить.

Полковник подождал адъютанта и что-то сказал ему по-немецки. Иванову вернули сапоги и выдали просимый документ. Но в тот последний осенний день (в ночь на 15 октября выпал густой снег и ударили крепкие морозы) документ Иванова «не сработал». Андрея Федоровича схватили. В ГФП, видно, кто-то сообщил о том, что он в прошлом пограничник. Через двое суток наш разведчик был расстрелян.

Снежидцы рассказывали: когда гитлеровцы вели по поселку Иванова, он кричал встречным женщинам: «Не горюйте, милые! Всех не перестреляют! Выше

головы — вернется наша власть! Верьте — вернется!»

После освобождения района от оккупации удалось узнать некоторые подробности гибели Андрея Федоровича. В тайной полевой полиции его не знали, а лишь допросили. Затем... отпустили. Сделано это было с провокационной целью — выяснить, с кем он встретится. Иванов разгадал провокацию и, побродив некоторое время по поселку, попытался уйти. Его вторично арестовали и подвергли мучительным пыткам. Расстреляли Андрея Федоровича в кустарнике за пекарней, где той суровой осенью от пуль фашистских палачей погибло много советских патриотов.

А мы в ту первую метельную ночь решили, не дожидаясь данных разведки, встретить карателей засадой. Замысел был такой: обстрелять колонну и, если фашисты начнут длительное преследование, увести их в лес подальше от нашей базы.

Получилось как по-писаному. Утром каратели появились на большаке, где мы сидели в засаде. Заговорили два наших пулемета. Им в поддержку засверкали выстрелами двадцать восемь винтовок. Гитлеровцев точно ветром сдуло с дороги. Открыв в нашу сторону беспорядочную стрельбу, они сразу же начали отходить. На большаке осталось несколько убитых.

Каратели, обосновавшись в Торховичах, должны были нанести удар по базе отряда Бухова. Об этом узнала Семенова. То ли проболтался переводчик комендантуры своим друзьям-полицаям, то ли нарочно сказал о предстоящем утром походе с целью предупредить партизан — так и осталось невыясненным. Но факт такой имел место. Нужно было срочно сообщить об опасности в отряд. А идти недалеко — километров тридцать. Снег. Холод. Да и покинуть поселок не так просто: гитлеровцы усилили проверку на дорогах.

— За вечер и ночь я добегу. Разрешите, Анна Петровна, — настойчиво просила Семенову Галя Комлева, — это мой долг. Я ведь связанная отряда.

И как ни жаль было Семеновой отпускать самую юную подпольщицу в рискованный ночной поход в лес, но согласиться с предложением Гали пришлось. Времени оставалось в обрез.

Комлевой удалось обмануть бдительность гитлеровцев, охранявших выход из поселка. Поздним вечером она добралась до домика лесника Берзиня, связанного с нами. Берзине повредила ногу и отправиться на базу не мог. Галя немного отогрелась и снова в лес. Глухими просеками шла всю ночь. Успела предупредить.

Отряд Бухова покинул базу. А спустя час гитлеровцы начали с трех сторон обстрел партизанских землянок. Затем... атаковали их.

Первая карательная акция Брунса против орадежских партизан окончилась провалом.

СВИНЦОВАЯ МЕТЕЛЬ

Снег во второй половине октября валит на землю почти ежедневно. Валит агрессивно. И ветер студеный часто дул. Но люди страшились другой метели — свинцовой. Гитлеровцы зверствовали. Каратели обстреливали деревни, жители которых были заподозрены в связях с партизанами, жгли отдельные дома и целые селения. И расстреливали, расстреливали...

В Гверездню карательный отряд ворвался утром. Первыми жертвами гитлеровцев стали комсомолец Николай Егграфов, пожилая колхозница Лукерья Семенова и старик Павел Валев. В деревне находились в это время три наших партизана — П. А. Александров и М. М. Матаев с сыном Александром. Они смело вступили в бой против пятидесяти фашистов.

Каратели окружили дом, где засели храбрецы. Солдаты дважды пытались подобраться к двери — партизаны отбили приступ, ранили командира карательного отряда. И тогда офицер приказал поджечь дом. Но из горящего здания гремели выстрелы. Наши товарищи

выскочили на улицу в тот самый миг, когда рухнула крыша. Отстреливаясь, бросились к лесу. Спаслись удалось одному Александрову. Он и поведал нам о трагедии в Гверездно.

Мы не очень расспрашивали Петра Алексеевича. Он не радовался даже своему спасению — так потрясен был гибелью товарищей и подавлен тревогой за оставшуюся в деревне семью. Под вечер нам стало известно, что каратели пожгли Гверездно, запретив жителям под страхом смерти хоронить убитых.

— Этого так оставить нельзя, — сказал Важнов.

Я молча пошел отбирать бойцов для ночного похода.

Мы вошли в деревню в полночь. Нас встретила мертвая тишина и уродливо торчащие в снежных наматах печи нескольких сожженных изб. Трупов не было. Постучали в один из домов. В сени вышла старуха. На мой вопрос об убитых, набожно перекрестясь, ответила:

— А где ж им быть, касатки! Вестимо, на кладбище. И ваших хлопцев скоронили. И Александрову хозяйку, и деток тоже. Мало что нехристь-фашист страшен не трогать. Скоронили честь по чести.

Мы пошли на кладбище. Долго стояли у припорошенного снегом холмика. Не было сил смотреть на Петра Алексеевича, потерявшего в один день жену и детей — четырнадцатилетнюю Таню и шестнадцатилетнего Петра. Лицо его окаменело.

С тех пор я ни разу не видел Александрова улыбающимся. А всевал он героически. И в партизанах, и позже — в армии. Победителем вошел в Берлин...

Майор Брунс и его сподручные были уверены, что где-где, но уж в крупных населенных пунктах им удалось к зиме ввести «новый порядок» и сломить сопротивление советских людей. Каково же было их удивление, когда над поселком Ториданни запыливали крас-

ные флаги. И когда? В день годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Эту радость жителям поселка доставили юные подпольщики из группы Ани Семеновой. В конце октября Галя Комлева принесла из отряда Бухова листовки. В тот вечер почти все «рукодельницы» были в сборе. Чтение листовки с поздравлением подпольного райкома партии с наступающим праздником придало беседе девушек соответствующее направление — все наперебой стали вспоминать, как проходил любимый праздник в довоенное время. Вспомнили веселье в школе, демонстрацию, поселок вечером, залитый ярким светом, расцвеченный флагами. Сусанна Яковлева неожиданно предложила:

— Анна Петровна, хорошо бы и нынче флаги вывесить. У нас дома спрятан наш флаг.

— Верно, девочки! — воскликнула Галя Комлева.

— Потише, Галя, — остановила ее Семенова. — Конечно, это очень хорошо флаги над поселком седьмого ноября, но давайте подумаем, как сделать так, чтобы жители не пострадали. Подумаем, а потом примем решение. А сейчас за работу — листовки нужно размножить.

Решение подсказал случай. На второй день после «рукоделня» Семенова заметила, как ее младший брат Коля бросает нож в дверь сарая.

— Ты чего балуешься? — подошла к нему Аня.

— И вовсе не балуюсь.

— А что делаешь?

— Тренируюсь, — серьезно объяснил сестре мальчишка. — Если сильно бросить, можно фашиста убить.

— Замолчи! — прикрикнула Аня на брата. — Иди лучше матери дров принеси.

Шла по улице, а в голове прихвывало: «Ну, а если не нож, а железные стрелы с красными флажками? Да

метнуть как следует. Ведь бросала же копье на спортивных состязаниях...» Не выдержала — вернулась домой и попросила брата сделать стрелу из куска толстой проволоки. Парнишка быстро выполнил заказ и вечером вместе с сестрой метал стрелу в сарай, сначала с пяти метров, потом с десяти...

Ковал железные прутья с заостренным концом кузнец деревушки Надбелье Карл Иванович Жуббе. Ковал открыто, так как имел неряд от старосты на изготовленные тонких железных прутьев для какой-то надобности хозяйственной командатуры гитлеровцев. Ночью все прутья с заостренными концами кто-то похитил.

Флаги развевались над крышами административных зданий. Заметили их жители рано утром, а фашисты спустя некоторое время. Переполох был страшный. Солдаты бросались к зданиям. Лестниц поблизости не оказалось. Стали карабкаться на обледенелые крыши, но сразу же скатывались с них. Раздалось даже несколько выстрелов, однако штыри глубоко вонзались в крыши, и сбить их было не так просто... Десятки жителей поселка с радостью наблюдали за этим зрелищем. Вести о красных флагах в Торковичах в тот же день разнеслась по окрестным деревням.

Нашему «первому» удалось в день великого праздника получить доклад И. В. Сталина на торжественном собрании в Москве. В ночь с 8 на 9 ноября Сазанов прислал нам газеты с текстом доклада. Радость нашу, когда мы читали эти простые, проникнутые уверенностью в победу слова, описать трудно. Наутро добрая половина отряда была в пути. 9—11 ноября мы провели чтения доклада в деревнях Озарешно, Волосково, Надбелье, Ольховец, Заручье, Стройно, Холонцы, Бутково, Остров, Глебово, Нестерково, Стан, Кипино.

Читали в отдельных семьях, а где имелась возможность, собирали в избу десятки людей.

Трудно переоценить значение этих чтений. Слушатели внимали каждому слову, многие места прочли вторично, не стесняясь плакали. Как-то вскоре после освобождения района от фашистской оккупации зашел ко мне председатель колхоза Иван Егорович Егоров. Улыбаясь, протянул сверток со словами:

— Посмотри, Иван Иванович, она самая. Сохранила.

Я развернул сверток, и на мой стол легла газета с докладом И. В. Сталина, та самая газета, которую я оставил 9 ноября 1941 года Егорову для чтения односельчанам: многих из них в наш приход тогда не было в деревне.

Были в праздники у нас и маленькие, если можно так сказать, семейные, что ли, радости. В обед 7 ноября наши хозяйственники угостили всех партизан пирогами. Их испекли нам женщины из деревни Стройно — Серафима Александрова и ее дочь Зинаида и Пелагея Иванова с дочерью Танюшей. Пахнуло домашним, дорогим сердцу. И от этого на душе стало печально. Печаль, ведь она бывает и светлая, не расслабляющая душу, а, наоборот, придающая уверенность, новые силы для борьбы.

А силы эти были очень нужны. Тучи над нашим отрядом продолжали сгущаться. Не помню точно, 15 или 17 ноября мы получили сообщение из Оредежа о прибытии в поселок около тысячи гитлеровцев. Часть хорошо вооружена: автоматы, пулеметы, минометы, три взвода с бронированными бортами. Цель — карательная экспедиция против партизан.

Сообщение прислал нам... бургомистр поселка Савини. Никто в те дни не знал, что пост этот Иван Тимофеевич занял с нашего согласия. До войны Савини учительствовал в Бельском сельсовете. Тихий человек, в общественной работе участвовал мало, но преподаватель хороший. Водился за ним грешок — любил лишний раз

в рюмку заглянуть. Поругивали его за это в районном отделе народного образования. Последнее обстоятельство (не обошлось здесь и без подсказки предателя Мацуцкого) и дало повод коменданту Брунсу сделать Савину «клевостное» предложение.

— Разрешите подумать,— попросил Иван Тимофеевич.

Подумать разрешили, а он ночью к нам в отряд зашел. С возмущением поведал о разговоре с Брунсом, твердо сказал:

— Пусть меня расстреляют фашисты, а позора не приму. У меня два сына в Красной Армии. Как я им в глаза смотреть стану? Да и не только в сыновьях дело. Советский же я человек...

— Ну, а если все же согласиться?— предложил я.

— Как это согласиться!— возмутился Савин.

— Просто взять и согласиться,— понял то, что я задумал, поддержал меня Ваниса и, не давая возможности Савину вновь взорваться, мягко продолжил: — Нам, Иван Тимофеевич, очень нужны свои люди в административном аппарате гитлеровцев. Рьяно служить не следует. Брунс и его помощники неглупы. Могут не поверить. Проявляйте похвальный интерес к быту господ офицеров комендатуры, заботу о размещении солдат гарнизона и информируйте обо всем нас,— Ваниса улыбнулся, — ну, а мы соответственно позаботимся о перемещении в мир иной ваших подопечных.

— Невольно вас не можем,— вставил я,— дело, сами понимаете, очень рискованное.

— Да что вы,— обиженно ответил Савин,— я ведь не из трусливых. Не подведу...

И он не подвел. Под чужой линией верно служил Родине до последних дней своей жизни Иван Тимофеевич Савин. А была эта служба недолгой. В декабре агенты тайной полевой полиции обнаружили его записку

у одного из арестованных подпольщиков. Ивана Тимофеевича арестовали и подвергли пыткам. Ничего не добившись от патриота, сподручные Бружа отправили его в лужскую тюрьму. Там Савин просидел два месяца и в феврале 1942 года был расстрелян.

А тогда, в ноябре сорок первого, сообщение Савина оказало нам большую услугу. Каратели не застали нас врасплох. Мы сразу же приняли меры предосторожности: на опушках леса в направлении ко всем близлежащим деревьям выставили «секреты», предупредили наших помощников, кого успели, в населенных пунктах недалеко от лагеря.

В карательной экспедиции участвовало 1200 гитлеровцев. К походу против нас были привлечены и десятки два бывших уголовников и невесть откуда появившиеся в районе раскулаченные в свое время богатеи. Фашисты хотели проверить их, привязать к себе страхом ответственности за совершенные убийства и насилия.

Разделившись на три группы, каратели 19 ноября отправились в путь. Судя по всему, местонахождение наших отрядов им было примерно известно. Каждый километр пройденного карателями пути поливался кровью советских людей. Ни одна деревня, ни один хутор не остались нетронутыми: поливали пожары, жителей избивали, расстреливали.

Врываясь в дома, солдаты насиловали женщин, грабили; малейшее неповиновение пресекалось пулей. В деревне Траньково были расстреляны старики Ефим и Евдония Дмитриевы, в деревне Хиновино — председатель колхоза Семенов. В Заручье каратели согнали всех жителей в центр деревни, вывели из толпы трех мужчин и поставили на колени. Офицер отошел от них на несколько шагов и, стоя в тише, неторопливо произвел три выстрела из револьвера. Стрелял в затылки.

Продвижение карателей и базы отряда Бухова — урочищу Днев Нос — заметил лесник Берань и сумел предупредить партизан об опасности. Отряд покинул стоянку, но там, где по первому глубокому снегу ступит человек, след как на ладони, и, естественно, оторваться совсем от преследования фашистов Бухов не смог. 24 ноября разгорелся неравный бой. В нем погибли Смажков, Огурцов, Копин, Макаров, Петров, Романовский и другие наши товарищи. Счастись удалось немногим.

Озеровщина от красн гитлеровцы устроили дикую оргию на хуторе кузнеца Жуббе. Каратели варварски расправились с Карлом Ивановичем и его женой — бросили их связанными в горящий дом. На следующий день в Надбелье были расстреляны руководитель группы в деревне Мария Ивановна Николаева и ее сын Володя — наш храбрый разведчик.

24 ноября вечером к нам в отряд пришел связной стройинженерской подпольной группы, предупредил:

— Завтра каратели будут прочесывать лес в направлении вашей базы. Проболтался проводник гитлеровцев. Попытаются окружить отряд.

— Такое решение, командир? — спросил Важнов.

— Встретим фашистов огнем. Хотя короткий, но бой дадим. А потом отойдем на запасную базу. Глупо лезть на рожон, когда у них такое превосходство.

А оно было большим. Соотношение в живой силе — примерно один к семи. Ну, а об огневой мощи и говорить не приходилось. Принять тогда другое решение — значило погубить отряд.

Всю ночь мы не сомкнули глаз: отправили раненых и больных в безопасное место — под деревню Пищи, детально разработали план отхода, на его пути наместили места засад групп прикрытия, уничтожили все, что

было можно, на базе. А утром встретили карателей огнем.

Полчаса перестрелки — и, оторвавшись от врага, мы вновь зашагали по Хинновинскому мху, так часто выручавшему нас в трудные минуты партизанской жизни. Отходили угрюмые: в коротком бою потеряли трех товарищей. Погибли братья Лебедевы — Александр и Тимофей, Константин Дмитриев.

Запасная база отряда находилась в тридцати километрах, в заброшенном овине. Там были зарыты в железной бочке продукты и боеприпасы. С большой надеждой шли мы туда, увязая в глубоком снегу. Но нас ждала новая беда. Овин был сожжен. Глубокая яма зияла на месте, где хранились продукты и патроны. Снег кругом вытопан. Повсюду валялись пустые пачки сигарет с иностранными надписями. Все было ясно.

— Ну, вот и добрался, — в сердцах бросил Николай Шишер, — ни кола ни двора.

Я впервые видел Николая таким расстроенным. Видно, и впрямь адски устал человек, а он у нас был одним из самых выносливых.

— Привал, товарищи, — распорядился я.

С наступлением темноты мы покинули разгромленную базу. Подул северный ветер, разыгралась метель. Мы шли, по очереди пробивая тропу в снежных наметах. Пурга заметала наши следы.

Часам к четырем утра показались избы деревни Остров. Только мы вышли на дорогу, как Голицын, шедший впереди, поднял руку. Я приблизился к нему.

— Смотрите, — показал он мне на какой-то машинный след.

— Вездеход, — определил Ефимов.

Значит, и здесь побывали каратели. Оставив отряд на опушке леса, я отправился на разведку. С собой взял Ефимова и Колю Семенова.

Пошли к домам огородами. В Острове жил Антипов — бывший председатель колхоза. Сазанов как-то говорил мне о нем как о верном человеке. К дому Антипова я пошел один. Постучал. Никто не отозвался. Постучал еще раз. Скрипнула дверь, раздался глухой мужской голос:

— Кто там?

— Исаков.

Щелкнула задвижка, и Антипов пригласил:

— Заходите, Иван Иванович...

— Ну, как тут у вас? — размерившись от тепла, спросил я.

— Худо. Позавчера налетели каратели. Расстреляли коммуниста Васильева. Сожгли его дом. А всех нас, мужиков, выторопил плетками. Пограбили и уехали в сторону Заручья. Мне пригрозили расстрелом, если помогу чем-либо партизанам. Я ведь в старостях кожу по приказу Брунса.

Я посмотрел на Антипова. Выглядев он старше своих сорока лет. Темно-руссая круглая борода его пожелела, а сам он, плотный и высокий, как-то весь сжался. Хозяин перехватил мой взгляд, горько усмехнулся, но твердо проговорил:

— Ничего. Выдюжим. Не сомневайтесь, деревня примет вас. Мало что фашист грозился.

— А как дела в Новинке? — задал я тревожно вопрос.

— Пока нормально. Болознева видел с ребятами. Ничего такого не говорил.

У меня отлегло от сердца.

Через полчаса деревня светилась огоньками свеч и коптилок. В небо поползли из труб струйки дыма. Мы обогрелись, плотно поели. Никогда не забудется этот ночной обед. Так гостеприимны в беде могут быть только советские люди.

С рассветом мы покинули Остров. В полдень были на базе подпольного райкома партии. Нас встретил Сазонов. Он, как всегда, был подтянут, спокоен. И только в глазах его где-то глубоко таилась тревога.

Федор Иванович пригласил нас в землянку. Народу там было как сельдей в бочках. Жарко, душно, но после злой метели мы с удовольствием разместились на нарах. Уснули как убитые.

Под Новинками собралось около сотни оруденских партизан. Базы наши были разгромлены, боеприпасы на исходе. А морозы, как на зло, зкнут днем, лютуют ночью. В деревни и на часок не заскочишь, — везде подтянуты подразделения охранных войск или засады карателей.

В ночь на 29 ноября состоялось заседание подпольного райкома партии. Вопрос о том, что предпринять в ближайшее время, обсуждали горячо. Не единогласно, но решили просить Ленинградский штаб партизанского движения разрешить нам временный выход в советский тыл. Мне и сейчас эта просьба кажется обоснованной. Концентрация фашистских войск под Ленинградом в прифронтовой зоне в конце 1941 года была максимальной. Условия у нас сложились более тяжелые (не в обиду будь сказано товарищем по борьбе в тылу врага), чем в районах, отстоящих от Ленинграда на 150—200 километров или находящиеся в стороне от важнейших коммуникаций.

В полдень 29 ноября от Михаила Никитича Никитина был получен по радио положительный ответ на нашу просьбу. Сазонов предложил остаться местным коммунистам на нелегальном положении, но только исключительно добровольно. Согласие дали парторг Чащинского лесопункта И. П. Наточнев, председатель колхоза член райкома ВКП(б) П. И. Лосников,

П. В. Степанов, Н. В. Мартымянов, Р. Ф. Филиппов, С. В. Васильев — всего шестнадцать человек. Остальные стали готовиться к походу.

Особенно плохо было у нас с патронами и обувью. Двенадцать выстрелов на брата — с таким запасом в бой вступать трудно. Обувь чмыли, как могли. Участковый агроном Семенов раздобыла лапти и всех уверяла, что у нее на родине, в Вологодской области, любят зимой прогуливаться в такой обуви. Арэнд Пурин смастерил себе из сумок для противогазов и поли шинели бахилы.

На базе райкома я встретил Шурика Бородулина. Он уже успел опять отлучиться. Был с двумя товарищами в разведке. Навалились на группу вражеских автоматчиков. Отступая, Шурик споткнулся и упал. Видит — настигают его четверо гитлеровцев. Притворился мертвым, а когда солдаты подбежали, быстро вскочил и в упор застрелил троих. Четвертый фашист еле унес ноги.

Мне о подвиге Бородулина рассказал Болознев, но мой же вопрос «Как воюется, Шурик?» наш юный герой ответил:

— Ничего. Помаленьку.

Морозной светлой ночью на 1 декабря сводный отряд оренбургских партизан начал движение в сторону линии фронта. Где она, эта самая линия фронта, мы точно не знали. Карт не было. Радиогранный из штаба партизанского движения наш маршрут определялся на болоте Соколий мох с выходом к переднему краю между Малужской и Оломной. Отряд вел я. Так решил подпольный рейком.

На исходе третьих суток похода первое серьезное препятствие — Московское шоссе. Перед броском через него сделали привал. Развели небольшие костры. Натянули воды из снега. Заварили в котелках по два

ленин ржаной муки. Большого наших запасы не позволяла.

С наступлением темноты подтянулись к шоссе. По нему в обе стороны проносились машины — легковушки, грузовики. Дорога вся просвечивалась. Автомобили шли с зажженными фарами. В разведку направили Николая Семенова и Анатолия Голицына. Ребята возвратились скоро. Обнаружили мостик, по трубе которого может свободно проползти человек. Идем гуськом. Один за другим ползем.

Мороз крепчал. Трещали деревья, и даже снег издавал звук, похожий на визг. Внутри все онемело. С опушки леса увидели какое-то строение. Несмотря на риск, устремились к нему. Позвала! Пустое овощехранилище. За одной удачей последовала вторая. Миксов обнаружил под старой соломой мерзлую картошку, радостно крикнул:

— Живем, братцы, живем!

Жадно собираем картофель в общую кучу. Каждому досталось по котелку. На земляном полу разложили костерки. Голицын простуженно пропел:

Наша милая картошка-тошка-
тошка,

Пленероя идеал...

— А для нас — сбывшаяся мечта, — засмеялся Семенов.

— Останусь жив — в праздники только одной картошкой пытаться буду, — клятежно обещал Миксов.

Люди немножечко отошли...

У речки Чагода мы попали в бурю. Столетние ели едва выдерживали его бешеный разгул. Мы шли не по колена — по грудь в снегу. Ведущий более пятидесяти шагов не выдерживал.

Когда, казалось, всё — ещё полчаса, и мы станем жертвой стихии, буран неожиданно прекратился. В лесу воцарилась необычная тишина. И тогда вскоре произошло... чудо. Я вдруг почувствовал запах папиросы. «Галлаюцинация. Этого еще не хватало», — подумал сначала, но потом мелькнула мысль: «Кто-то сберег куревко». Сделал два шага в сторону. Остановился. Миню меня, с трудом передавгая ноги, прошли десятки человек, а запах остался. И тут справа мелькнул огонек. Я остановил цепочку и, взяв двух бойцов, направился к ельнику. Под большой елью тлел костерок. Около него сидело два человека в маскировочных халатах. Рядом лежали лыжи. Автоматы ППШ были приставлены к стволу дерева. Радостно забилось сердце, — похоже, что наши. Я кашлянул. Сидевшие у костра мгновенно схватили оружие.

— Кто там? — спросил я из-за укрытия.

— А ты кто? — послышалось в ответ.

— Партизан.

— Коли ты — подойди.

Да! Это были наши. Два разведчика, направленные к Любани. Храбрые, душевные парни.

— О, да у вас тут целое войско! — воскликнул один из них, увидев подходивших наших товарищей.

Второй, заметив, как жадно смотрят на его папироску десятки глаз, достал пачку «Звезды» и протянул мне:

— Угощайтесь. Видать, давно не баловались.

Ну и задымили мы! А потом дотошно расспрашивали разведчиков про фронт, про положение в Ленинграде. Старший из них говорил:

— Фашистов у переднего края сейчас полно. В полку нашем принято считать: передок проскочил — смертный рубеж прошел. У нас, у разведчиков, другая точка зрения. Не так страшен черт, как его малюют.

Мы проходим — и вы пройдете. Страшны смертные рубежи в другом месте.

— Где? — вырвалось у Толи Голицына.

— В Ленинграде, — угрюмо ответил разведчик, — у ленинградцев каждый день — смертный рубеж.

Несколько часов мы отдыхали вместе с разведчиками. За это время я снял с их карты крохи. Старший из бойцов начертил мне свой маршрут от линии фронта, отметил возможное место ее перехода.

— Подъем!

Жмем руки нашим новым, добрым знакомым. Вытягиваемся в цепочку. Разведчики становятся на лыжи. Им — скользить в глубокий тыл врага. Нам — идти к «смертному рубежу».

ЧЕРЕЗ СМЕРТНЫЕ РУБЕЖИ

Так бывало на войне: огибаешь наилучшего, напрягаешь до предела волю, физические силы, а дело оборачивается просто, и исход его — лучше не придумаешь. Так у нас получилось с переходом через линию фронта. С трудом дошли до дороги Малунса — Оломна. Залегли. Нервы напряжены до крайности. Слышим урчание моторов. Приготовились драться до последнего. Показались три вражеских воздуха. Проскользнули рядом, но нас не заметили. Мы быстро по-пластунски переползли дорогу, углубились в заросли, и... всё.

Справа от нас лениво строчил пулемет. Сзади где-то неторопливо постреливал миномет. Обычная ночная «перебранка» у переднего края, больше для острастки и часто по принципу — в свет, как в копейку. Что оказалось неожиданным, так это декабрьская купель. Зима, говорит пословица, пруды нуёт, а тут морозница что надо, а с торфяными канавами справиться не сумели. Провалились по пояс несколько человек, в том числе и я. Пришлось срочно разводить костерок.

На рассвете Николай Семенов с макушкой большой сосны обнаружил по маршруту нашего движения как-то строения за болотом.

— Стало быть, верно идем! — воскликнул Сазанов. — Это, очевидно, и есть пятый рабочий поселок.

— Очевидно, — согласился я и повел отряд торфяным полем.

Прошли больше половины его, как вдруг метрах в трехстах правее нас показались две лыжники. Они усиленно махали палками в нашу сторону. Я догадался, что они требуют остановиться. Мы остановились. Один из лыжников крикнул что-то. Порыв ветра донес слова:

— Обратнo... Канава.

Поднялись. Повернули обратно. Нашли канаву и по ней приблизились к лыжникам. Вместо обычных вопросов: «Кто?», «Откуда?» — красноармейцы выпалили:

— Черти полосатые, здесь же мины!

— Без ног решили остаться!

Оказывается, мы уже минут пятнадцать шли по минному полю.

— Так чего же они не взрывались? — недоуменно спросил Михеев.

— А Бог их знает. Но точно — топтали вы по противотанковым, — ответил старший из лыжников.

Последние усилия — и мы среди своих. Красноармейцы угостили нас супом, гречневой кашей. Роскошный обед после скитаний по торфяным болотам!

Утром следующего дня Сазанов и меня пригласил к себе командир дивизии. С горячим интересом генерал расспрашивал нас про обстановку на оккупированной территории, об условиях партизанской борьбы. В конце беседы речь зашла и о минном поле, по которому мы прошли накануне. Оно, оказывается, было

поставлено еще осенью. На нем подорвались два фашистских танка, несколько вздоходов. Гитлеровцы в этом направлении не делали больше попыток наступать или вести разведку. Наши же саперы поуспокоились, а мины тем временем вмерзли в землю, да и снегом их подзавалило. Вот и потеряло минное поле свое значение. Хотя генерал и сдерживался, комментируя это событие, однако чувствовалось: достанется от него на орехи командиру саперов.

Кондиз поразовал нас добрыми вестями с фронта: продолжают успешные действия наших войск под Москвой, освобожден от оккупантов Тихвин, набирают силу наступательные операции советских армий в районе Калининна. От генерала мы поспешили к своим товарищам, отдыхавшим в бараке. С собой прихватили номер «Правды» от 13 декабря 1941 года. Конечно, все радовались, читая газету. Сыпались реплики:

- Полетела ключьями шакаля шерсть!
- Полный поворот от московских ворот!
- Будет и под Ленинградом танк!

Еще одну ночь провели мы у гостеприимных военных — ленинградцев. А затем двинулись через Жихарево и Новую Ладугу в Сясьстрой. Там, по данным командира, размещалась оперативная группа Ленинградского штаба партизанского движения. Ряды наши поредели, — более двадцати человек пришлось оставить в армейском госпитале.

В Сясьстрое нас встретил бывший инструктор военного отдела обкома партии Андрей Алексеевич Гузев. Теперь он руководил Волховской опергруппой. Нам о многом хотелось расспросить его и завалиться отдыхать, но Гузев твердил одно:

- После, после. Сначала санпропускник.

Пожалуй, ни раньше и ни позже я не прозел никогда в своей жизни столько времени в бане, как в тот

декабрьский день. Долго мы полоскались в горячей воде, нещадно дравли друг друга мочалками.

Обмундировали нас после бани по-военному, на довольствие поставили в столовую Сясьского бумажного комбината. Шли мы туда по улице, не таясь, громко разговаривая. От всего этого мы уже отвыкли, и все казалось нам необычным.

— Нет, братцы, что хотите, но я как во сне, — восхищался по-детски бывший директор карьера в Новинках Мишкин.

— Теперь бы еще, Федор, у поющего сановара посидеть, — вторил ему Фишер.

Их чувства разделяли и другие товарищи.

В Сясьстрой мы пробыли трое суток. Хорошо отдохнули, отоспалось. Сазанов и я засели за отчет о деятельности Оредежского подпольного райкома партии и партизанских отрядов. Утром 20 декабря, раньше обычного, к нам в общежитие пришел Гусев. В руках у него была радиограмма.

— Есть приказ штаба, — сказал он, — Сазанову и Искову прибыть немедленно к начальству.

— А товарищам, у кого семьи в Ленинграде? — спросил Федор Иванович.

— Въезд разрешен.

Все шумно обрадовались и заторопились со сборами. В тот же день Гусев подыскал нам попутную машину. Сясьстрой покинул Сазанов, Фишер, Ефимов, Мишкин, я и еще несколько человек.

Поездка в блокированный Ленинград запомнилась. И тому было немало причин и обстоятельств. До Кабоны ехали по льду Ладожского обводного канала. Дорога накатанная. Наша полуторка неслась по ней в буквальном смысле этого слова, и встречный морозный ветер быстро превратил нас в кочерыжки. Сделали остановку в Новой Ладоге. И здесь мы впервые почувство-

вали нарастающую силу наших войск под Ленинградом. Сясьстрой — поселок в стороне от фронтовых дорог, и война там непосредственно не ощущалась. Новая Ладога бурлила и днем и ночью. Обогревательный пункт, где мы остановились, был забит военными. Не только есть там, но и поспать в комнатах места не нашлось. В дверях то и дело раздвигалась команда: «Выходи строиться!» Войсковые подразделения то прибывали, то убывали.

В Кабону мы приехали под вечер. Тут находилась перекладочная база. Одна за другой вползали в село колонны машин, груженых продовольствием. Забыв про стужу, мы наблюдали за ними, и нас все больше охватывало чувство тревоги за Ленинград и ленинградцев, которое испытывала в канун Нового года вся страна. Дело обстояло в городе с питанием, очевидно, хуже, чем мы предполагали, находясь в ореденских лесах.

Было уже совсем темно, когда наша машина выехала на лед Ладоги. У меня, как и у каждого, кому довелось в дни блокады впервые попасть на автомобильную дорогу Ладожского озера, вошедшую в историю под именем «Дороги жизни», осталось от той ночи на всю жизнь чувство огромной душевной благодарности к тем, кто доблестно работал на трассе. Всю ночь жутко ревел ветер. Мороз сорок градусов. Падают бомбы. В воронки ныряют машины. В центре и по бокам идущих друг другу навстречу потоков транспорта раутся снаряды. Для нас — одна такая ночь, а для водителей, регулировщиков, зенитчиков, охранявших дорогу, такое — каждые сутки.

Во время одной из вынужденных остановок, когда мы бегали вокруг фанерной будки, пытаясь согреться, около нас остановился встречный грузовик. Фишер, я и Мишкин подошли к нему и заглянули в кузов.

— Мертвые дети! — вскрикнул в ужасе Фишер.

Да, это были дети, но не мертвые.

Ленинградские дети. Изможденные, с мертвенно-бледными лицами... В груди что-то оборвалось. И все наши тяготы и лишения в тылу врага показались ничтожными по сравнению со страданиями этих малышей.

— Только бы перешагнули. Только бы перешагнули,— прошептал Фишер.

— Что перешагнули, Николай? — недоуменно спросил я.

— Смертный рубеж.

— Кто?

— Они, — показал Фишер на уходящий грузовик и тихо добавил: — И моя доченька. И все наши.

— Перешагнут, Коля. Выживут, — успокаивал Фишера Мишин, хотя его самого трясло как в лихорадке.

Утром поезд, тащившийся с завидным спокойствием, доставил нас с берегов Ладоги на Финляндский вокзал Ленинграда. С вокзала Сазонов и я направлись к Смольному. Шли молча. Угнетающе действовали вмерзшие в сугробы снега трамваи и троллейбусы, необузданные трупы у подъездов домов. Вот они — смертные рубежи Ленинграда: голод, холод. Позже я узнал: декабрь сорок первого был самым тяжелым для блокированного города. В декабре от голода погибло 53 тысячи ленинградцев. И этот город упорно и мужественно противостоял врагу. Вокстину Ленинград обладал сказочной тайной жизнестойкости...

У Смольного в аллеях группы военных. У главного входа тоже. Войдя вовнутрь, по привычке пошли к центральной лестнице на второй этаж. Нас оставил часовой:

— Ваши документы, товарищи.

Мы с Федором Ивановичем переглянулись. Документов у нас никаких.

— Мы из немецкого тыла, — пытаюсь объяснить я.

— Из немецкого?

Часовой смотрит на нас как на выходцев с того света. Спехватнешься, Сазанов достает из кармана гимнастерки радиограмму Никитина и подает часовому. Тот вертит бумажку — ни печати, ни штампа.

— Это не документ, товарищи. Идите в бюро пропусков.

В бюро пропусков о нас были предупреждены. Через десять минут мы уже входили в кабинет Михаила Никитича Никитина. Он сердечно приветствовал нас:

— Заждался вас, герои. Рассказывайтесь и рассказывайте. Все, все без утайки — и плохое, и хорошее.

В кабинете было тепло, но Никитин сидел в киннутой на плечи шинели. Лицо его осунулось, посерело, темные круги легли под глазами. Чувствовалось, что он недорос, но держится по-прежнему бодро, полон энергии.

Михаил Никитич внимательно слушал нас. Иногда отрывисто комментировал:

— Нужно быть беспощадным к измене.

— За листовки молодцы.

— Горькая правда лучше неизвестности.

— Партизаны не сами по себе.

Очень интересовала Никитина возможность создания на оккупированной территории подпольных типографий для выпуска газет и листовок тысячными тиражами. У нас с Сазановым на этот счет было единое мнение: в условиях прифронтовой полосы и большой насыщенности района фашистскими войсками организация подпольной типографии с более или менее постоянным местонахождением — дело почти невозможное, а главное, бесперспективное. Обнаружена и разгром неминуемы.

— Вот бы переносную, портативную, — мечтательно проговорил Федор Иванович.

— Это идея, — согласился Никитин.

Осенью 1942 года сформированные по решению Ленинградского обкома ВКП(б) межрайонные партийные центры были обеспечены походными типографиями. И они оправдали себя. В 1943—1944 годах в одной из таких типографий печатались и газеты 5-й Ленинградской партизанской бригады «Партизанская месть» и подпольного окружного комитета ВКП(б) «За Ленинград».

Пробыли мы у Никитина около двух часов. Прервав разговор, он сказал, что ему надлежит быть через десять минут у Андрея Александровича Жданова. Прощаясь в приемной, Михаил Никитич дал указание своему помощнику Д. Н. Соболеву обеспечить нас пайком до 1 января по фронтовым нормам.

— Пайк они получили в оперативной группе у Гузеева, — доложил Соболев.

Никитин резко повернулся и сердито спросил:

— Сколько времени они воевали в тылу врага?

— Четыре месяца.

— Сколько за это время мы им дали продуктов?

— Ясно!

— Вот и хорошо. А сейчас вызови для них машину. Пусть на улице Декабристов получает продукты. Исакова отвезти домой, у него здесь в Ленинграде жена с ребятишками, а Сазанова — в военное общежитие.

Соболева мы с Сазановым знали давно, когда он был еще секретарем Солецкого райкома партии. Федор Иванович пошутил:

— Ну что, Дима? Получил на орехи?

— Ничего, бывает, — без обиды ответил Соболев.

Из Смольного выехали во второй половине дня. Машина медленно ползла по снежным ухабам. Сильный морозный туман кутал пустынные улицы. Где-то далеко глухо била вражеская артиллерия. В районе Васильевского острова слышны были разрывы снарядов.

Получив в комендатуре пропуск на право передвижения по Ленинграду, мы отправились на улицу Декабристов в партизанский штаб. Там, на складе, нам на каждый день выдали по четыре сухаря, по брикету супа-пюре, по два брикета пшенной каши и по сто граммов «фронтowych». Целое богатство!

На Кировной улице у дома номер три я попросил шофера остановить машину. Здесь жила моя семья. Вскочив за плечи вещевой мешок, быстро вбегаю в подъезд. Темно. Свечу карманным фонариком. На лестнице горы мусора, снега. Под ногами хрустят битые стекла. Поднимаюсь на четвертый этаж. Позабыл, что город без света, нащупываю кнопку звонка. Жму изо всех сил. За дверью ни звука. Жму еще и еще. Никакого ответа. Лоб покрылся холодной испариной: «Наужели все вымерли?»

Беспомощно опустился на ступеньку лестницы, сидел минут пятнадцать. Вспомнив, что одна стена нашей комнаты выходит на лестницу, быстро вскочил и рукояткой пистолета стал колотить по стене.

— Кто там? — послышался слабый голос за дверью.

— Валя! Это я!

Жена долго возилась с запорами. Наконец дверь открылась. Жена шла, шаркая, как старушка, ногами. В комнате она тяжело опустилась на стул и посмотрела на меня усталыми, безразличными глазами. В помещении было холодно, как на улице. На столе стояла копилка. Тускло мерцал маленький язычок пламени. На кровати было собрано все, чем можно укрыться: одеяла, одежда, портьеры. Из-под этой груды торчала закутанная в теплый платок головка дочурки. Детская кроватка была пуста. В сердце сильно кольнуло.

— Где же Николенька?

— Не уберегла,— тихо ответила жена.

Я присел на кровать к дочурке:

— Лерочка! Вот и твой папа приехал.

— Ага, Папа.

И больше — ни слова, ни улыбки.

В графине нашел немного воды. Вылил в чайник. Став искать, чем затопить печь. Кроме шкафа, стола, двух стульев в комнате ничего, что могло бы гореть, не было. В углу столками лежали книги.

— Почему книгами не топилась печь? — спросил я жену.

— Жалела.

Я быстро раздвинул несколько книг. Затопил печку, вскипятил чай. Достал из вещевого мешка печку галет, сахар. Сухарей давать побоялся. Размочил по две галеты в горячем чае и скормил их жене и дочурке. Затем уложил их в кровать, а сам, не раздеваясь, устроился на полу около печки.

Утром решил поискать дров или другого горючего материала. Обшел весь двор, все подвалы, но ничего не нашел. Только напротив, в разбомбленном доме, под развалинами обнаружил остаток двери. Извлек ее из-под кирпичей, разломал и принес домой.

Затем, взяв ведро, отправился за водой на Неву и Литейному мосту. У проруби длинная очередь. С ведерками, чайниками, кастрюлями стояли женщины, старики, подростки. Зеня очередь, я подошел к проруби. Края ее обмерзли. Вода глубоко, и достать ее можно с большим трудом. Став на колени на край проруби, я черпал воду ведром и наполнял подставляемую мною посуду—

Ленинград в декабре. Ленинград в декабре...

О как странно стонут на темной зоре.

Как утробно твои ледяные жилы,

Как изголодало голодом тело твое.

Предельно точные слова нашла поэтесса Ольга Берггольц об ужасном испытании, выпавшем на долю ленинградцев в конце 1941 года. Прав был разведчик, повстречавшийся нам перед переходом через линию фронта. Через смертные рубежи жители в Ленинграде проходили ежедневно, ежечасно.

Дома я пробыл два дня. Топил печь и понемногу подкармливал своих домочадцев. В комнате стало теплей. Жена и дочурка ожили.

23 декабря решил сходить на Васильевский остров. Там на углу Большого проспекта и Гаванской улицы жили отец, мать и сестренка. Рано утром вышел из дому. Был сильный мороз. Навстречу попадались редкие прохожие, больше военные. В районе университета попал под артиллерийский обстрел. Вперед меня шли три человека. Остановились. Прислушались и пошли дальше. Пошел и я следом за ними. Но на Большом проспекте по требованию бойцов противовоздушной обороны пришлось укрыться под воротами.

Дома была одна мама. Истудавшая. Постаревшая. Долго смотрела на меня, потом обняла, расплакалась.

— А где папа и Клава? — спросил я с тревогой.

— Живы. Ушли на завод.

Побыв с мамой полчаса, я пошел в гребной порт. Разыскал отца, сестренку и упросил начальство отпустить их домой.

Мать из принесенных мною продуктов сварила кашу. Семейный обед проходил молча — уж очень плохо чувствовала себя отец. С горечью он говорил:

— Годков бы мне поменьше — до конца выстоял бы, сынок.

Это была моя последняя встреча с отцом. Он умер от голода в марте 1942 года.

По заданию обкома партии партизаны, выходившие из вражеского тыла в Ленинград, встречались с населе-

нием, выступали на заводах, в воинских частях, на кораблях Балтфлота. Получил «вакаторскую путевку» и я. Михаил Никитич Никитин напутствовал:

— Расскажите, как фашисты зверствуют на нашей земле. Про засады и бои партизанские. А главное, о стойкости людей наших, о непокоренном характере советского человека.

Выступал я в красном уголке завода имени Козицкого. Собралось человек сто пятьдесят. Слушали внимательно. И вопросы разные задавали. Звучали они больше как приказ-просьба: бить беспощадно врагов, помогать лучше Красной Армии. Я отвечал на вопросы, рассказывал и все время думал, как ответить на вопрос, который могут задать мне ордежцы по возвращении в свой район: «Из каких источников черпает мужество город Ленина, его герои-жители, когда все запасы, казалось, иссякли?»

Легендарная оборона Ленинграда удивила весь мир. В наших газетах печатались многие высказывания видных политических деятелей, писателей, мнения ведущих иностранных газет о подвиге ленинградцев. У меня сохранилась вырезанная в годы войны выдержка из американской газеты «Нью-Йорк таймс». Газета писала:

«Вряд ли в истории можно найти пример такой выдержки, которую проявили в течение столь длительного времени ленинградцы. Их подвиг будет записан в анналы истории, как своего рода героический миф».

Заподозрить «Нью-Йорк таймс» в горячих симпатиях к советским людям трудно, но даже буржуазная газета была вынуждена написать правду.

27 декабря небольшой группе партизан в Смольном вручались ордена и медали. Среди награжденных были и ордежцы. Сашу Бородулина наградили орденом Красного Знамени, Федора Ивановича Сазанова,

меня и Алексея Сахарова — орденом Красной Звезды, Тамара Трофимова была удостоена медали «За отвагу».

В это посещение Смольного мы узнали и о некоторых товарищах по довоенной партийной работе. В лужских лесах партизанил Иван Дмитриевич Дмитриев. Осталась в тылу врага первый секретарь Гдовского райкома ВКП(б) Товий Яковлевич Печатников, первый секретарь Псковского городского комитета партии Андриан Гуштин. Узнали мы и о существовании на оккупированной территории целого Партизанского края.

Однако развитие партизанского движения шло не по прямой вверх. В конце 1941 года наметился спад. Фашистам удалось ценою больших усилий и немалых потерь разгромить около сорока местных отрядов партизан, ликвидировать часть подпольных групп и организаций. Ленинградский штаб партизанского движения принимал энергичные меры для восстановления сил народных мстителей, для усиления борьбы в тылах врага. Получил и в приказ немедленно выехать в Волховскую оперативную группу штаба для формирования партизанского отряда для боевых действий в Орадежском районе. Было это 29 декабря.

Простившись с женой и дочуркой, я в тот же день пошел на Финляндский вокзал. Покидал Ленинград со смешанным чувством гордости и тревоги. Твердо верилось: небывалый экзамен истории, который имел только две отметки — жизнь или смерть, ленинградцы выдержат. Тревожила гибель многих, судьба семьи.

В предновогодние дни в город пришла радость — увеличилась норма получаемого жителями хлебного пайка. Позже мне рассказывали, что этому событию предшествовал разговор между двумя руководителями ленинградских большевиков. Андрей Александрович

Жданов спросил у приехавшего на Вологду Терентия Фомича Штыкова:

— Скажи — можешь ли ты гарантировать, что продовольствие будет поступать бесперебойно? Хотим мы ленинградцам к ста двадцати пяти граммам хлеба прибавку дать.

Штыков ответил одним словом:

— Могу!

И тогда Военный совет Ленинградского фронта вынес решение, вошедшее радостью в каждую семью города Ленина...

В Волховской оперативной группе штаба партизанского движения в конце декабря 1941 года царил оживление: комплектовались диверсионные группы, преформировывались отряды партизан. Гузеев уже ждал меня, и мы горячо принялись за дело. Часть орелелцев находилась еще на излечении в госпитале, несколько человек были откомандированы в армию. Сазанов, Васильев, Ваинов, Бухов, Володченко и Болоснев получили отпуск и уехали к семьям. Так что из старого состава отряда в новый отряд было включено лишь восемнадцать брйцов, в их числе Михеев, Голыцын, Фишер, Ефимов, Саменов, Мишин — верные мои боевые товарищи. Пополнили отряд красноармейцами, возвратившимися из госпиталей и давшимися согласие сражаться с врагом в рядах партизан.

К вечеру 30 декабря мы были готовы к броску через льнную фронта. Уходили хорошо вооруженными: у каждого новенький автомат ППШ, гранаты, по одной противотанковой и по пяти противопехотных мми. И экипировал нас отлично: валенки, полушубки, шапки-ушанки, маскировочные халаты. Продовольствия выдавали по фронтовым нормам на десять суток. Захватили мы и то, что в тылу врага ценилось не меньше, чем взрывчатка, — газеты и листовки. У каждого было десяток газет

и пачка листовок, рассказывающих о разгроме фашистов под Москвой и о взятии советскими войсками Тихвина.

Задача перед отрядом стояла обычная и в то же время сложная. Мы должны были пробраться в Ординский район, не вступая по пути в бой с гитлеровцами и по возможности минирова дороги. На месте надлежало установить связь с подпольщиками, начать диверсии на коммуникациях, вести политическую работу среди населения. Особое место в боевой деятельности отводилось разведке. Такие задачи в те дни получали почти все партизанские отряды, перебрасываемые во вражеский тыл. Сложность заключалась в том, что нашему отряду предстояло действовать в местах, густо насыщенных фашистскими войсками. Накануне Нового года концентрация их в прифронтовой полосе Волховского фронта была максимальной.

Перед новым выходом в тыл врага провели открытое партийное собрание. В отряде было одиннадцать коммунистов и восемь комсомольцев. Я коротко рассказал о задачах отряда. Секретарем партийной организации выбрали Ивана Алексеевича Михеева.

Утром последнего декабрьского дня нас на машинах доставили в район железнодорожного разъезда Жарок. Линия фронта проходила по ветке Мга—Кириши. У переднего края шли ожесточенные бои. Гитлеровцы занимали выгодный рубеж. Они зарылись в железнодорожную насыпь, построили в ней дзоты, оборудовали пулеметные гнезда, ячейки для автоматчиков. Наши войска располагались в болоте Соколий мох.

Километра за два от передовой линии остановились. Дальше ехать нельзя. Кругом все зарыто воронками. Мы высадились из машин и пошли разыскивать команд-

ный пункт полка. На одной из тропинок встретили капитана. Он простуженным, хриплым голосом спросил:

— Кто там?

— Я молча предъявил документ, в котором начальник оперативной группы Гузев просил командование полка оказать нашему отряду содействие в переходе линии фронта.

— Это по моей части,— прочитав документ, сказал капитан,— я начальник разведки полка. Только не знаю, удастся ли вам здесь преодолеть линию фронта. Видите, что творится. А поли тут всего лишь три дня. Оборона врага плохо разведана, да и...

Капитан не договорил. Начался артиллерийский обстрел. Мы укрылись в воронках. Снаряды падали правее метра в семидесяти от нас. Земля ходила ходуном.

Минут через двадцать обстрел кончился. Капитан дал нам провожатого и направил в разведгруппу батальона. Шел по тропинке, протоптанной в глубоком снегу. Открытые места преодолевали по-пластунски. Пришли на островок. Когда-то здесь был лес, сейчас — голое место. В глубокой воронке, накрытой накатником, размещались разведчики.

— Костя! Принимай гостей! — крикнул наш провожатый.

Из укрытия вылез крапивоный, маленького роста сержант с орденом Красной Звезды на фуфайке.

— Партизаны. Вот их командир, — указывая на меня, сказал провожатый. — Капитан приказал помочь им ночью переправиться за линию фронта.

Сержант подошел ко мне, поздоровался и предложил пойти в окоп. Мы сложили лыжи к макушке срубленной снарядом ели и направилась за сержантом.

Окоп был неглубоким, чуть выше пояса. Посредине широкая воронка. На дне ее мы и устроились. Подошло несколько красноармейцев. Узнав, что мы уже воевали в тылу врага, разведчики стали спрашивать:

— Кто из населения остался на оккупированной территории?

— Правда ли, что гитлеровцы партизан в плен не берут, а всех расстреливают?

— Часто ли приходится партизанам вести открытые бои?

— Где партизаны берут продукты и боеприпасы? Мы, как могли, отвечали.

Один из разведчиков вскинул за плечи вещевой мешок партизана Фляппова.

— Ничего себе. Килограммов тридцать будет. Так его и таскаете с собой?

— Не расстаюсь, как с любимой,— пошутил Коля Семенов.

Сержант подсел ко мне:

— Пусть ребята беседуют. А мы тем временем покумежем, как вам лучше перебраться через линию фронта. Давайте-ка вашу карту.

Я достал карту. Разостлал ее на коленях.

— Вот здесь, — отмечая место на карте, говорил сержант, — мы прошлой ночью переползали железнодорожное полотно, дальше двинулись метров четыреста вот этим кустарником. Дальше будет канва. Через нее не ходите. Напоретесь на немецкие батареи. Ползите по канве вправо с полкилометра. Там пойдет болото, поросшее маленькими сосенками. По болоту идите километра три строго на юго-запад. А дальше — по обстановке.

Я поблагодарил разведчика и поднялся. В это время в стороне что-то глухо ухнуло.

— Ложись! — крикнул сержант.

С визгом над нами пролетела мина. За ней другая, третья... Мины с треском разались совсем рядом. Нас засыпало землей, перемешанной со снегом. В ушах звенело. Казалось, вот-вот лопнут перепонки.

Обстрел кончился так же неожиданно, как и начался. Я поднял голову: живы ли ребята? Один за другим, страхуя с себя землю и снег, стали подниматься партизаны, разведчики. Все обошлось благополучно, но — о ужас! — там, где мы оставили лыжи, зияли воронки. От нашего предполагаемого транспорта остались одни щепки.

— Да, дела,— развел руками сержант.— Возвращаться придется.

— Нам возвращаться не положено,— упрямо буркнул Петр Ефимов.

Да. Нам действительно нельзя было возвращаться назад. Трудно сказать, как будет истолковано наше положение в спецгруппе. А главное, нас ведь ждут не ждут, оставшиеся в районе товарищи, да и Никитин при прощании прямо сказал: чем быстрее попадете в свои края, тем лучше. Выход оставался один — по глубокому снегу вперед.

— Доберемся, Иван Иванович,— тронул меня за плечо Михаил,— где ползком, где бочком, но дойдем.

Через двадцать минут мы уже подползали к насыпи железной дороги. Вылезли в снег. Прислушались. Впереди ничего подозрительного.

— Счастливо,— шепнул сержант.

— Спасибо,— ответил я и пополз на железнодорожное полотно.

Нам сопутствовала удача. Гитлеровцы не обнаружили нас ни на «смертном рубеже», ни тогда, когда большая группа солдат прошла почти рядом с канавой, в которой мы лежали, ни в перелеске, буквально иншезшем

солдатной. Привал сделали в густом еловом лесу. От нас заил пар.

— Кажется, пронесло,— тяжело вздохнув, в полный голос сказал кто-то из партизан-новичков.

— Тсс,— шикнуло на него сразу несколько человек.

— Нужно быть предельно осторожными, товарищи,— обратился я к сгрудившимся бойцам,— мы, к сожалению, оставляем за собой такой след, что не заметить его весьма трудно. А по следу лыжники-автоматчики нас быстро настигнут.

— И перестреляют, как куропаток,— добавил Ефимов.

— Ну, положим стрелять и мы умеем,— положила руку на автомат Филиппов.

— Не горячитесь, Филиппов,— поддержал командира разведки Михеев,— от переднего края мы отползли километра три, не больше. Фрицев тут что гороха в поле. Пробриться нам не дадут.

Мысль об оставляемых следах мучила меня до тех пор, пока посланные после привала вперед разведчики не обнаружили широкую ледяную дорогу. Двигаться по ней было очень рискованно, но использовать для маскировки следовало. Заминировав противопехотными минами тропу, проложенную нами в глубоком снегу, мы выбрались на дорогу.

Прошагали около километра. Впереди шли старые партизаны — опытные разведчики Петр Ефимов, Николай Семенов, Федор Стрельченко. В арьергарде отряда находился наш оредажский чекист И. Ф. Кузнецов. Четыре раза светящиеся фары вражеских машин предупреждали нас об опасности. Четыре раза вдавливались мы в сугробы, названные при расчистке дороги. Больше испытывать судьбу я не решился и приказал всем покинуть ледяной путь, кроме небольшой группы во главе с бывшим армейским сапером Терещенко. Она

ушла вперед и приготовила новогодние сюрпризы гитлеровцам — заложила противотанковые мины на дороге.

В полночь началась снежная крутоверть. Снег колот лицо, слепил глаза, набивался за воротник. А мы радовались — наши следы быстро заметало.

В три часа ночи я остановил отряд. Под могучими елями затылала небольшие бездымные костры. Было разрешено на двоих открыть банку консервов и налить по черке. В глухом лесу прозвучал традиционный тост:

— С Новым годом, товарищи!

Вместо обычного «С новым счастьем!» я добавил:

— За нашу грядущую победу!

Все поднялось... В отсвете костров искрились снежинки метели.

ТАКИХ НЕ СЛОМТЫ

Каким длинным может быть и не очень дальний путь! Двасти километров мы шли почти месяц. Точнее сказать: не шли, а пробивались сквозь снежные занасы. Снег, ветер, ледянящий и ночью и утром. После 10 января нагрянула оттепель. Движение отряда еще более замедлилось.

«Зима снегом посылает, зима печку предлагает», — гласит русская пословица. Но в тот памятный январь долго мы не могли добраться до нашей «печки» — до своих старых баз. Конечно, попали бы мы туда довольно быстро, будь в распоряжении штаба партизанского движения специальные самолеты. Позже они появились, и многие партизанские формирования перебрасывались в тыл врага воздушным путем. А тогда... тогда мы не роптали, понимая, что санатории и их машины нужны для более важных дел.

В пути, конечно, были и встречи. Разные. Недалеке от деревни Дроздово наши разведчики наткнулись на группу женщин и подростков, валявших лес. Пять гитлеровцев с карабинами в руках прохаживались по лес-

ной дороге и покрикивали на работавших. Один из фашистов ударил прикладом в спину девушку-подростка, которая не смогла поднять конец бревна.

— Товарищ командир, — буквально умолял меня Ефимов, — разрешите мы без выстрела снимем охрану. А того, мордыстого, что был девочку, собственными руками задушю.

— Нельзя, Петь, — с горечью отвечал я, — нам еще рано обнаруживать себя.

На берегу реки Тигоды наши разведчики заметили какие-то сооружения. Приказал разведать поточнее. Когда мы двинулись в декабре в сторону Ленинграда, там ничего не было. Вернувшись, Ефимов и Семенов доложили:

— Берег изрыт ходами сообщения. Лежат груды камней, бревна. Есть готовые срубы.

— Не иначе как дополнительную линию обороны возводят, — предположил Михаил.

— Пожалуй, ты прав, — согласился я и принялся за составление радиогаммы в штаб партизанского движения. Сведения представлялись мне ценными.

Октябрьскую железную дорогу переходили недалеко от станции Трубников Бор. Магистраль охранялась усиленно, но мы очень осторожно проползли под мостиком вблизи дзота. Когда добрались до леса, то обнаружили — нет разведчика Филиппова и минера Терещенко. Только хотел послать на их розыски Ефимова, как посылавались осторожные шаги и показались вблизи задержки.

— Что случилось? — спрашиваю строго.

— Просим прощения, товарищ командир, — ответил Филиппов, — мы на свой риск и страх решили маненько помусорить протнзопехотными у дзота и на тропке к мостуку.

Сгоряча хотел было выругать их за самовольство, но мелькнула мысль: «Сам-то не догадался. А это „маненько“ не одного гитлеровца на тот свет спроведти. Пришлось сменить тон, похвалить:

— Молодцы. Только в другой раз маненько докладывать о задуманном следует.

— Ясно, товарищ командир,— одновременно ответили минер и разведчик.

Как-то под вечер, когда у нас иссякли последние силы, на берегу ручейка, у самого леса, увидели одинокий домик. Разведчики установили, что к домику нет ни одного следа, лесная дорожка замечена глубоким снегом. Решили зайти. Заминировав свою тропу, подошли к домику. Постучали в окно—ни звука. Стали стучать в дверь, она заперта изнутри—значит, в домике есть кто-то живой.

Командир группы Фишер ударил в дверь плечом, и она распахнулась. В сенцах стояла старушка и с испугом смотрела на нас.

— Не пугайтесь, бабуся. Мы вас не обидим,— поспешил я успокоить старушку.— Скажите, кто еще есть в домике?

— Одна я, сынок. Был старик, да месяц назад ушел в Любань и не вернулся. Жив ли, нет ли—не знаю.

— Фашисты наведываются?—спросил Михеев.

— Были как-то по глухой осени. Поезд, что ли, на дороге опрокинулся. Так они по лесу кого-то искали. Хотели наш домик спалить, да бог миловал.

В домике была одна лишь комната, посередине плита со щитом. В тепле быстро разморзло, клонило ко сну. Старушка сидела на кровати и печальными глазами смотрела на нас. Помолчав немного, сказала:

— Сварили бы картошки. Голодные, чай.

— А она у вас есть?—подняли головы сразу несколько человек.

— Есть в подполе. Возьмите и сварите.

Через час чугунок и два ведра с горячей картошкой стояли перед нами. А еще через пятнадцать минут посуда была чиста. И шелухи не осталось.

Когда все задремали, хозяйка тронула меня за плечо:

— Мил человек, ты в командирях ходишь-то?

— Я, бабушка.

— Издалека-то, чай, пробираетесь?

— Из Ленинграда.

— А говорил, немец там.

— Не бывать ему там никогда.

Старуха потянула меня за рукав:

— Пойдем-ка, мил человек.

— Куда, бабушка?

— В сенях у меня две овцы. Все, что осталось от хозяйства нашего с дедом. Прирежь одну овечку-то. Голодны люди-то твои. Пойдем.

Редкий человек, кроме русского, может быть в лизую годину таким хлебосольным. Нет, как ни нужно нам было мясо в ту зимнюю ночь, взять последнее мы не могли...

Уже почти в конце нашего похода мы понесли тяжелую утрату — погиб ветеран отряда наш славный разведчик Петр Ефимов. Случилось это у деревни Залесье Тосненского района. Была полночь. Только недавно стихнул снегопад. Шли на пределе последних сил. Особенно плохо себя чувствовал молодой партизан — ленинградский паренек Боря Бугусов. Он едва передвигал ноги, часто падал. Толя Голыцын, как мог, помогал ему, на привале отдал последний сухарь... Надо было обязательно достать хоть немного продуктов и дать людям отдохнуть.

Мы долго наблюдали за деревней с опушки леса. Не видно ни одного огонька, не слышно ни одного звука. Разведчики Ефимов и Стрельченко поползли через

пола. Их белые маскировочные халаты слились со снегом. Как я ни напрягал зрение, а заметить разведчиков не мог. Но вот метрах в тридцати от первого строения из снега поднялся человек, и сразу же по нему полосула длинная автоматная очередь. Человек упал.

В деревне началась суматоха. Взлетели в небо осветительные ракеты. Автоматы и пулеметы били во все стороны. Прибежал Стрельченко и на ходу крикнул:

— В деревне полно немцев. Ефимов убит.

Я дал команду отходить. Принять бой мы были не в состоянии.

Углубились в лес, без передышки шли километра три. Боря Бутусов выбился из сил окончательно. Его приходилось вести под руки, а иногда и нести на себе. Он просил слабым голосом:

— Бросьте меня или пристрелите. Я погублю весь отряд.

На наше счастье, вскоре стали попадаться следы, затем пеньки и верхушки свежесрубленных деревьев. Началась просека. Она привела нас на хорошо накатанную лесную дорогу. Пошли по ней. За поворотом натолкнулись на дровни, груженные бревнами. Рядом лежала мертвая лошадь. Я не успел сообразить, что с ней делать, как пошли в зад финские ножи. Через десять минут на снегу остались хвост да копыта. Все остальное было в вещевых мешках партизан.

Часа за два до рассвета, запутав следы, мы одиночке свернули с дороги. Прошли километра три и остановились на отдых. Пока было темно, жгли костры, варили и ели конину. Я не находил себе места. Из головы не выходила гибель Ефимова. До слез было обидно, что опытный партизан-разведчик допустил такую оплошность. Видно, его подавила тишина. Была она недоброй...

Сколько раз ему приходилось пробираться в расположение вражеских гарнизонов, попадать в переплеты,

смотреть смерти в глаза, и всегда он выходил невредимым. Вспомнилось, как-то по осени пошли мы с ним на связь в деревню Савины Поляны. По огородам добрались до нужной избы. Петр зашел во двор, затем в сени, а когда открыл дверь в хату, там оказалось человек десять фашистских солдат. Не успели гитлеровцы опомниться, как в них полетела граната. Неходчивость Ефимова спасла нас тогда от верной гибели.

Все в отряде очень переживали гибель Петра Ивановича. А тут нас постигло новое несчастье. Умер Боря Бутусов. Умер тихо, словно уснул на еловых ветках под деревом. Схоронили паренька и, не дожидаясь темноты, двинулись дальше, оставив безымянную свежую могилку в лесу, как заставу на пройденном пути. Все больше и больше становилось их на партизанских тропах. Это были верные заставы, зовущие к борьбе не на жизнь, а на смерть с ненавистным врагом.

В ночь на 30 января мы наконец добрались до своей базы. После отдыха взялись за восстановление жилья, разрушенного карателями, а спустя двое суток начали поиск подпольщиков и партизан нашего отряда, оставшихся в районе.

Первым, к кому наведались наши посланцы, был лесник Федор Агеев. Дома Агеева они не застали, но его новостка Клавдия принесла мешок картофеля и обещала сразу же сообщить свекру о нашем возвращении. Позже с помощью Агеева и старосты деревни Ольховоец Федорова мы основательно разжились продуктами и достали «транспорт» — четыре пары лыж.

Из партизан, оставшихся в районе, первым нашел нас парторг Чащинского лесопункта Иван Петрович Наточнев. Рассказ его не порадовал: судьба многих наших товарищей неизвестна, обстановка в деревнях очень тяжелая — повсюду войска, требования оккупантов растут, как снежный ком, кое у кого крепнет

подлая уверенность в безнаказанности тех, кто пошел на службу к гитлеровцам.

— В общем пришли вовремя,— закончил он свое неспешное повествование.

Да, поторопиться следовало. Вести из Ленинграда и фронтовые новости нужно было как можно быстрее сделать достоянием населения. Правда—ведь она для людей, томившихся под гнетом оккупации, как глоток кислорода больному. С этими мыслями я заснул, а чуть свет отправил под командованием Фишера на задание двенадцать бойцов—самых выносливых. От Агеева мы узнали, что от Вырицы, вдоль реки Оредеж, фашисты перебрасывают куда-то свои войска на машинах. Вот и решено было «помусорить» минами на их пути.

В следующую ночь землянку покинули еще трое—Семенов, Кузнецов и я. Пошли на связь с подпольной группой Анн Семеновской. Контакт с нею думал установить через лесника Петра Берзина. Ближе я его не знал, но от Бухова слышал о нем много хорошего.

Ночь выдалась ясная, спокойная. Мы быстро скользили на лыжах и к утру были на месте. Домик Берзина находился километрах в пяти-шести от поселка Торковичи. Лес подступал почти к самому крыльцу. Мы порядочно продрогли, ожидая в укрытии, пока кто-либо выйдет из дома. Заходить было нельзя. В помещении могли ночевать гитлеровцы, да и злой глаз, неровен час, мог подсмотреть приход людей из леса—за это фашисты хозяева не помилуются бы.

Но вот над крышей появились вилки дыма.

— Печь затоплена—значит, дом не пустой,— прошептал Коля Семенов.

— А вот, очевидно, и хозяин,—предположил Кузнецов, показывая на вышедшего из дома мужчину с ведром в руке.

Да, это был Берзинь, и я негромко окликнул его. Он повернулся в мою сторону и долго смотрел на нас. Затем поставил ведро, быстро зашагал нам навстречу. Взаволнованно спросил:

— Кажется, товарищ Исаков?

— Он самый.

— Откуда?

— Из лесу вестимо,— ответил я некресовскими стихами.

— Что ж мы стоим на морозе. Заходите в избу.

— В избу рискованно для вас. Пошли в лес,— предложил я,— там и потолкуем.

Отойдя от дома метров на двести, мы сели на поваленное ветром дерево. Рядом с огромной ели свисали анушительные стеклянные «гвозди» — сосульки. Берзинь все еще удивленно поглядывал на нас. Я спросил:

— Ну, как жилось тут?

— Замордовали всех честных людей каратели. Разъезжают на автоходах: грабят, насилуют, жгут,— начал Берзинь, нзредна прерывая рассказ паузами.— Злобствуют и зверствуют все — и жандармы из полевой полиции, и гестаповцы, и военные с крылатой эмблемой на груди. Вышел вечером на улицу — пуля. Пошел в соседнюю деревню без разрешения — расстрел. Месяц назад эта рыская бестия — Брунс — собрал всех лесников: так мол и так, русские мужики, лес теперь принадлежит фюреру. Всякая самовольная порубка — подрыв мощи войска фюрера. Значит, за нее полагается наказание и порубщику, и леснику. И еще наказал наблюдать за следами и доносить в комендатуру, считае всякий ложный след партизанским.

— Есть такна, кто доносит? — прервал Берзиня наш чекист Кузнецов.

— Среди нашего брата лесников такого дерьма не водится.— Берзинь встал.— Лес чистоту любит, и, кто

ему служит, того к правде первоизданной сызмальства приучает. Не может быть настоящий лесник предателем. Не может!

По рассказам Бухова, человек немногословный и спокойный, Берзнь говорил в этот раз и много и горячо. Слушал я его и невольно вспоминал и сопоставлял с другим партизанским помощником, тоже латышом, Карлом Жуббе. И дело, конечно, было здесь не в первоизданной лесной чистоте и правде, а в той большой правде, что пострадали, добыли в огне революции и зацедили на полях гражданской войны их старшие братья — латышские стрелки — верные солдаты Великого Октября. Если и были у меня кое-какие сомнения в отношении нашего собеседника, то сейчас они исчезли, и я начал разговор о деле, ради которого мы пришли:

— Помогите нам, товарищ Берзнь, с одним человеком связаться. Надо для этого вам в Торковичи ехать. Трудно это?

— Не очень. Я два раза в неделю дрова в поселок старшине доставляю. Вот и сегодня после завтрака собирался туда поехать. Скажу новоявленному пану: дескать, можно еще воз-другой доставить кому признаете, хорошо бы только в помощь мне кого-либо выдвинуть. А кого, вы сейчас подскажите.

Я усмехнулся:

— Раз так, то берите в дровосеки Анну Семенову. Знаете ее?

— Такую дичину грех не знать, — усмехнулся в свою очередь Берзнь, — не сомневайтесь — доставлю.

— Тогда за дело...

План удался. Вечером Семенова в домике Берзнии обнимала нас:

— Живы! Живы! Ой как это хорошо! Живы!

Все сели за стол. Берзнь зажег коптилку. Жена его

завесила половниками окна. Я вынул газету «Правда», протянул Ане:

— Читай вслух. Хотя и месячной давности номер, но в нем и про разгром фашистов под Москвой, и о Ленинграде статья. Остальное доскажем.

Руки у Семеновой дрожали, когда она развернула газету. На страницу капнули слезы. Вытирала кончиками головного платка глаза и хозяйка дома.

— Ой, что же я,— радостно улыбаясь, проговорила Аня и начала вслух читать.

Газету прочли всю, до единой заметки. Окончив чтение, Семенова опять всплакнула и, словно извиняясь за слезы, сказала:

— Это все от радости, товарищи. Тут без вас, как тяжело мне ни приходилось, в ни одной слезинки не проронила. Вчера у меня весь ад в душе был. А сегодня такая радость!

— А я так, право, на десяток лет помолодел,— проговорил Берзинь, и в голосе нашего хозяина действительно слышались звонкие нотки.

В домике Берзиня мы пробыли до полуночи. С Семеновой условились о «почтовых ящиках», паролях. Главные направления деятельности для подпольной группы оставалось прежними — вести политическую работу в поселке и в окрестных деревнях. Аня я передал несколько экземпляров газет, пачку листовок. От нас получили интересные разведанные о переброске фашистских войск в сторону Любани. Теперь такие сведения мы могли оперативно передать по радио в штаб партизанского движения.

Поблагодарив хозяев и распрощавшись с ними и Семеновой, мы отправились в отряд. Реку Оредеж и шоссе на Любень пересекли без лыж. Шли глубоким снегом, запутывая следы. В урочище Хинювинский мох, в густом ельнике на одном из островков расположились

на отдых. Дежурили по очереди на лыжне, матрах в ста-
от стоянки.

В конце моего дежурства хлопьями повалил снег. Вдруг за моей спиной послышался шорох. Я оглянулся. Никого. Подумал — наверно, шишка с ели упала или зверек какой пробежал. Устроился поудобней. Но сидеть под елкой не могу. Все время кажется, что кто-то наблюдает за мной. Затаил дыхание. Осмотрелся. Никого. Что за чертовщина? Но вот мне на смену пришел Кузнецов. И в это время раздался голос:

— Товарищ командир.

Мы с Кузнецовым обернулись. Матрахи в пятнадцать от нас, прижавшись к стволу толстой ели, стоял человек. Я напряг зрение и узнал нашего партизана Анатолия Дмитриева.

— Толя! — закричал я от радости.

Мы бросились друг к другу. Обнимались, волтузили друг друга кулаками. На шум прибежал Семенов. И тоже, забыв об осторожности, крикнул:

— Толька! Дружце! Откуда ты взялся?

— А я за вами давно наблюдаю. Иду, значит, потихонечку. Вдруг что-то мелькнуло между деревьями, я притаялся. Всмотриваюсь. Идут трое. Все в белых халатах, с автоматами. Каратели! Но они такими маленькими группами в лес не ходят. Кто-то из наших? Но почему в белых халатах и у одного на шее немецкий автомат? Крадучись, пошел за вами. Смотрю — остановились. Запахло дымком. Не партизан похоже. Подойти боюсь. Решил понаблюдать. Так и стоял прислонившись к ели. А когда вы встали, повернулись ко мне лицом, я сразу узнал вас, Иван Иванович.

— Пойдем к костру, — пригласил я Анатолия.

— А может, лучше в нашу землянку? Это недалеко, километра два отсюда. Мы там с Алексеем Самсоновым обитаем, — предложил Дмитриев.

И. М. Исаяев.

Д. М. Сидоров.

А. А. Володченко.

А. Г. Вохлов.

А. Н. Бухов.

М. Г. Болонев.

А. П. Самонова.

Н. Н. Филер.

Александр Бородин.

Тамара Трофимова.

Алексей Соколов.

Николай Семенов.

Татьяна Яковлева.

Галина Комлева.

Нина Горчанова.

Екатерина Богданова.

Сусанна Яковлева.

Документ не имеет юридической силы

ВСЕСОЮЗНАЯ КОМУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков)
ОРЕДЕЖСКИЙ РАЙОННЫЙ КОМИТЕТ

Ленинградская организация

От Ордежа Ленинградский м. д. дом Советов

94, 95, 100 до 108

Телефоны 128, 133, 137, 179

№ _____

15. Август 1917 г.

№ 88

Удостоверение

Выдано настоящим удостоверением
Исакову Ивану Ивановичу в том что является
вторым секретарем Ордежского Райкома ВКП(б)
и с 1917 года является членом политбюро райкома.
Это и удостоверяется

Секретарь Ордежского
Райкома ВКП(б) Сидорова-Исакова

Удостоверение И. И. Исакова.

Командование 5-й партизанской бригады. Слева направо: И. И. Сергунин,
К. Д. Каримов, И. И. Мухомов.

Это судно носит имя Святи Бородинна.

— С Алексеем Ивановичем! Замечательно! — воскликнул я. — Пошли.

Я шел за Дмитриевым, едва переставляя ноги. Невиделась какая-то тяжесть. Казалось, вот-вот усну на ходу: это всегда так бывает, когда спадет нервное напряжение. Да и не спали мы уже двое суток.

У высокого дерева, окруженного сплошным мелким ельником, Дмитриев остановился. «Где же землянка?» — подумалось мне. Дмитриев разденул ветки ельника и крикнул:

— Алексей, смотри, кого я привел!

Самсонов появился словно из-под земли... Щедрыми не добрыми, радостными встречами были для нас те февральские сутки. Даже не верилось в такую удачу... Землянке нашей товарищей была маленькой. Мы еле разместились в ней алякатором, но усталость, как известно, лучшая подушка, да и сон в землянке имелось много — уснули все моментально.

Пробудился я под вечер. Не сразу сообразил, где нахожусь. Ощупью отыскал дверь и вышел на воздух. Ребята сидели на пеньках. Самсонов и Дмитриев читали оставшийся у нас номер «Правды». Я присел к ним и попросил рассказать про жизнь в наше отсутствие.

— Тяжело рассказывать, товарищ командир, — тихо произнес Анатолий, — всех у меня подчистую фашист уничтожил: отца, мать, сестру. Брат Коста погиб в бою, остались вдвоем мы с младшим братишкой Васей. Вдвоем мы с ним теперь за все в ответе. Так и договорились: ничего не забудем, ничего не простим...

Когда Дмитриев немного успокоился, я спросил, что известно ему о других наших товарищах. Горькие были ответы. Погибли Александр и Тимофей Лебедевы. Домá их каратели сожгли, а семью расстреляли. Погиб Михаил Богданов, жене его Павле Ивановне Костыговой

чудом удалось спастись. Расстрелян бывший председа-
тель колхоза «Заря коммуны» Самсонов. Погибли и
Роман Васильевич Филиппов и Степан Васильевич Ва-
сильев.

— А Александров? — выразилось у меня, когда я ус-
лышал этот страшный перечень.

— Петр Алексеевич жив, — ответил Самсонов. —
Связь с ним поддерживаем. Встречаемся и с Михаилом
Ивановичем Павловым.

На душе намного полегчало, но я боялся задать еще
один вопрос. Когда осенью на нашу базу напали карате-
лки и мы покинули ее, с задания еще не вернулась од-
на из самых боевых наших групп, а именно группа Вла-
димира Ивановича Турилена. В нее входили Сахаров,
Мезис и Трофимов. Какова ее судьба?

— Бода случилась и с ребятами из группы Туриле-
на, — будто угадав мой немой вопрос, продолжил рас-
сказ Самсонов. — После долгих скитаний по разгром-
ленным базам они пошли на хутор Липовый. Видимо,
окончательно выбились из сил — заснули в бане, не вы-
ставив охраны. Схватили их гитлеровцы спланин. Из-
били, связали руки и повезли в Ордеж. В дороге Та-
мара сумела распутать веревки и свои и ребят. Броси-
лись бежать. Удалось скрыться лишь Леше Сахарову.
Турилен и Мезис были убиты наповал. Тамару связали
и отвезли в тюрьму.

— Дальше? — с нетерпением спросил я.

— Больше об их судьбе ничего неизвестно. Лешка,
быть может, где-либо скрывается, коль не замерз тог-
да сразу. А Тамара, — Самсонов горестно махнул ру-
кой, — известно, что с нашими товарищами делают
в тюрьме гестаповцы. Ну, а пощады Тамара не попросит. Это точно.

Да, Алексей Самсонов был прав. Любимица нашего
отряда Тамара Трофимова приняла смерть с гордо

поднятой головой, не порадовала палачей мольбой о пощаде.

Более точные сведения о ее судьбе удалось узнать лишь после войны из рассказа жительницы поселка Ордеж Надежды Владимировны Григорьевой. Муж сестры Григорьевой был партизан. Это послужило поводом к аресту Надежды Владимировны. Ей довелось сидеть в одной камере с Танерой. Рассказ Григорьевой я привожу полностью, как он был записан при первой встрече с ней, не убавляя и не прибавляя ни одного слова. Надежда Владимировна тогда рассказала:

— Меня арестовали в конце декабря 1941 года. После допроса посадили в тюрьму, которая находилась тогда в бывшем Доме культуры. В камере было шесть человек. Я не спала и тихонько плакала.

Среди ночи отырвалась дверь камеры. Я подумала: кого-то поведут на допрос. Но в камеру бросили человека, и дверь захлопнулась. Через некоторое время послышались стоны. Я сползла с нар. Тихонько подошла и помогла новому мученику подняться на нары. Вскоре стоны затихли. Умер, наверное, подумалось мне. Приложила ухо к стене — дышит.

Когда в камере посветлело, мы увидели, что на нарах лежит девушка. На нее страшно было смотреть: лицо все в кровоподтеках, глаза совершенно заплаканы, губы разбиты, волосы смоклись от крови.

Мне ее так стало жалко, и я вспомнила, что, когда была еще девочкой, к нам во двор залетела ласточка — на нее напал коршун. Ласточка, как и эта девушка, лежала истерзанная, вся в крови и, склонив голову набок, смотрела на меня одним глазом.

Мы стояли около девушки, но ничем помочь не могли. Я только сказала: «Ласточка ты моя!» — и тихонько поцеловала. Потом мы узнали, что эта девушка была не робкой ласточкой, а гордой соколницей.

Днем в камеру пришел фашист. Принес бачку вонючей похлебки и по маленькому кусочку хлеба. Поставил на нары и ушел. Мы были голодные, но есть не стали. Сидели на нарах и тихо переговаривались. Смотрим, девушка зашевелилась, встала, держась за нары, подошла к бачку и говорит твердым голосом: «Вы что, решили живыми ложиться в могилу на радость фашистам? Нет, меня так скоро не сломают. Я еще буду бороться. А для борьбы нужна сила. Садитесь есть».

Всем нам от этих слов стало легче. Когда подли, я подошла к девушке и спросила: «Родная, скажи, кто ты? Откуда? Не бойся меня».

«Мне вас бояться нечего, — ответила девушка. — Меня все равно расстреляют или повесят фашисты. Правда всего, я советский человек. Зовут меня Тамара. Комсомолка. Партизанка. Дочь паровозного машиниста, коммуниста Василия Андреевича Трофимова. Жизлой положить себя в могилу не дам».

Трое суток нас не беспокоили. За это время мы Тамару очень полюбили. Она нас всячески утешала. Говорила, что, как бы ни зверствовали фашисты, советский народ все равно победит. На четвертый день вечером пришел солдат с автоматом и на ломаном русском языке говорит: «Молодой партизан пойдем, господин комендант требует».

У меня сердце так и зануло. Все мы знали коменданта Брунса, этого изверга. Он начинает допрос ласково, предлагает есть, угостит чем-нибудь, а у самого взгляд зеленый, змеиный. Если кто ничего не знает или не отвечает, тогда его лицо покраснеет, белесые ресницы заморгают, он вскакивает из-за стола, хватая свою платку и начинает избивать свою жертву. Бьет, бьет, потом улыбнется: извините, мол, нервы не выдержали. И так повторяется несколько раз.

Ну, думаю, убьет изверг Тamarочку. Сидим на нарах прижавшись друг к другу, ждем. Слышим шаги, открылась дверь. Кто-то вошел. Смотрим, Тамара. Мы бросились к ней. Спрашиваем: «Очень били?»

«Хуже,— отвечает она.— Эта римская падедь предложила мне работать на фашистов, выдавать своих товарищей, предавать советских людей и за предательство обещает веселую, обеспеченную жизнь. Нет, я этой падеди еще покажу, что значит комсомолец, советский человек».

Сию я на нарах, потихоньку плану и думаю: «Сколько же сил, мужества, сколько добра в душе этой девушки, каков у нее гордый, горячее сердце. И все это погибнет вместе с ней».

В следующую ночь Тамару снова вызвали на допрос. А под утро принесли и бросили в камеру. Господи, на что она была похожа. Тело — сплошная рана. Одежда с головы до ног мокрая. Почти две недели Тамару мучили каждую ночь.

Затем нас перевозили в Лугу, в тюрьму. В лужской тюрьме Тамара заболела, и ее куда-то отправили, а через полтора месяца опять привели в нашу камеру. Однажды вернулась она с очародного допроса, села на нары и говорит: «Утром меня расстреляют».

«Доченька, может, еще жива останешься», — утешала я. «Нет. Это все», — отвечает. Посидела немного склонив голову, обняла меня и говорит: «Тети Нада, мне-то ведь всего семнадцать лет. Ох, как тяжело расставаться с жизнью. Да и сделала я мало для Родины».

Утром за ней пришли. В коридоре она громко крикнула: «Прощайте, товарищи! Мужайтесь! Победа будет за нашим народом!» Голос оборвался. Видимо, чем-то ударили ее сильно. На другой день для утешения узников в общих камерах тюремщики вывесили список

расстрелянных. Первой стояла фамилия Тамары — «Трофимова, партизанка».

Все это мы узнали после, а тогда, слушая рассказ Самсонова, вспомнился мне наш первый поход с Тамарой, ее слова: «Победил Гитлера, и тотчас же в Ленинград. И только в кораблестроительный...» Не сбылась девичья мечта. И любовь Тамары и Леша, настоящее большое чувство, оборвала фашистская пуля. До последней секунды жизни остались они верны Родине.

На фронте красноармейцы, партизаны в тылу врага ежедневно, ежедневно в тяжелых боях и походах проявляли верность родной Советской власти, нашим коммунистическим идеалам. Но были в жесточайшей борьбе с фашизмом такие дни, часы и минуты, когда от советского человека требовалась особая верность. Такой верностью и были отмечены последние дни жизни Тамары Трофимовой и других наших товарищей, одержавших моральную победу над врагом в фашистских застенках.

Трагически сложилась и судьба Леша Сахарова. Обмороженный, с воспалением легких, переступил он порог избы Гавриловых в деревне Коростынь. Гавриловы — муж и жена — не знали Сахарова, но в приюте не только не отказали, а надежно спрятали юношу и выжидали, спасли от смерти.

К лету 1942 года Леша поправился (это нам стало известно позже) и стал готовиться к уходу в лес. Полюбовился он Гавриловым, усыновить его хотели, уговаривали: «Не торопись, окрепни». Но Леша торопился разыскать боевых друзей. И тут как раз в деревне появились провокаторы из ГФП-520, выдавали они себя за партизан. Сахаров открылся, был арестован и расстрелян за околицей деревни. А через два дня в Коростынь нагрянули гитлеровцы и прямым к дому Гавриловых. Автоматная очередь, и еще две жертвы по-

полним список злодеяний оккупантов на орадежской земле...

В сумерки, теперь уже влѣтаром, мы покинули «зимнюю дачу Самсонова», как в шутку называл земледельку-нору Толя Дмитриев, и несколько часов молча шагали по темному бору. Показался он мне каким-то неудобным. То и дело я наткнулся на пни и сучья сваленных деревьев. Но вот Самсонов остановился и три раза прокричал по-совиному. Вскоре с опушки леса раздался ответный крик совы, а еще минут через десять мы обнимались с Василием Ивановичем Михайловым, бывшим председателем колхоза «Красный боец». После обычных при радостной встрече приветствий я спросил Михайлова:

— Ну, как вы тут?

— Держимся дружно, Иван Иванович. По нашим советским законам жить стараемся. Тяжело, конечно. А тут еще как назовет кто «господина староста», так словно ножом по сердцу полоснет.

Да, нелегкий крест нести выпало на долю этому человеку. Староста деревни — доверенное лицо оккупантов. Руководитель подполья — уполномоченный районного комитета партии большевиков. Он стоял перед нами коренастый, плотный. Ему было лет сорок пять. Однако морщины, что залегли под глазами и двумя длинными бороздами пересекали худощавые щеки, делали его намного старше. Во всей его фигуре чувствовалась сила, уверенность.

— Однако чего мы стоим, — заторопился Василий Иванович. — Вся наша группа собралась в доме Михаила Клементьева. Пойдемте.

— А не подведете себя?

— Фашистов поблизости нет. На своих деревенских надеюсь. От Хижовина и Ям-Тасова выставлены наблюдатели: в случае чего дадут знать.

Деревня Курское стоит в стороне от провозных дорог, лес подходит к постройкам почти вплотную. Я согласился с предложением Михайлова.

В просторной хате было тепло. Окна завешены. На столе горела небольшая копилка. На лавках сидели подпольщики: Тимофей Дмитриев, Нина Горчанова, Коля Самсонов, Леша Романов, Коля Михайлов и хозяин дома Михаил Климентьев.

Когда улеглось волнение от встречи, я сообщил, что неделю назад мы возвратились из советского тыла. Рассказал все, что знал о событиях на фронтах, о Ленинграде, героических ленинградцах. Затем вынул газеты «Правда» и «Ленинградская правда». Они пошли по рукам. Их подолгу рассматривали, читали. Лица у всех посветлели. Посыпались вопросы.

Потом пришла очередь рассказывать подпольщикам. Начали самые молодые.

— Один раз дядя Вася послал нас с их Колькой на мельницу в Большая Куссни смолоть три мешка ржи,— рассказывал Коля Самсонов.— Нина Дмитриевна дала нам газету и штук пятнадцать листовок. На мельнице было много народу. Я незаметно положил газету у входа, ее поднял какой-то мужик. Удаленно посмотрел на газету да как закричит: «Газета! Наша, советская!». Все, кто был на мельнице, бросились к нему. Начали вырывать газету из рук. Потом стали читать. А мы с Колькой тем временем все листовки рассовали: кому в мешок с мукой, кому в сани, а кому и прямо в карман.

Другой раз поехали на мельницу в Надбелье. Там был какой-то немец. Он все ругался на мельника. Одной тетке я сунул листовку в мешок, когда она отвернулась. Тетка стала завязывать мешок, видит — бумажка. Стала читать, оглянулась кругом и быстро зарыла листовку в муку. Пока фашист ходил по мельнице и ру-

гался, Колька взял и наклеил листовку на спину коня, на котором немец приехал. Вот побесился гад этот. А нам досталось от дяди Васи. Конечно, поступили по-мальчишески, — серьезно, по-взрослому, злился Самсонов.

Подпольщики распространяли листовки в деревнях Ям-Тесово, Вязищи, Заполье, Хиновино, Каменные Поляны. Нина Горчанова с братом Валей ходили в разведку в Оредеж, Лугу, под Новгород.

Рассталось мы только под утро. Газеты, листовки и сводки Совинформбюро я передал Нине Горчановой. Василий Иванович позаботился о продуктах для отряда. Каждый из нас унес по пуд ржаной муки, кусок шпика и несколько головок лука.

В следующую ночь в бане деревни Стройно состоялась встреча с руководителями подпольных групп Александровым Иваном Александровичем и Кузьминным Федором Васильевичем. Их группы сохранились и продолжали борьбу, но потери были и здесь. В конце декабря погибла оставленная нами в помощь подпольщикам член райкома партии Павел Сергеевич Лесников, бывший председатель Бельского сельсовета Степанов, инспектор рейфа Николай Федорович Мертемянов.

— И горько то, — рассказывал Кузьмин, — что к смерти их причастен наш человек.

— Как так? — удивленно спросил я.

— Фашисты арестовали жену и двух дочерей Семенова. Увезли в Оредеж. Ими занялся, как передали нам, сам комендант. Брунжу удалось добиться от Семеновой признания, что она жена партизана, и уговорить ее позвать на мужа.

— И выпустили ее? — перебил рассказчика Кузнецов.

— Выпустили. Узнав об этом, Семенов покинул лес и вернулся в семью. Его некоторое время не трогали.

Ну, а потом ночью взяли, и Брунс поставил вопрос так: или всю семью и тебя расстреляем, или покажи, где укрываются товарищи твои.

— Невольно предал,— вырвалось у Самсонова.

— Невольного предательства не бывает,— зло бросил Дмитриев,— мог же он хоть попытаться семью в лес увести.

Дмитриев, конечно, был прав. Настоящий человек не покупает себе жизнь ценою крови товарищей. И действительно, в нашем крае были случаи, когда гитлеровцы с провокаторской целью выпускали арестованных родных и родственников партизан и им удавалось спастись. Так было с матерью Сашки Бородулина. Мария Федоровна здравствует и ныне. То же — с семьей Кузнецова. Андрей Александрович Кузнецов был ранен, не мог ходить. Жена спрятала его в сено и вывезла на телеге из-под самого носа агентов ГФП.

Заканчивая свой рассказ, Кузьмин сказал:

— А одним негодлем в Орадеже маньшю стало. У убитого Степанова нашли какую-то бумагу, подписанную бургомистром Савиным. Брунс приказал его арестовать и увести в Лугу.

Я промолчал. Не мог я тогда сказать товарищам о верной службе Советской власти учителя Савкина в стане врага. Теплилась надежда: а вдруг и ему удастся спастись.

Только на шестые сутки мы вернулись в отряд. С нами шли Анатолий Дмитриев, Михеил Павлов, Петр Алексеевич Александров. Для связи с подпольными группами остались Алексей Самсонов и Веса Дмитриев — младший брат Анатолия.

Погода была пасмурная, промозглая. Шли быстро. Под утро пересекли поля деревни Кремено. Дальше идти можно днем — сплошные леса. Решили отдохнуть. Забрались в чащу. Развели костер. На рассвете услы-

шли далекие глухие удары. Где-то к востоку за рекой Орадеж были пушки. Что это? Учебную стрельбу что ли фашисты затеяли?

Часа через четыре мы были в отряде. За наше отсутствие обстановка ослепнула. Во всех деревнях появились гитлеровцы — полевые войска. Даже в домике лесника Агеева полно фашистов. По дороге от станции Новинка к реке Орадеж большой движенье. Надо было бы ее минировать, но кончилась взрывчатка. Пока мы ходили на юг, группа Фишера дважды минировала дороги и подорвала четыре машины.

Я дал радиogramму начальнику партизанского штаба Никитину — сообщил разведанные, результаты наших диверсий и попросил прислать продукты, боеприпасы, взрывчатку. Получил ответ: «Ждите самолет сегодня ночью». В сторону реки Орадеж, откуда слышалась стрельба, выслал разведку.

Три ночи дежурили мы в указанном месте, а самолет все не появлялся — погода была нелетная. Не возвращались и наши разведчики. Положение отряда становилось критическим. Бойцы стали тузнуть от голода.

На четвертую ночь на каздроме с группой пошел я сам. Дежурили всю ночь. Но самолета спать не было. Утром возвращались усталые, в подавленном настроении. Только открыли дверь в землянку, как соскочили с нар наши разведчики Толя Голцын и Миша Борисов и, перебивая друг друга, закричали:

— Товарищ командир, Красная Армия пришла!

— Красная Армия?

— Ей-богу, она! — выпалнул возбужденно Голцын.

— Может, лучше честное комсомольское, чем божья? — уже поверив в сообщение, спросил, смеясь, я. — Все-таки комсомольский секретарь, а не бабка какашннбуть.

— Простите, Иван Иванович, — покраснел Толя.

— Ладно. Ради такого сообщения прощю. Докладывайте, где и как встретились с нашими.

Голицын рассказывал, что они с Борисовым в первую же ночь добрались до деревни Лисцово. На рассвете зашли в крайнюю хату. Хозяин сообщил, что на той стороне реки Орадеж все деревни освобождены советскими войсками, что и в Лисцово ждут дорогих гостей.

Узнав такую радостную весть, ребята решили отдохнуть. Попросили поевать. И только сели за стол, как в хату появились красноармейцы-разведчики. Они обезоружили наших партизан и отправили к начальству. Пока шла проверка, прошло три суток.

Через час мы уже были в пути, а к вечеру 15 февраля — в освобожденной деревне Абрамово. Шли по середине улицы, свободно, не таясь, а навстречу нам — красноармейцы. Одеты в полушубки, шапки-ушанки, на которых дороге сердцу красные звездочки.

Командир части распорядился освободить для нас два крайних дома. После трудных скитаний по лесам находиться среди своих было несказанно приятно. Впервые за долгое время мы спали не выставив часовых, без дум о завтрашнем дне. На душе было спокойно, словно отпустили внутри туго натянутую струну.

Р Я Д О М С Р О Д Н О Й А Р М И Е Й

Встреча с частями Красной Армии. Начало освобождения района от оккупации. Что могло быть радостнее в те дни, чем эти события! Утром 16 февраля я поспешил в штаб 98-го полка 13-й кавалерийской дивизии. Располагался он в деревне Глебово.

В избе кроме командира полка было еще три человека в военной форме. Один из них, по-видимому особист, предложил мне показать документы.

— Позднозато осторожничайте, — усмехнулся я, подавая удостоверение, в котором значилось, что предъявитель его является секретарем Среднежского райкома партии и командиром партизанского отряда, — уж ежели проверять, так нужно было это еще вчера сделать.

— Не обижайтесь, товарищ Исаков, — дружелюбно сказал командир полка, протягивая мне руку, — на войне бывают разные дороги, среди партизанских троп может и волчья пасть. А по времени действительно позднозато, вы, конечно, прелы. Давайте ближе знакомиться.

Знакомством остались довольны обе стороны. Мне рассказали о прорыве нашими войсками обороны противника на рубежах Волхова, о кровопролитных боях у Спасской Полксты и Масного Бора.

— Части нашего корпуса, — говорил комполка, — находятся в данный момент в пятнадцати километрах от Любани. Но наступление притормаживается. Горловина прорыва узкая. Снабжение затруднено. Острый недостаток ощущаем в боеприпасах.

— Так что в этом отношении, — добродушно начал начальник штаба полка, — помощники мы вам плохие. Патроны на подбросим.

— На нет и суда нет, — ответил я.

Поделившись с командованием полка данными о гарнизонах противника, я поехал в отряд. Всю дорогу из головы не выходила мысль о боеприпасах. И вдруг из каких-то далеких кладовых памяти всплыл эпизод времени сентября сорок первого года... Мы, человек десять, возвращались с деревни. Проходили мимо деревни Тараскино. Над нами повисло тяжелое небо — вот-вот разразится дождь. Николай Семенов, шедший впереди, обратил мое внимание на группу мальчишек, что-то несших из леса и небольшому оцепнику вблизи околицы деревни, и предложил:

— Посмотрим, товарищ командир, что они там прячут.

— Пошли.

Мальчишки были не одни. Командовал ими старик. Время здорово подсушило его лицо, но держался он бодро, покрикивал на своих «солдат», терпелив. А носили его подолечные... зинки с патронами. Складывали в оноп, а старик орудовал лопатой — зарывал их.

— Вот это да! — воскликнул Семенов.

— Молодцы! — похвалил и я.

Старик не без гордости ответил:

— А как же вы думали? Боеприпас-то наш, русский. Не врагу же его оставлять! Припрчем — авось и своим сойдется.

— Так ребята же проболтаются,— сказал кто-то из наших.

Мальчишки заговорили все враз:

— Да мы!

— Да я!

— Конечно не проболтаются,— прача улыбку, поправил товарища Николай,— тут военная тайна — они народ с понятком...

Вся эта картина промелькнула мгновенно передо мной. Мозг работал напряженно: Тараскино стоит на другом берегу реки Оредеж. Фашисты отошли к Виттебской железной дороге. Деревня ничейная. Значит, есть смысл заглянуть туда. Быть может, и обнаружим потайной мальчишеский склад? Я стал торопить возницу.

Приехав в Абрамово, поднял отряд. Передал вкратце разговор с командиром полка и свой план добыть для красноармейцев патроны. Товарищи поддержали меня. Больше всех горчился Федор Стрельченко.

— Если с дедом что стряслось,— говорил он,— так мальчишки помогут. Фрицы вряд ли по осени узнали что-либо. А зима подоспела рано. Точно — найдем в сноте патроны.

Операцию решили провести немедленно. В деревне сохранилась одна лошадь да два битюга бросили, отступая, гитлеровцы. Как-никак — транспорт!

И вот «кавалкада» — трое саней с пятнадцатью партизанами — покинула Абрамово. Для прикрытия семь человек поставил на лыжи. Было пасмурно, туманно. Погода облегчала выполнение задания. Расстояние в восемь километров помыли за час.

Встретили нас тараскинцы с огромной радостью. Буквально за несколько минут собрались все до одного в здание школы. Нужно было очень торопиться,— в любой момент могла нагрянуть разведка гитлеровцев. Поэтому мое выступление заняло не больше четверти часа. Коротко рассказал о разгроме фашистов под Москвой (в деревне ничего не слышали о нашей первой крупной победе), сообщил об освобождении от оккупации части Ордежского района, а дальше напомнил сентябрьский эпизод. И почти сразу стоявший сбоку у двери небольшой мальчуган выпалнул:

— Это мы с дедушкой Семеном прятали.

Раздался голос:

— Есть кое-что.

— Поищем.

Всю ночь и старые и малые вместе с нами орудовали ломом и лопаткой. Разрыли окоп, две картофельные ямы. Из подполья бань и других укромных местечек извлекли десятки настрелянных пуляметных лент.

Багровый свет утра застал нас в трудном пути. Повозки были так нагружены, что при подъеме на холмы приходилось помогать даже довольно крепким битюгам. Устали страшно, и, когда въехали в Глебово, все мои бойцы тут же завалились возле саней в снег. Я пошел в штаб, но не успев сделать нескольких шагов, как к нам подлетели два всадника. Один из них зычно крикнул:

— Что за народ? Почему валяетесь в снегу?

— Нам так сподручнее,— насмешливо ответил Стрельченко,— привычка.

Сердитый всадник лихо соскочил с коня и, заметив меня, удивленно спросил:

— С чем пожаловали, товарищ Исakov?

— Подарок вам привезли, товарищ командир полка.

— Подарок?

— Так точно — патроны.

— Шутите?

— Смотрите сами.

— Ох вы, черти мои дорогие, — говорил спустя минуту командир полка, рассматривая цинковые коробки. — Лейтенант!

— Слушаю, товарищ командир полка, — быстро ответил второй всадник.

— Всех прибывших разместить на отдых. Плотно накормить два два раза по сто фронтных граммов каждому. Ясно?

— Так точно! — лихо козырнул адъютант.

В следующую ночь совершили такую же операцию — поездка была проведена в деревни Нестерново и Лисово. 45 тысяч патронов, 200 мин и 80 снарядов передали мы 98-му кавполку.

Когда я вторично находился в штабе кавалеристов и уже собирался уходить, вошел особист полка и спросил у меня:

— Из-за линии фронта вы никого не ожидаете?

— Бойцы наши там есть, — ответил я, — но вызывать никого не анзывали.

— Интересно. А мы тут одного подозрительного человека задержали: расспрашивал жителей про партизан.

— Доставьте его сюда, — распорядился командир полка.

Минут через двадцать в избу ввели... Агапова.

— Это очень опасный человек! — воскликнул я и бросился обнимать Анатолия Владимировича. — Для фашистов, конечно. Он нам в прошлом году помог такой склад боеприпасов уничтожить — целую артиллерийскую дивизию вооружить можно было.

— А я до вас опять с делом, — негромко проговорил Агапов, — хоть и небольшое дело, но все же вред

ергам нашим. Оккупанты в деревню Воцно periodically сена перевозили. Мне стало известно...

— Сено! — воскликнул командир полка. — Нет, правда, это видно сам бог мне вас, партизан, подослал. — Комполка улыбнулся и добавил: — Если он, конечно, за народ русский горой стоит.

Агапов продолжил:

— Узнал я: собираются немцы сено куда-то увозить. Лошадой со всех деревень собирают. Хотел поджечь было скирды, да тут прослышал — наши к Среданку вышли. Вот и пошел вас или кого-либо из ваших помощников искать.

— А в Воцно есть фашисты? — спросил я.

— Вчера с утра не было.

— А в Чаще?

— На станции и в поселке сотни три гитлеровцев неберется.

— Нам это сено позарез нужно. Давайте подумаем, как его переправить сюда, — предложил командир полка.

— Дайте мне подвод пятьдесят — шестьдесят, — сказал я. — На каждую санн возницу и автоматчика. Добавьте несколько пулеметов и одного толкового командира. И я...

— Добудете драгоценный корм?

— Думаю, что да.

— Ну что же, рискнем, — согласился командир полка и подошел к карте, разложенной на столе.

Договорились в деревнях Тараскино и Лисцово оставить прикрытие, в направлении на Чашу сделать засаду пулеметчиков. К каждой скирде направлять по десять партизан.

И вот еще одна ночь по санному пути. Сугробы, сугробы... Черные бугры изб «ничейных» деревень. Безмолвие спутника...

Операция удалась. Шестьдесят подвод, груженых саном, были доставлены в распоряжение казполка. И вовремя. Не прошло и суток, как фашистам удалось продвинуться вперед и занять все деревни на западном берегу реки Оредеж.

Тепло попрощавшись с кавалеристами, мы направилась в деревни, освобожденные от оккупантов. Все были рады, что помогли родной армии. За одно себя ругал я в дороге: не спросил фамилии командира полка. В разговорах все время употреблял обращение «товарищ командир полка», и только. Память запечатлела плотно, приземистую фигуру «глазного кавалериста», строгое, энергичное лицо да густые черные брови.

И все же судьба свела нас еще раз. В январе 1964 года город Тосно отмечал двадцатилетие освобождения от немецко-фашистской оккупации. В празднично собрании недалеко от меня сидел генерал-майор. Лицо его мне показалось знакомым. Посматривал и генерал в мою сторону. В перерыве он подошел:

— Где-то мы с вами встречались.

— Похоже. Но когда?

— По-моему в начале сорок второго года. Да! Да! — Генерал радостно засмеялся. — Патроны! Патроны, батенька мой!

— И сено, — добавил я, улыбаясь, узнав командира кавалерийского полка, ныне генерал-майора в отставке, Виктора Антоновича Вержбицкого.

— Деревня Жилое Рыдно. Ледяной ветер бьет в окна двадцати уцелевших домов. Последняя неделя февраля. Но мы не замечаем стужу. Наши взоры прикованы к небольшому кусочку нумача, что трепещет над крышей белого двухэтажного домика. Подходим к зданию с красным флагом. На фасаде два фанерных щитка с надписями. На одном — «Оредежский РК ВКП(б)», на втором — «Оредежский райисполком».

Вот мы и дома. Подею внезапно охрипшим голосом команду:

— Отряд, стой!

В окне второго этажа показывается чье-то лицо. И сразу же к нам выбегают Сазанов, Бухов, Володченко, Васильев. Выбегают раздетыми, без шапок.

Объятия. Крепкие рукопожатия. Сазанов громко говорит:

— Молодцы! Слышали про дела ваши. Приезжал тут вчера кавалерийский командир — рассказывал про чудеса партизанские: и про патроны, и про сено. Ну, а сейчас отдыхать.

Васильев повел бойцов по хатам, а я с остальными райкомовцами направился к их жилью. Хотелось поговорить о планах на ближайшие дни.

— Заходи в наш «особняк», — пропуская меня вперед, предложил Сазанов.

Небольшая изба. Сразу у двери русская печь. За досчатой перегородкой стол, сколоченный на скорую руку из досок. Скамейки. В углу деревянная кровать. На ней гора матрацев, набитых соломой.

— Ну как? Нравится? — спросил Федор Иванович.

— Отличный особняк.

— Тогда за стол. Время обеденное.

У печки хлопотал Володченко. На столе появилась гречневая каша, кислая капуста и дымящаяся картошка.

— Слушай самый подходящий, чтобы и по черке выпить, — Федор Иванович развел руками, — но чего нет, того нет.

— Ладно уж. Перескочим через секретарское «клеть», — сказал Володченко и достал из вещевого мешка флягу. — Всем по два глотка, ему — стакан, — показал на меня райкомовский «шеф-повар».

Милый наш Андрей Андреевич. Природа щедро наградила его душевной добротой. Все время для товари-

щей он старался сделать что-либо приятное. Помню, в первые наши партизанские дни, бывало, идем голодные, усталые по лесам и топам, и у большинства на уме: «Эх, одну затяжечку махрой, и легче шагалось бы». Короткий привал. Смотрим, крутит Володченко огромную цигарну. Поджигает и протягивает рядом стоящему бойцу со словами: «По разочку каждому». А ведь табак все получали поровну.

Плотно пообедав, я завалился спать. Проснулся — что за притча! — все сидят за столом, будто и не вставали.

— Соснул чуток? — улыбаясь спросил Сазанов.

— Немножко.

Все рассмеялись.

— Чего вы? — удивился я. — Уже вечер?

— Вечер, только других суток, — ответила Бузов.

Оказывается, я проспал тридцать два часа. Товарищи рассказывали, что меня сонного поднял на руки Васильев, чтобы вытащить матрацы, пытался разбудить и завтрак и обед, но бесполезно.

— Только посылавай, как сурок. И ни гу-гу, — сказал Бузов.

После ужина у нас разгорелся горячий спор. Части армии, прорывавшие рубеж противника у Волхова, освободили от оккупантов четырнадцать населенных пунктов Ордежского района. На освобожденной территории сразу же были восстановлены колхозы, создано три сельских Совета. Бузов предложил всех партизан отряда, которые могут быть использованы на партийной, советской и хозяйственной работах, оставить в резерв райкома.

— К нам, глядишь, и в Ордеж вернемся. Кругом разруха. Сза подоспеет. Потребуется много людей. Много! — горячился Александр Николаевич, отстаивая свою точку зрения.

Бухова активно поддерживал Васильев. Я, доказывая обратное, говорил:

— Во-первых, наступление наших войск приостановлено. Будем ли мы в Ореховке в мае — дело сомнительное. А главное — отряд сейчас может по-настоящему помочь армии, действуя на дорогах. Да и вообще нельзя думать только о своем районе.

Следует отметить, что местнические тенденции (отвоевали, дескать, свой район — и распушкой отряд: восстанавливать хозяйство нужно) имели место и у наших соседей — калининских партизан, в Белоруссии, на Украине. Товарищай, поступивших так, в какой-то мере можно было понять, но военная обстановка того времени диктовала другое.

Сазанов почему-то не вмешивался в наш спор — то хмурился бровь, то улыбался. В разгар перепалки вошел радист и подал Сазанову радиограмму. Прочитав ее, Федор Иванович сказал:

— Довольно копы ломать. Штаб партизанского движения требует усиления боевой деятельности ореховских партизан. Приказ Никитина.

Мы продолжали партизанить. Особенностью наших действий весной 1942 года был тесный контакт с частями Красной Армии. В марте — апреле мы провели несколько челночных операций, по принципу «туда — сюда». Сделаем выход в ближайший тыл врага, выполним задание армейского командования и возвращаемся в расположение своих частей. Короткий отдых — и снова кабольшой рейд.

Одной из первых таких операций был выход нескольких групп отряда с целью разведки для 23-й особой стрелковой бригады, оборонявшей участок фронта в районе перекрестка дорог Орехов — Любань, Челова — Новгород. Предварительно я побывал в штабе бригады, встретился с ее комиссаром Алахфердовым.

Силы распределили так: Николай Семенов и Михаил Борисов направились к станции Ордажа с задачей разведать движение войск неприятеля к линии фронта от Луги, группа под командованием Горбунова должна была разведать дорогу станция Новинка — фронт, а я с остальными бойцами взял курс к Варшавской железной дороге. Эта дорога в те дни несла основную нагрузку по снабжению фашистских войск под Ленинградом. Кроме разведки в наш план входила безусловно и диверсия.

Линию фронта наша группа перешла удачно. К утру второго дня мы были уже вблизи станции Мшинская. Разведка принесла неутешительные вести. Гитлеровцы вдоль железнодорожного полотна устроили защитную зону: лес и кустарник на сто метров по обе стороны от дороги вырубил, наиболее вероятные подходы заминировали, через каждые два километра оборудовали дзоты, между ними организовали постоянное парное встречное патрулирование.

А поезда поехали. Плотно груженые. За день прошло десять составов. На платформах одного из них, направлявшегося в сторону Ленинграда, ясно были различимы бронированные машины.

— Танки! — свозь зубы зло процедил лежащий рядом со мной в кустарнике Николай Фишер.

— Самолеты бы наши сюда. Вот был бы переполох, — прошептал сзади Федор Стрельченко.

— Попробуем сами что-либо предпринять, — сказал я, — пусть только малость стемнеет.

Как только стало темнеть, мы перебрались на опушку леса. Две группы по пяти автоматчиков пошли блокировать дзоты. Остальные залегли за деревьями. Минут через десять на насыпи, против нас, появилось две пары патрулей. Постояв немного вместе, они разошлись в разные стороны. Фишер с минерами поползли

к железнодорожному полотну. Я с тремя бойцами остаюсь их прикрывать.

Ребята в белых халатах на снегу еле заметны. Осторожно подбираются они к насыпи, ползут по откосу, приблизились к рельсам. Началось минирование. Дело нелегкое. Надо сделать финскими ножам в мерзлой земле углубление под рельсом. Осторожно убрать землю в вещевой мешок или в противогазную сумку, чтобы не насорить на снегу. Заложить в углубление взрывчатку. От заряда протянуть шнур длиной метров пятьдесят. Приказать его к чеке взрывателя. Затем тщательно все замаскировать, чтобы не обнаружил патруль. И все это надо успеть за тридцать минут!

Мне кажется, что минеры работают медленно. А тут как назло все небо вылезло. Луна показалась. Стало совсем светло. Лазку, нервиачку. Но вот, наконец, с насыпи отползает двое. Один, вдавшись в снег, остался у рельсов. Через минуту начинает двигаться и он. Значит, работа закончена. У шнура будет дежурить Фишер. Теперь надо терпеливо ждать эшпона.

Дьявольское невезение. Минут через пятнадцать показались патрули. Как и раньше, встретились, остановились. Один из гитлеровцев стал зачем-то спускаться с насыпи и, видимо, задел шнур ногой. Раздался оглушительный взрыв — заложено было три килограмма взрывчатки. В районе дзотов прозвучали автоматные очереди, взрывы гранат.

Мы быстро отошли в условленное место. Собрались все, потерь не было. Вернувшись от дзотов бойцы рассказали, что, когда раздался взрыв, они сразу же дзоты забросали гранатами. Немские солдаты успели дать из пулеметов только по одной очереди, и то в белый свет как в копеечку. Те из них, которые уцелели и успели выскочить наружу, попали под огонь автоматов.

— На лыжи! — подал я команду. — Будем отходить.

Сделав бросок километров в десять — двенадцать, мы остановились на острове, недалеко от озера Вялье. Заминировали свою лыжню, выставили часовых и разожгли костерки. Настроение у всех было подавленное — полностью выполнить боевое задание не удалось.

— Ничего, — успокаивал я ребят. — Немного отдохнем, а затем подадимся на север, к станции. Попробуем там пустить под откос вражеский эшелон.

Ночь прошла спокойно. Начинался рассвет. Мы встали на лыжи. Только я собрался послать кого-либо на бойцов разминировать лыжню, как в утреннюю тишину ворвалась автоматная очередь — стрелял наш часовой. На какую-то долю минуты стало тихо. Затем на лыжне один за другим прозвучали три взрыва. И сразу же лес засверкал огнями. По острову били два пулемета, десятки автоматов.

Мы бросились на опушку. Укрылись за деревьями. К острову через открытое болото, стреляя на ходу, бежало с полсотни фашистов. Подпустив их метров на сорок, мы открыли прицельную стрельбу. Несколько гитлеровцев ткнулись в снег. Остальные залегли. Мы продолжали бить по ним короткими очередями, забрасывать гранатами.

— Товарищ командир. Смотрите направо! — крикнул мне Стрельченко.

Я повернул голову. Большая группа фашистов по мелколесью обходила наш остров. Затыкать бой дальше было нельзя. Фашистов больше раз в шесть. Да и деревня Луги в пяти километрах. Там большой гарнизон.

Даю команду отходить. Километра два бежим по лесу, вдоль северной оконечности озера Вялье. Вдруг лес кончается. Справа озеро, слева и впереди километра на три открытое болото. Если каратели достигнут на открытом месте — неминуемая гибель. Вперед, и как можно быстрее. Другого выхода нет...

Первым бежит прекрасный лыжник Павел Филитов, замыкающим — командир группы Фишер. Я бегу сбоку цепочкой, подгоняю ребят. Стрельба идет позади на острове, — видно, фашисты решили, что мы там где-то засели. Бежим из последних сил. Но вот и первые редкие сосенки. И тут в нашу сторону ударили пулеметы.

— Опоздал, фриц! — радостно крикнул Терещенко. — Иди сюда, мы тебя гранатами целовать будем.

Каратели прекратили погоню. Побежались преследовать нас открытым болотом.

Остаток дня мы кружили по лесу. Ночью в трех местах порвали телефонную связь, идущую вдоль Витебской железной дороги, а подходы к поврежденным заминировали. Затем благополучно перешли линию фронта в расположении частей 2-й ударной армии.

В деревне Остров встретили группу Горбунова. Она на большеке Новинки — Нестерково разгромила вражеский обоз с боеприпасами. Возвратились и наши разведчики, доставив ценные данные о противнике на станции Орадеж. На обратном пути у них случилось несчастье. При переходе полотна железной дороги Михаил Борисов подорвался на mine. Ему раздробило ступню. Николай Семенов сорос километром помогал раненому товарищу идти к линии фронта. Большую часть пути тащил его на себе. Спас от верной гибели.

Борисова мы отправили сразу же в армейский госпиталь. К Сазанову в Жилое Рыдно я послал связаного с донесением. В Ленинград в штаб партизанского движения ушла из райкома радиogramма: «Взорвали полотно Варшавской железной дороги. В трех местах вырезали кабель».

Ушло наше сообщение вразам. Из штаба была получена в этот день радиogramма, содержащая четыре слова упрека: «Когда будут боевые действия?» Мы не

очень обижались. Штаб не был полностью информирован о нашей помощи армейским частям. Действовать партизанским отрядам и группам в прифронтовой полосе было значительно сложнее, чем в глубоком тылу врага или из района Партизанского края. Многие операции срывались, группы гибли, и, естественно, наше начальство нераннчало.

В Острове мы решили задержаться. Деревня эта была в некотором роде прифронтовым перевалочным пунктом для партизан. В наш приход здесь отдыхал только что вышедший из тыла противника отряд Косицына. Об этом отряде нужно сказать особо. Был он небольшой, состоял за исключением радиста Михаила Васильковского из студентов и преподавателей известного всей стране института физической культуры имени Лесгафта. Ребята все как на подбор: отличные спортсмены, отважные воины. Командовал ими Дмитрий Федорович Косицын, заслуженный мастер спорта.

Партизанских отрядов в первый год войны было на оккупированной территории Ленинградской области и в самом Ленинграде создано несколько десятков. Отряд лесгафтовцев — один из первых. Дата его создания — шестой день войны. По характеру действий он был диверсионным, по тактике — рейдовым.

О рейдовой тактике почему-то в послевоенной исторической литературе, посвященной народной войне в тылу врага, говорится приглушенно. А ведь именно у нас — в тылах фашистских армий группы «Север» — произошло рождение наступательной рейдовой тактики партизан. И если правильно сейчас установлено, что первым на советско-германском фронте партизанским рейдом был рейд 2-й особой бригады разведотдела Северо-Западного фронта, то пальма первенства в этом вопросе среди отрядов принадлежит отряду лесгафтовцев.

В конце февраля — марте 1942 года отряд Косицына совершил свой третий рейд. Во время его, быстро маневрируя, делая переходы по сороч — пятьдесят километров в сутки, бойцы-партизаны собирали и весьма важную разведывательную информацию. Так им удалось засечь переброску танков и артиллерии от станции Гатчина в Лугу. Оперативно переданная в штаб партизанского движения радиограмма вызвала немедленно реакцию со стороны нашей авиации. Самолеты появились над целью буквально через час-два после получения сообщения из отряда. На эшелоны с фашистской техникой было обрушено несколько бомбовых ударов. Как-то после войны бывший радист отряда Антон Романович Васьяковский, вспоминая нашу первую встречу в прифронтовой деревне, сказал, что налет авиации был совершен тогда по личному приказанию командующего Ленинградским фронтом, которому радиограмма Косицына была передана первым секретарем Ленинградского обкома партии Андреем Александровичем Ждановым.

Наши планы немного задержаться в Острове нарушили гитлеровцы. На другой день они перешли реку Оредеж и открыли сильный пулеметный огонь по деревне. По-видимому, решили раз и навсегда разделаться с партизанской базой. После обстрела последовала атака примерно двух сотен автоматчиков.

Мы заняли оборону на пригорке с правой стороны деревни. Лесгафтовцы расположились на левом фланге. Косицын предупредил — лежать, не открывая огня до его сигнала.

Так мы и поступили. Наши автоматы заговорили тогда, когда фашисты поднялись в рост и, что-то горлаком, бросились к пригорку. Хорошо развил в этот момент товарищи, а на лесгафтовцев было любо-дорого смотреть. Дрались так, будто за плечами у них годы войны.

Отступив, гитлеровцы залегли. Часа два продолжалась перестрелка. К нам на помощь подоспел взвод красноармейцев. Он начал обход вражеских позиций по опушке леса. Заметив это, фашисты убрались за реку, оставив на снегу десятка три трупов.

В Жилое Рыдно мы прибыли на следующий день. Я сразу пошел в райком партии доложить Сазанову о результатах нашего рейда. За столом сидели Сазанов и Важнов, с чем-то беседовали. Увидев меня, Важнов вскочил из-за стола и, раскинув руки, пошел навстречу. Обнялся.

— Где побывал? Как здоровье? — забросал я своего комиссара вопросами.

— Подлечился, навестил семью, чувствую себя превосходно.

— Вот и хорошо. Вместе будем продолжать бить фашистов.

— Ряд бы, да Федор Иванович решил по-другому.

— Как? — с недоумением повернулся я к Сазанову.

— Заворгом райкома партии решили назначить Андрея Григорьевича, — ответил Сазанов.

— А меня спросили?

И тут, впервые за все время совместной работы, мы с Сазановым основательно разругались. Под стать нашему бурному разговору была разыгравшаяся за окном метель.

— Мерт на дворе, а снег так и валит, — сделала попытку Важнов перевести «беседу» в другое русло.

— Ишь какой любитель метели нашелся, — усмехнулся Сазанов, поняв замысел моего комиссара, и уже миролюбиво промолвил: — Ну чего ты раскипятился, Иван?

— Черт возьми, так у меня ведь тоже в жилах не сгущенное молоко, — ответил я, сбавив тон.

Метель нуролесила сутюк. Метались по полям и деревням, будто искала пристанища. Затем неожиданно стихла. Мы решили с Федором Ивановичем, пользуясь хорошей погодой, найти члена Военного совета 2-й ударной армии и попросить помочь нам взрывчаткой и обузью. Им был недавно назначен дивизионный комиссар Иван Васильевич Зуев. Армией командовал в то время генерал-лейтенант Н. К. Клысов.

Выехали мы ранним утром. Дорога шла полам, а дальше терялась в лесу. Он стоял еще в зимнем убранстве — деревья все в инее, воздух чист и прозрачен. Гнедко наш бежал бодро. Захарованные лесной красотой и необычной тишиной (даже далекой канонады не было слышно), мы ехали молча. За всю дорогу обменялись лишь двумя фразами.

— Да, вот если бы не война, — произнес вслух Сазанов, думая о чем-то своем.

— Конечно, если бы не война, — механически отозвался я.

В деревне Вдичко, где, по нашим кегентурным данным, мог находиться Зуев, было полно военных. По улице сновали всадники. У сараев виднелись укрытые орудия. Мы плутали бы, наверно, долго, если бы на крыльце одного дома не появился комиссар стрелковой бригады Алахфердиев.

— Кого тут разыскивают партизанские команды? — окликнул он нас.

Обменявшись рукопожатием, мы объяснили цель своего приезда.

— Вам повезло, — сказал Алахфердиев, — заходите в дом, дивизионный комиссар сейчас придет. Я его тоже дождаюсь.

Отрянув в сених снег с валенком, мы вошли в просторную комнату. Нас встретил лейтенант и хозяйка дома. Хозяйка предложила нам чаю. Мы поблагодарили

и вместе с Алахфердовым уселись на скамейку у окна. Лейтенант все поглядывал на улицу, нераничал.

— Иван Васильевич уехал к Мясному Бору, в район ожесточенных боев. «Коридором смерти» называют бойцы горловину нашего январского прорыва. Он со вчерашнего вечера там. Обещал утром быть. И вот нет, — объяснил нам причину своего беспокойства лейтенант, по-видимому адъютант члена Военного совета.

В ожидании мы просидели более часа. Волнение лейтенанта передалось и нам. Разговор не клеился, и все же из скудных ответов комиссара бригады мы узнали главное из биографии Зуева: воевал с фашистами в Испании в составе интернациональной бригады, до войны был награжден орденом Красного Знамени и двумя орденами Красной Звезды, 22-е июня 1941 года встретил в окрестностях Каунаса и с тех пор все время в действующих частях, еще молод, энергичен.

— Приехал! — радостно воскликнул лейтенант и, одернув гимнастерку, пошел к двери.

Мы встали. Резко распахнулась дверь, и в комнату вошел человек в полушубке, лет тридцати пяти, выше среднего роста, широкий в плечах. Быстро скинув полушубок, подошел к нам. С каждым поздоровался за руку. Лицо усталое, но спокойное. Взгляд приветливый. Сазанов и я отрекомендовались.

— Прошу садиться, — пригласил Зуев, показывая на стол. — И знаете что — давайте побеседуем за едой. Голодам я чертовски. Саранга!

В комнату вошел ладно скроенный, белонурый красноармеец.

— Покорни нас, пожалуйста, чем-нибудь, — сказал ему Зуев.

Обед был скромен: борщ из сушеных овощей, пшенная каша, фронтные сто грамм. Иван Васильевич внимательно выслушал мой рассказ об отряде, о наших

подпольщиках, о последнем небольшом рейде. Я передал ему схему расположения огневых точек противника по западному берегу Оредежа.

— Спасибо. Этот участок фронта нас тоже беспокоит. — Дивизионный комиссар сделал несколько пометок на моей схеме, затем, посуровев, продолжил: — Главное же сейчас для нас — Масной Бор. Ширина коридора сузилась до полукилометра. Коммуникации армии прикрыты плохо.

— Простите, но мне хотелось бы узнать ваше мнение, — спросил Сазанов, — удержит ли армия освобожденную территорию нашего района?

Член Военного совета встал из-за стола и с горечью ответил:

— Положение армии очень тяжелое. Больше ничего вам сказать не могу.

Нужно ли говорить о том, что возвращались мы в свою «квартирку» опечаленными, хотя и везли с собой три ящика табака и сотню брикетов пшеничной и гречневой каши. Подъезжая к Жилому Рыдну, я сказал Сазанову:

— Завтра опять пойдут в тыл врага. Только не по тропе у Острова, а вблизи Никулино.

— Хорошо, — ответил Федор Иванович.

В Никулино мы пришли еще за светом. Не успели разместиться в домах, как начался обстрел деревни. По тому, как ложился снаряды, стало ясно — пушки бьют не без помощи корректировщика. Значит, после беглого огня по деревне — жди атаки. Взвод красноармейцев и наш отряд заняли оборону. Повторилась та же история, что и в Острове, только продолжался бой на более часа. Фашисты убрались за реку. Нам достались трофеи — четыре автомата, два пистолета, бинокль, фотоаппарат, документы. Из последних мы узнали — на этом участке фронта действует 285-я охранная дивизия. Раньше ее части стояли в Толмачае.

В полночь отряд перешел линию фронта севернее Ныкулино. На дневку расположились в урочище Диев Нос. Отсюда недалеко до домика лесника Берзиня и до «почтового ящика» подпольщиков из Торковичей. «Ящиком» служило дупло старой осины в березовой роще. Отправилась туда с разведчиками Николаем Семеновым и Павлом Флякповым. В дупле лежала железная банка. В ней три листка из ученической тетради — разведанные за неделю. Взяли полоски несколько наших газет и записку: «Спасибо. Продолжайте. Оставляю подарок».

Сообщения подпольщиков об усилении движения на шоссе Луга — Орадаж подсказали мне решение устроить засаду на дороге. Посоветовался с командиром групп о месте нападения. Выбрали участок между населенными пунктами Соколынка и Колонцево.

Вечером покинули урочище. Заминировали дорогу и залегли за деревьями. Предстояло мерзнуть целую ночь. Зима явно медленна сдавать свои позиции, хотя шла вторая половина марта. Но нам повезло. Через минут двадцать замелькали огни фар. Показалась колонна автомашин, крытых брезентом. Из первой неслась громкая песня.

— Приготовиться, — тихо скомандовал я.

Но что это? Машина с горлашками гитлеровцами спокойно миновала заминированный участок.

— Николай, в чем дело? — повернулся я к Фишеру.

— Все делал как надо. Сам проверял, — ответил с недоумением в голосе Фишер.

И в этот миг раздался взрыв. Подорвалась третья и четвертая машины. Колонна остановилась. И сразу же заговорили все наши тридцать два автомата. Фашисты ответили яростным огнем. В Соколынках взлетели в воздух ракеты — тревога для гарнизона.

— Отходим! Быстро! — крикнул я.

Бойцы снялись под пригорок. Все целы. Встали на лыжи. Бегом к темнеющему слева бору. Шли долго, путая следы: с дороги без лыж след в след метров двести — триста, потом опять бег на лыжах. Так повторяли несколько раз, пока не достигли глухого урочища в трех километрах от деревни Лошницы.

В конце марта отряд наш действовал, разделившись на три группы. Одна под командованием Фидлера на Витебской железной дороге подорвала небольшой мост и уничтожила в нескольких местах линию связи. Вторая группа (командир Николай Семенов) собирала разведанные (они весьма пригодились для батальона старшего лейтенанта Садикова из 23-й стрелковой бригады) и сделала неудачную попытку напасть на вражеский обоз с продовольствием, неprevлавший к линии фронта. С третьей группой я пошел на связь с подпольщиками прифронтовых деревень Кипино и Стройно. Уже более десяти дней от связанных с этими группами Алексея Самсонова и Василия Дмитриева не было никаких вестей.

В Кипино молодая учительница Нина Горчанова, ее двоюродные братья подростки Валя и Петя, шестнадцатилетние ребята Коля Самсонов, Алеша Романов и Коля Михайлов собирали вот уже добрых полгода для ордежских партизан разведывательную информацию. Этим же занимались Зина Александрова и Тося Иванова из деревни Стройно. Действовали подпольщики отважно, постоянно рискуя жизнью. Собранную информацию они передавали руководителям подполья Василию Ивановичу Михайлову и Ивану Александровичу Александрову. А те — нашим связным, жившим вблизи Кипино в лесной землянке, на которую мы наткнулись, возвращаясь из Ленинграда.

— А ты рыщешь нору свою? — спрашивал я Анатолия Дмитриева, когда мы с ним вдвоем углубились

в лес, оставив остальных партизан отдыхать.— А то я запомню место.

— Найду, конечно, нужно только высокую березу среди молодого ельника заметить.

— А ведь и каратели могли землянку обнаружить, — поделался я своими сомнениями с Анатолием.

— Вряд ли. Семи сказали: не землянка — нора. А вот и ориентир.

Справа от нас выскочила береза. Дмитриев три раза прокричал по-совиному. Через минуту в ответ тоже раздался голос «совы». Чуть хрустнула ветка. Заскрипела по насту шаг, и Анатолий попал в объятия младшего брата.

— Толя, дорогой!

— Вася, братик!

Подошел Самсонов. Поздоровались. Несмотря на радость встречи, я заметил, что ребята чем-то глубоко опечалены. Предчувствуя неладное, с тревогой спросил Самсонова:

— Случилось что?

— Веда. Василия Ивановича Михайлова нет больше с нами. Расстреляли каратели.

— И Михаила Кlementьева тоже, — понурился, проговорил Дмитриев.

Будто кольнули чем-то острым в сердце. Я оперся рукой о березу... Какие люди погибли! Вот пройдут годы, а расскажет ли кто-либо об их подвиге, продолжавшемся самые трудные месяцы войны? В Ленинграде мы с Сазоновым в своих отчетах обкому ВКП(б) писали о мужестве подпольщиков. Но может статься, наши донесения и отчеты, пожалтевшие в архивных папках, пролежат нетронутыми, а сами мы не увидим светлого часа Победы...

Так думалось мне в тот мартовский день 1942 года. Когда немного отлегло от сердца, спросил Самсонова:

— Препас кто нам сами допустили такую оплошность?

— Пока ничего не знаем.

— А как остальные — Нина, ребята, Тимофей Дмитриев?

— Живы. По-моему, они вне подозрений. Только Колю, моего племянника, фашисты искали, но он успел убежать.

— Где Коля сейчас?

— Здесь. Спит в землянке.

— Разбуди. Может, он что расскажет.

— Будить не надо. Я не спал и все слышал, — сказал, подходя к нам, Коля Самсонов, — только рассказать ничего не могу. В тот день я ходил в разведку, в деревню Вьюжица. А когда вернулся домой, мне сказали, что дядю Весю и дядю Мишу немцы расстреляли и меня разсыскали. Я сразу спрятался в баню, а ночью пришел сюда к Алексею.

— Удалось ли за эти дни связаться с кем-нибудь из подпольщиков? — продолжал я расспрашивать Алексея Самсонова.

— Позавчера в почтовом ящике была записка. Слова ее я запомнил: «В деревню не ходите. Сообщите И. и С. о нашей трагедии. Борьбу продолжайте». Записка написана рукой Нины Горчановой.

«Борьбу продолжайте». Эти два слова меня и обрадовали, и вызвали беспокойство. Как бы сторяча, по молодости не наделали глупостей. Надо обязательно их предостеречь. На клочке бумаги я написал ответ: «Временно воздержитесь. Ждите указаний. „А“ уходит с нами».

Передал записку Самсонову и попросил отнести ее в «почтовый ящик».

Прочитав записку, Алексей вопросительно посмотрел на меня.

— Не удивляйся, Алеша. Пойдете с отрядом через линию фронта. Вам тоже необходим отдых. Запасных частей для человека Бог не создал, а человек все же не машина.

В то время мне так и не удалось выяснить подробности гибели наших товарищей по борьбе. Позднее другие боевые дела и заботы отодвинули события тех дней на задний план. Сейчас в жювьх из купенских подпольщиков осталась лишь Нина Дмитриевна Горчанова (Алчева), о письмах которой упоминалось выше. В одном из первых она писала:

«...Случилось это пятого марта 1942 года. Михайлов был тогда у нас в доме. Мы с ним встречались почти ежедневно. Пришли гитлеровцы и забрали его. Михаил Клементьев уже был арестован. Их вывели за деревню Кипино и у изгороди расстреляли.

В Михайлова стреляли несколько раз, а он стоял как исполн с высоко поднятой рукой. Что-то кричал, но слов разобрать я не смогла...»

Да! Фашистам было неподвластно сломить людей, подобных Василию Ивановичу Михайлову.

В первых числах апреля наш отряд в полном составе вернулся в Жилое Рыдно. Здесь нас ожидал приказ М. Н. Никитина соединиться для совместных действий с 1-й Волховской партизанской бригадой. Мы с ходу отправились в деревню Остров. Там уже было полным-полно нашего брата. Кое-как размастив людей, пошел искать бригадное начальство. Посредние деревни увидал секретаря Лужского райкома партии И. Д. Дмитриева. Он был в полной походной форме. На груди автомат. Я окликнул его:

— Привет лужскому рыцарю!

Дмитриев оглянулся:

— Исаков! Здравствуй! Кажется, и ты с бригадой в поход собрался?

— А как же иначе? Михаил Никитич приказал. Вот только толком не знаю, что за бригада и на какие заданья нацелена.

— Пойдем в штаб. По дороге расскажу.

От Дмитриева я узнал, что бригада формировалась в основном в Ленинграде. Всего в бригаде было восемьсот человек. Из Малой Вишеры вышли 18 марта. Шли на лыжах пятнадцать суток. По дороге по разным причинам отсыялось около двухсот человек. Десятидневный запас продуктов давно кончился. В армейских частях ничего получить не удалось. Сейчас командование ждет с Большой земли самолеты с продуктами. Бригада должна разгромить гарнизон фашистов в Толмачеве, взорвать большой железнодорожный мост на реке Луга.

— Задача нелегкая, а войско не особенно боеспособное, — заключил Иван Дмитриевич свою информацию.

— А кто командует бригадой?

— Командир бригады кадровый офицер подполковник Тарасов. Вояка бывалый, награжден орденом Красного Знамени. Начальник штаба капитан Якимов — тоже фронтовик, молодой, довольно шумливый, но дальний человек. Заместитель комбрига по разведке подполковник Атрощенко. Ты его знаешь.

— А комиссар?

— Комиссара ты тоже хорошо знаешь — заведующий промышленным отделом обкома партии Фишман.

Разговаривая, мы подошли к дому, где размещался штаб бригады. В помещении было тесно от народа. Посредине комнаты, стоя друг против друга, спорили Сазанов и Фишман.

— Картошки тонны две выделим. Маса немного найдем, а хлеба не могу дать ни грамма, — сердито говорил Сазанов.

— Никитин вам приказал по возможности помочь бригаде продуктами, — горячился Фишман.

— По возможности. Что мы и делаем. Надо все же понимать хоть чуть-чуть обстановку.

— Раз штаб приказал... — продолжал долдонить свое Фишман.

За столом, склонившись над картой, сидели два подполковника. У одного на кителе орден Красного Знамени. Я подошел к столу и доложил по-военному:

— Товарищ комбриг! По приказу начальника Ленинградского партизанского штаба командир Орадежского отряда в ваше распоряжение прибыл.

Комбриг посмотрел на меня, протянул руку, пригласил сесть. Став расспрашивать: сколько в отряде партизан, какое вооружение, приходилось ли в этих местах переходить линию фронта.

— Орадежский отряд и его командира я хорошо знаю, — вмешался в разговор Атрощенко. — Им здесь знакома каждая тропка, любая просека. Этот отряд нам будет очень полезен. Прошу подчинить его мне.

— Хорошо, — вставая из-за стола, сказал Тарасов. — Вот вам карта, и колдуйте над ней.

— Где, по моему мнению, лучше всего переходить линию фронта? — спросил меня Атрощенко.

Я показал на карте просеку, идущую к реке Орадеж, затем через Витебскую железную дорогу к озеру Мочалище. Отметил на западном берегу Орадежа вражеские узлы обороны.

Под утро прилетели самолеты Р-5, сбросили баулы с продуктами. Но их оказалось немного — на три-четыре дня. Командир бригады принял решение в ночь переходить линию фронта. Медлить больше было нельзя.

Я выслал группу разведчиков к месту перехода линии фронта. Приказал докладывать обстановку через каждые два часа. В полдень произошло непредвиден-

ное. Фашисты большими силами переправились через Оредеж и атаковали деревню Никулкино, в четырех километрах севернее которой намечался переход. Комбриг приказал сотне лейтенанта Владимирова и нашему отряду помочь армейскому гарнизону отстоять деревню.

Мы быстро встали на лыжи. Обошли противника лесом и обрушили на него пулеметный и автоматный огонь. Гитлеровцы не выдержали внезапного удара и отступили на западный берег реки, в свой опорный пункт — деревню Бор. Стажно действовал лейтенант Владимиров. Из оредеццев отличились Павел Филипов, Саша Бородулин, Иван Максимов.

Ночью начался рейд 1-й Волховской бригады в тыл врага. Был он скоротечным и малоудачным. Хотя поначалу все шло гладко.

Ночь выдалась темная. Вою пойму реки окутал густой туман. Наш отряд и лесгафтовцы (их еще раньше влили в бригаду) первыми выбрались на западный берег Оредежи. Благополучно переправилась и вся бригада. Без единого выстрела миновали линию фронта. Достигли озера Мочалище. По лужской земле шли днем. Туман позволял не опасаться вражеской авиации.

А дальше многое пошло не так, как предполагалось. Разведчики установили, что данные о противнике под Лугой, которыми располагали наши штабы в Ленинграде и оперативная группа, весьма неточны. Только в Толмачеве и Жельцах гарнизоны насчитывали около тысячи человек. А сама Луга! Основной объект нашего нападения сильно укреплен: дзоты, зенитки, прожектора. Одних только счетверенных пулеметов двадцать. К тому же началась оттепель, да и с проливом сразу же стало туго.

На совете командиров прошло предложение Якимова и Фидмана изменить боевое задание. Сотням

Владимирова, Капустина и Власова поручалось разгромить фашистский гарнизон в деревне Долговка и уничтожить мост на шоссе через реку Яцера. Возглавляли эту группу командир и комиссар бригады. Сотня Гутренко и Карпова должны были взорвать железнодорожный мост там же, на Яцере, сотня Савельева и отряд Косицина — разгромить гарнизоны в бывшем доме отряда «Балтинец» в деревне Болото. Сотня Котова предназначалась для прикрытия на случай, если гитлеровцы вышлют подкрепление из Толмачева. Особое задание дал комбриг сотне Медаедева. После разгрома небольшого гарнизона в деревне Палково она должна была подготовить место для отдыха бригады. Лужские партизаны пошли проводниками. А наш отряд остался в Малом Замощье, чтобы выслать наблюдение к озеру Мочалище и к Витебской железной дороге на нашу старую лыжню.

Как только на землю спустился низкий сумерки, сотня и отряды один за другим начали покидать деревню. Остались только наш отряд да сотня Медаедева. Часа в два ночи я вышел проводить наших разведчиков. Смотрю, посередине деревни стоит сотня Медаедева.

— Запоздываешь, лейтенант, — проходя мимо, сказал я с возмущением.

— Ничего, мы и на рассвете дадим фрицам прикурить. Как клопов всех передавим.

— Не хвастайте, идучи на рать. Гитлеровцы — воики отменные. Это только языком некоторые их панками уничтожают, — зло бросил хвосту в ответ Николай Семенов.

Сотня Медаедева ушла. Я время от времени выходил на улицу, прислушивался: вот-вот начнется за Палково бой. Но минул час, другой, а стрельбы все не слышно. Ну, думаю, повезло лейтенанту — назер-

ное, гитлеровцы понесли Палково по какой-либо причине.

Стало совсем светло. В Малое Замощье возвратились с боевого задания сотня Савельева и отряд Косицына во главе с Атрощенко. Эта группа поставленную перед ней задачу выполнила успешно.

В бывшем доме отдыха «балтонец» отдыхало несколько десятков офицеров с передовых позиций. Вся территория была обнесена колючей проволокой. Перед въездом часовые. Здесь же находилось и караульное помещение. Лесгафтовцы беснуемо снали часовых, закатили караульное помещение, а бойцы сотни Савельева, сделав проходы в проволочном ограждении, закидали гранатами помещение, где находились фашисты. Охрана и почти все отдыхавшие офицеры были уничтожены.

Настроение у вернувшихся было приподнятое. Лесгафтовцы — ребята бывалые, и им такая операция не в диковинку. А в сотне Савельева в основном новички. Находясь под впечатлением проведенного боя, они, перебивая друг друга, рассказывали нам, как позвали к дому, как бросали в окна гранаты, били фашистов из автоматов.

Неожиданно в районе сборного пункта бригады послышалась сильная стрельба. В чем дело? Ведь в Палкове должна находиться сотня Медаедева.

— Быстро в Палково, — командовал Атрощенко.

Через полчаса мы подходили к деревне. Стрельба к этому времени прекратилась. До построек оставалось метров пятьсот. Мы решили атаковать с ходу. Но только выскочив на поле, как по нам ударил пулемет. Рядом со мной бежал Ваня Максимов. Он как бы споткнулся, сделал шаг три вперед и упал лицом в снег. Я подскочил к нему, но он был уже мертв — пуля попала в голову.

Нашу атаку поддержали подросшие бойцы сотни Власова. Фашисты попали под перекрестный огонь и были почти все перебиты.

Что же произошло до нас в Пелково?

Группа под командованием комбрига Тересова ночью разгромила немецкий гарнизон в деревне Долговка, уничтожила там лесопильный завод и освободила около ста пленных красноармейцев. Затем на Киевском шоссе взорвала мост через реку Ящера и направилась на общий сборный пункт в Пелково. А там по партизанам ударили пулеметные и автоматные очереди. Командир сотни Владимирова был убит. Командир сотни Колустин получил тяжелое ранение. Ранен был в руку и комбриг. Пришлось отступать.

Оказывается, Медведев со своей сотней появился под Пелковом, когда стало совсем светло. Гитлеровцы заметили партизан. Медведев, не приняв боя, отошел в лес и не побеспокоился сообщить остальным, что в Пелкове по-прежнему враги. Самонадеянность и трусость одного дорого сбивались многим.

От озера Мочалище бригада отходила по старой лыжне тремя эшелонами. Первый вел комбриг. Разрывная пуля раздробила ему кость руки чуть выше локтя. Он стоически переносил боль и шел все время в авангарде.

В одном месте мы сменили маршрут, узнав о большой засаде. Тяжелой была переправа через Орадеж. У берегов вода по колена, посреди реки огромные провалы. И все же форсировали последнюю преграду мы благополучно.

Иначе получилось у второго и третьего эшелонов. Услышав нашу небольшую перестралку у речки Рыденка, комиссар бригады Фишман решил не уклоняться от выработанного маршрута, хотя связной комбрига передал приказ идти вслед за нами. И эта ошибка привес-

ла к потерям. Завязался бой. Через линию фронта пришлось пробиваться группами.

Всего за кратковременный поход бригада потеряла пятьдесят четыре человека убитыми, двенадцать пропавшими без вести. Более двух десятков партизан было ранено.

Причины неудачи похода 1-й Волховской бригады в тыл врага несколько. Хочу назвать главную (ее как-то мягко обходят в своих работах историки, пишущие о ленинградских партизанах), а именно — обреченность операции в самой ее, так сказать, задумке. Любовью атакой такими силами и оружием, которыми располагала бригада, попросту невымыслимо было выполнить основную задачу — взорвать железнодорожный мост, имевший огромное значение для противника.

Год спустя, в это же примерно время, проводили подобную операцию калининские партизаны. В историю она вошла под названием «Саввинский мост». В операции участвовало до двух тысяч партизан. Вооружены они были тяжелыми минометами и орудиями. Одновременно с нападением на главный объект налетам подверглось четыре фашистских гарнизона и блокировался железнодорожный узел Идрица. Операция удалась на славу.

Вскоре 1-я Волховская партизанская бригада была расформирована. Наш отряд опять вернулся в Жилое Рыдно. Сазанов послал радиogramму в штаб партизанского движения: одну с просьбой разрешить отряду короткий отдых, во второй просил помочь летним обмундированием. За первую Федора Ивановича отругали. На вторую пришел ответ с рекомендацией раздобыть необходимое в частях 2-й ударной армии.

Весна уже брала свое. Побежали по откосам водные змейки, образуя ручьи. Забурлили реки. Кругом вода, а бойцы в валенках и в ватных штанах. Ста-

ли мы с Сазоновым мотаться по армейцам. А у них день ото дня тяжелее. Подкрепления не подошли. Бездорожье. Боеприпасы и героичнее доставляют вьючным способом под мощным огнем врага.

И все же боевые друзья помогли — подбросили нам и обувь и одежду для лета. А тут и Первомай подошел.

Отпраздновали мы его в Жилом Рыдне. Собрались в самой просторной избе. Сели за стол. Все вымыты, выбриты, подстрижены. К гимнастеркам подшиты белые воротнички из трофейного парашютного шелка. Иван Алексеевич Михеев, исполнявший обязанности старшины отряда, раздобыл где-то подтелка. Обед получился праздничный.

Вскоре к нашей избе подошли несколько деревенских девушек. Появилась гармошка. Ляко пустился в пляс боец Мурашов. За ним другие.

— Война войной. А молодость свое берет, — сказал Сазонов, вылезая из-за стола.

— Да и старики не подкачают, — задорно крикнул Важнов и пошел по кругу вприсядку.

КОСТРЫ НЕГАСИМЫЕ

С середины мая обстановка вокруг нас еще более осложнилась. Фашисты стягивали войска в район почти полного окружения 2-й ударной армии. Армейская и партизанская разведка установила прибытие Баварского стрелкового корпуса и других свежих подкреплений врага. В конце месяца бои шли круглосуточно. Из-за отсутствия горючего наши танкисты вынуждены были закапывать свои машины в землю, превращая их в огневые точки. Пришлось уничтожить «катюши» — для них не было боеприпасов. Части 2-й ударной несли большие потери. В июне после героических, но безуспешных попыток удержать плацдарм, наша армия начала отводить свои войска, а когда гитлеровцы завершили ее окружение, закрепили бои за выход из него.

Мы в мае дважды совершали рейды по фашистским тылам. Вели по заданию Ленинградского штаба партизанского движения разведку для войск Ленфронта в районах Вырицы, Луги, Сольцов. Действовали небольшими группами. Сам я пошел с группой Павла Финляпова к Луге.

Разведка была удачной. В город ушла наша подпольщица Нина Горчанова. Там у нее жила сестра. Нине удалось с помощью взятки волостному старшине добыть пропуск в орскомендатуре для посещения «больной» сестры. А мы тем временем все пробрались к развилке шоссе: Луга—Оредеж, Луга—Ватецкая.

Погода стояла скверная. Шел дождь. Мы, лежа на сырой земле, наблюдали. В сторону Оредежа за день прошло 18 машин с солдатами, 10 машин с боеприпасами, 6 танкеток, 8 тяжелых орудий и несколько десятков машин с минометными установками.

Ночью мы отошли к хутору Колкино. Горчанова запаздывала. Я уже начал беспокоиться—не случилось ли чего? Но в полночь Нина нашла нас, пришла уставшая, вымокшая до нитки. По ее глазам понял—удача. Сведения о лужском гарнизоне были настолько ценными, что я поднял людей и мы поспешили на базу. По дороге в «почтовом ящике» взяли донесение разведчика Григорьева. Инвалид советско-финляндской войны, он не был призван в армию. С августа 1941 года жил в деревне Замостье и регулярно снабжал отряд разведывательной информацией. Все собранные разведданные мы сразу же передали в штаб 2-й ударной армии и в Ленинград.

27 мая 1942 года мы в последний раз собрались в райкоме партии в деревне Жилое Рыдно. Предыдущие дни были заняты эвакуацией населения (удалось эвакуировать 1500 человек) и подготовкой новых партизанских баз. Повторялась в какой-то мере история лета 1941 года. На душе было тяжело. Сазанов давал последние указания, когда распахнулась дверь и появился Иван Дмитриевич Дмитриев. На груди у лужского секретаря висел трофейный автомат, в зубах неизменная трубка.

Через час сборы были закончены. Мы покидали деревню. Шли посреди улицы. Кругом мертвая тишина. На нас пустыми глазницами охот смотрели дома. Печальными были партизаны. Не слышалось обычных шуток и смеха.

Под утро мы вместе с лужанами прибыли на партизанскую базу. Там уже хозяйничал бывший председатель колхоза «Красный Ям» коммунист Георгий Константинович Удалов.

Осенью сорок первого года с ним приключилась одна история. Как-то мы возвращались с боевого задания. Ночь была темная, и Удалов наткнулся глазом на сухой острый сук ели и вскрикнул. Я подошел к нему — по щеке льется кровь. Пальцами немного раздвинул веки. Смотрю, глаза нет. Приказал перевязать. Удалов от перевязки отказался. Взял кусок бинта, прижал его к пустой глазнице и стал рукой шарить под векой. «Что он там потерял!» — подумалось мне.

Сделали привал. Разожгли костерки. У меня не выходило из головы случившееся — начнется загноение, пропадет человек. Минут через двадцать не вытерпел, подошел к Удалову, спросил, как он себя чувствует.

— Ничего, — отвечает. — Нашел.

— Что нашел?

— Да глаз.

— Какой глаз?

— Свой глаз. Он же у меня стеклянный.

Мне стало не по себе. Сколько раз приходилось встречаться с ним до войны. Вместе партизанили уже больше месяца, а я и не знал, что у него протек вместо правого глаза. С тех пор мы стали раже брать его на боевые задания, поручали больше дела хозяйственные. Вот и сейчас он вместе со своей небольшой

командой зарезал корову, намолотил муки в ручных жерновах и готовил обед партизанам.

Следующей ночью вернулись наши разведчики. Они доложили, что части 2-й ударной армии отступили за линию железной дороги Ленинград — Новгород. Там идут сильные бои.

Фронт отодвинулся на восток. Мы теперь лишились возможности выходить на отдых в расположение советских войск. Лес вновь стал нашим постоянным местом жительства. Сразу возникло много вопросов. Для обсуждения их по предложению Сазанова после ухода лужан в свой район состоялось заседание бюро теперь уже подпольного райкома партии.

Мне, как командиру отряда, было поручено организовать пять боевых групп по двенадцати человек в каждой, назначить командиров групп из числа опытных партизан и сосредоточить все свое внимание на боевой деятельности.

Были организованы две группы для руководства подпольными организациями и проведения политической работы среди населения. Одна группа, во главе с секретарем райкома партии А. Н. Буховым, направлялась в район поселков Оредеж и Торнозичи. Другая, во главе с А. Г. Важновым, — в район Пристанского, Каменно-Полянского, Теребушского и Бельского сельских Советов. Мне уж очень не хотелось расставаться с комиссаром отряда, но что поделаешь.

На базах были созданы хозяйственные команды из трех-четырех человек. Они молотили зерно на ручных жерновах, варили мясо, пока оно было, строили шалаши. Возглавлял это нужное и хлопотливое дело И. А. Михеев. Опыт показал, что такая организация оправдала себя. Боевые группы, освобожденные от посторонних забот, успешно проводили диверсии на дорогах и имели значительно меньше потерь.

Встречались и другие проблемы. В отряде не было мин. Пришлось мудрить самим над их изготовлением. Как говорится, голь на выдумки хитра. Мы изобрели такие мины, что ни один немецкий минаискатель не мог их обнаружить. Делались они из двух дощечек. Одна дощечка, к концу ее прикреплялась поперечная — буквой «Г». В поперечной делалась прорезь по величине взрывателя. На дороге вырывалась ямка. В нее укладывались рядом одна к другой три шашки. В одну из шашек вставлялся взрыватель. Затем тол накрывался так, чтобы края прорези поперечной дощечки упирались в чеку взрывателя. Мина засыпалась землей. Место тщательно маскировали. Стоило сверху нажать ногой, и мина взрывалась.

Новый лагерь мы обжили быстро. На заготовку мин ушло немного времени. На третий сутки я вывел группы на первое боевое задание в новых условиях. Командирами групп были Фишер, Горбунов, Семенов, Павелс и Филиппов. Поначалу километров шесть мы шли отрядом, а затем каждая группа по своему маршруту. Я шел с группой Павла Матвеевича Горбунова, стараясь предоставить ему полную самостоятельность. Было приятно наблюдать, как умело командир группы пользовался картой и компасом. Вел он нас уверенно, быстро. Его широкая спина с туго набитым вещевым мешком и миллицейская фуражка то и дело мелькали между деревьями.

Действовали мы в тот раз на дороге Вдицко — Апраксин Бор. Долго лежали в кустах, глотая дорожную пыль. Наблюдали. Когда сероватое облако растворилось в вечерней зорьке, дорогу заминировали. И олять ожидания. Больше всех нервничали главный изобретатель самодельных мин Мурешов и недавно принятый в отряд Вася Антипов. Парнишка горел желанием добыть себе в бою автомат.

Ранним утром минированный участок благополучно проскочил большой бензовоз.

— У, черт, — скрипел зубами Мурашов.

Мы переживали молча. Через полчаса на дороге показались два грузовика: один с солдатами, второй с какими-то ящиками.

— Ну, милая, — прошептал Мурашов.

И «милая» сработала. Грохнул сильный взрыв. Он швырнул головную машину в сторону, и она вверх колесами упала в кювет. Вторая машина остановилась, как бы споткнувшись. Хотела податься назад, но взорвался бензобак, и ее тоже объело пламенем. Мы открыли огонь по уцелевшим гитлеровцам. Вдруг на дорогу метнулся Антипов. Вслед ему неслось:

— Остановись!

— Назад!

Но куда там. Парнишка был уже у горящих машин. Вернулся с автоматом. И такой радостью светилось его лицо, что у меня не нашлось слов отругать его за опрометчивый поступок.

Отходили по старому маршруту. Задержались на болоте Пушкинский мох. Задержала нас... клюква. Полу-красная, она рдела на июньском солнце тысячами бусинок. Еда партизанская была обычно пресная, и можно было понять, почему с такой «завоевательской яростью» мы набросились на ягоды. Не забыли и о товарищах — набрали полные котелки.

На четвертые сутки похода все группы собрались в условленном месте. Операция удалась. Группа Фишера на реке Роговка взорвала мостки, когда на него въехала машина, груженная снарядами. Взрыв произвел Саша Бородулин. И другие наши товарищи потрудились неплохо. Были уничтожены две машины на дороге Огорелье — Вдичко, цистерна с горючим, вырезано триста метров телефонного кабеля.

В лагерь возвращались в приподнятом настроении. Радовали не только удачные джверсы на дорогах, но и то, что обошлось они без потерь. Но беда нагрянула нас впереди. До лагеря оставалось километра четыре, когда вдруг в голове целочки раздался взрыв.

Я бросился вперед. На земле вниз лицом лежал Толя Голицын. Глянул и в ужасе отвел глаза — нет обих ног, по колено оторваны миной. Кровь бьет фонтаном.

У меня были парашютные стропы, у Филиппова и Бородулина нашлись два индивидуальных пакета. Когда делали перевязку, Голицын очнулся, открыл помутневшие глаза, что-то прошептал и опять потерял сознание. Ребята из плащ-палаток соорудили носилки. Осторожно положили на них раненого.

В душу закралась тревога: откуда здесь могла появиться мина? Может быть, осенью прошлого года какой-нибудь партизанский отряд, стараясь оторваться от карателей, приготовил им на просеке сюрприз? А может, каратели попали на нашу базу, устроили там засаду и заминировали просеку? Я поделился своими опасениями с командирами групп. Приняли решение свернуть с просени. Втянулись поглубже в лес и остановились. Заняли круговую оборону. К базе выслали разведку.

Разведчики вернулись через час. Доложили: база цела и невредима. Все облегченно вздохнули. С разведчиками пришел Федор Иванович Сазанов. Он присел возле Голицына, погладил его по голове. Толя открыл глаза, силился что-то сказать...

В лагере для Толи уже была сооружена палатка из парашюта. Наша санитарка Тоня Павлова ни на минуту не отходила от раненого. Как могли, ухаживали за своим комсомольским вожаном молодые партизаны. Но что мы могли в тех условиях сделать, если у нас не было даже йоду?..

Голыцын умер на следующий день. Под раскинутой вьюлой вырыли мы могилу и положили туда своего товарища, запеленав в кусок парашютного шелка*.

Голыцын Толя — это беззаветная юношеская верность Родине, комсомолу, партии. Жаль, что не сложены о нем песни и так мало знают о секретаре Оредежского райкома ВЛКСМ юноши и девушки Ленинграда.

Похороны Голыцына, мы вновь ушли на диверсии. В одной из наших июльских радиogramм, посланных в Ленинградский штаб партизанского движения, подавался неполный итог диверсионной деятельности отряда примерно за месяц. Сообщалось об уничтожении 18 автомашин (11 с боеприпасами) на коммуникациях, о спуске под откос вражеского эшелона из 20 вагонов, об истреблении более сотни оккупантов. Были и более мелкие диверсии. Одного телефонного кабеля мы вырезали в разных местах более тысячи метров**.

Кстати, об уничтоженных вражеских эшелонах. По воспоминаниям некоторых авторов, получается, что расправлялись мы с этими эшелонами, что называется, лихо. Дескать, летели они под откос десятками... Да, ленинградские партизаны уничтожили много вражеских поездов. В докладе М. Н. Ныжнина на пленуме Ленинградского обкома ВКП(б) в 1944 году называлась такая цифра — 1106 эшелонов. Цифра эта внушительна уже сама по себе, но дело тут не только в арифметике. Всегда надо помнить, что каждый взорванный эшелон — это результат большого, напряженного труда. «Лихостью» здесь не обойдешься. Нужна тщательная подготовка, умение оценить обстановку и ориентироваться в ней.

* В мае 1944 года останки Анатолия Голыцына были перенесены в братскую могилу в поселке Оредеж.

** Ленинградский партийный архив (ЛПА), ф. О-116, оп. 7, д. 302.

Так, в частности, было и с эшелонам врага, который мы пустили под откос в июле. Предварительно с командирами групп Фишером и Филипповым был детально обсужден маршрут похода и предельно четко определены в операции место и действие каждого бойца.

Днем пробирались лесом, ночью преодолевали открытые места. К железной дороге Батецкая — Новгород вышли западнее станции Мойка. Ползком выбрались на опушку леса. Здесь нам путь преградил завал из беспорядочно лежащих деревьев. Остановились. Наш минер Николай Мурашова стал исследовать завал и вскоре обнаружил несколько хитро замаскированных мин нетяжного действия. Стало ясно: подобраться к дороге в этом месте весьма рискованно. отошли назад метров на двести. Остановились. Ко мне обратился командир группы Филиппов:

— На опушке высокоя ель. Разрешите мне взобраться на нее и посмотреть, что делается на дороге.

Я разрешил, и Филиппов ушел. Остальные бойцы расположились под деревьями. Утро было тихое и теплое. Терпко пахло лесной прелью. Многие партизаны сидя уснули, — сказывалась усталость от пятидесятикилометрового похода. Начал клевать носом и я. Разбудил Филиппов, вернувшийся минут через сорок.

— Здесь кто-то до нас основательно поработал, — доложил он. — Под откосом лежат паровоз, разбитые вагоны. За насыпью бункер. Охраняется. Видимо, крушение произошло недавно.

— А полотно железной дороги восстановлено?

И, как бы в ответ на мой вопрос, со станции Батецкая послышался гудок, затем по рельсам прогремел поезд.

Я развернул карту. И мы с командирами группы стали искать другое место для диверсии. Километрах в пяти западнее завала, задержавшего нас, находилась не-

большая деревушка Дорогоми. От нее к железной дороге тангулся проселок. Туда мы и направились. В густом ельнике замаскировались. Филиппов с несколькими бойцами ушли в разведку к деревне, Фишер и Самсонов — к поезду.

Часа через четыре вернулся Самсонов.

— А Фишер? — спросил я с тревогой.

— Остался наблюдать за дорогой. Меня прогнал чуть не силой. Один, говорит, управлюсь.

— Патрули позавалились на дороге?

— Не видно было.

Пришел связной от Филиппова, доложил, что гитлеровцев сегодня в деревушке нет. Я приказал продолжать наблюдение. Фишер вернулся, когда заходящее солнце уже задевало за верхушки деревьев. Мы подтянулись поближе к цели. Извлекли из мешков взрывчатку, шнур. К дороге в рядный кустарник подползли четверо: Фишер, Мурашов, Полнщик, Бородушкин. Не успели они достичь цели, как раздался паровозный гудок и длинные пулеметные очереди.

Мы замерли. Мимо нас промчался паровоз с платформой. Фашисты вели с нее огонь по лесу.

— Засекли, дьяволы, — прошептал Коля Самсонов.

— Ну, так уж и засекли. Для остротки пуляют, — рассудительно сказал Удадьцов, лежащий недалеко от меня.

Что предпринять? Решил выскочить. И правильно сделал. Через некоторое время история повторилась. Значит, прав Удадьцов.

Минеры наши поползли к насыпи. Дело свое сработали довольно быстро и вернулись. У шнура остался Николай Фишер. Вскоре паровоз со стреляющей платформой вновь возник перед нами. В темноте очертания его становились огромными, напоминали какое-то огнедышащее чудовище. Все мы переживали за Фише-

ра — вдруг шальная пуля заденет. А он после, беспечно смеясь, рассказывал, как прятал руки подальше от шнура — уж больно хотелось подбросить на воздух курящую по полотну платформу с пулеметчиками, пуфавшими партизан.

Так в ожидании и в волнениях прошла еще одна ночь. Перед самым рассветом от станции Батацкая слышался чуть уловимый перестук колес по рельсам.

— Поезд! — почти крикнул Коля Самсонов и быстро взобрался на дерево.

Перестук нарастал. Между деревьями мелькнули огни, выхватив из полутьмы кусок железной дороги.

— Состав большой, — сообщил с дерева Самсонов. — Один, два, три... десять, пятнадцать, двадцать вагонов.

Последние метры. Вот сейчас... И взрыв грянул. Под паровозом взметнулось бледно-желтое пламя, подняло его на дыбы и легко сбросило под откос. Вагоны, как живые, взбираясь друг на друга, падали на бок. В воздухе стоял звон и скрежет железа, треск ломающегося дерева. В небо взметнулись столбы черного дыма.

— Ура!

Это кричал Фишер. Он бежал к нам, подняв руки вверх и приплясывая от радости.

Делиться впечатлениями было некогда. По всей железнодорожной линии поднялась автоматная стрельба. В районе станции Мойка длинными очередами бил, захлебываясь, крупнокалиберный пулемет. Мы бросились к лесу. На месте сбора нас ждала группа Филиппова. Сразу встали на марш.

— Шире шаг! Быстрее! Быстрее! — подгонял я товарищей.

Одним махом прошли-пробежали около пяти километров. Сзади, судя по стрельбе, гитлеровцы начали прочесывать лес. К шоссе подползали осторожно. Осторожность в таких ситуациях не раз выручала отряд. Вы-

ручка и теперь. Из-за поворота дороги неожиданно вынырнул взвод. Солдаты стреляли из автоматов в... противоположную от нас сторону.

На дневку остановились, пройдя еще пятнадцать километров. И все же гитлеровцы под вечер вышли на след отряда. Секрет наш их заметил вовремя, но короткий бой пришлось дать. Внезапный сильный огонь отрезвил пыл карателей. Они надолго залегли, и мы, как обычно, сделали быстрый бросок, оторвавшись от них.

Бойцы устали, проголодались, и я дал команду двигаться на запасную базу, до которой оставалось километров десять. Там нас должна была ждать козгруппа Наточнева. А встретила... короткая автоматная очередь, сразившая Колю Самсонова. Он шел первым, только что подменив меня.

Засада? Почему тогда одна очередь? Неужели стрелял наш часовой? Эти вопросы мгновенно промелькнули в голове. Выждав немного, я крикнул:

— Наточнев, свои!

В ответ опять очередь из автомата. А затем послышалась стрельба в сторону от лесной поляны, где стояли шалаши. Значит, засада. Подхватив Самсонова на руки, мы быстро отошли. Не зная наших сил, гитлеровцы не решились на преследование.

Вражеские пули прошли грудь Коли. Он был мертв, но лежал на носилках, как живой. Лицо спокойное, ясное. Казалось, не смерть закрыла его глаза, а он просто заснул, устав от боя и походов... Похоронили мы его под березой. На стволе финиками сделали затес и вырезали пятиконечную звезду.

Часа через четыре вернулись разведчики, посланные мною на основную базу. Перебивая друг друга, доложили: база цела, пришел Федор Исакович с группой Семенова; Наточнев тоже там; только в группе Горбунова,

наравившейся на засаду у деревни Кудрово, убит боец Смирнов. Ребята видели, как он упал и не поднялся.

На базе нас ожидал горячий обед. Наскоро перекусив, я подошел к Сазанову. Он сидел у шалаша и что-то писал в своем «нолдуне» — блокноте. Лицо его было озабоченным. Встретил он меня без обычной улыбки, тихо промолвил:

— Не докладывай. Разведчики все рассказали. Неприятная история с базой-то. Привел к Наточнову гитлеровцев кто-то хорошо знавший место.

— Конечно. Но и Наточнова отругать следует, — довольно сердито проговорил я, — должен был нас предупредить.

— Он с ребятами сам еле ушел.

— А как дела у Важнова?

— На знаю. Мы его не смогли разыскать. Проверили все возможные места и нигде не обнаружили. В деревни не сунешься. Там сейчас полным-полно фашистов. Незажны наши с тобой, Иван, дела. Вот так-то, — закончил разговор Федор Иванович.

Мы долго сидели молча...

На рассвете я услышал приглушенный разговор. Поднял голову. Сазанов тоже проснулся. Вблизи нас стояли Важнов, Дмитриев и Алексей Самсонов. Нас с Сазановым словно подбросило. Мы вскочили на ноги.

— Что же вы стоите? Садитесь. Рассказывайте. Где пропадали? — торопливо заговорила Федор Иванович. — Мы всё Хинганское болото облазили и нигде вас не нашли.

Пришедшие, сбросив с плеч вещевые мешки, тяжело опустились на землю.

— Что случилось, Андрей? — с тревогой спросил я Важнова.

Важнов тяжело вздохнул и, не поднимая головы, глухо ответил:

— Погибли почти все наши подпольщики. Кипинская и Стройнинская группы разгромлены.

Сердце обдало холодом. Минут пять все молчали. Потом Важинов, собравшись с силами, начал рассказывать:

— Две недели назад, под утро, к нашим шалахам пришел связной Вася Дмитриев и сообщил, что в Стройно и в Теребушках остановились на ночлег какие-то люди, человек сорок. Одеты в гражданское, у некоторых военные гимнастерки и фуражки, вооружены нашими автоматами ППШ и ручными пулеметами. Говорят, что недавно их сбросили с самолетов. Радист при приземлении погиб и разбилась рация. Спрашивали у населения, как связаться с местными партизанами.

Я подумал: наверно, какой-нибудь партизанский отряд прибыл с Большой земли. Ребята обстансани в районе не знают и решили остановиться в деревнях. Надо предупредить их об опасности, да, может, удастся у них свести советскими газетами и листовками разжить. И мы сразу же отправились в деревню Стройно. Но только подошли к опушке леса, как в деревне слышались раздражающе душу крики, а через некоторое время раздались несколько автоматных очередей. Затем из деревни начали бить по лесу пулеметы и автоматы. Мы отошли к своим шалахам и решили ночью выслышать, что произошло в деревне Стройно.

После обеда к нам прибежал член Кипинской подпольной группы Леша Романов. Он долго не мог успокоиться, все плакал. Потом рассказал, что в деревнях Кипино и Курско появились вооруженные люди, выдавшие себя за партизан, переночевали, а утром схватили Колю Михайлова, Валю и Петю Горчановых, расстреляли и бросили в яму. А Тимофей Дмитриев долго били, потом погнали в лес разыскивать партизан.

Мы только собрались уходить с Хиновицкого болота, как началась праческа. Стреляли со всех сторон, от Килино, Стройно, Стай, Хиновино. Но нам удалось проскочить на юг к деревням Холомыца и Коростынь. Там мы пробыли трое суток. Я связался с бывшим ветфельдшером Петровым из Холомыц и дядей Ваней Гезриловым из Коростыни. Иван Иванович их знает, они нам помогают с августа сорок первого года. Через них нам удалось установить, что в Стройно расстреляны руководитель подпольной группы Иван Александрович Александров, его жена Сарафима, члены подпольной группы Зина Александрова, Пелагея Иванова, Таисия Иванова и еще несколько человек, в Теребушах расстрелян подпольщик Алексей Иванов.

Важнов замолчал. Молчали и все остальные. У меня стучало в висках. Гибель таких замечательных людей в голову не укладывалась, сердцем не принималась.

Сазанов спросил:

— А что с Тимофеем Дмитриевым? Неужели он повел провокаторов к нашим возможным стоянкам?

— Нет! — ответил Важнов. — Жители деревни рассказывали, что он довел их до опушки, а дальше идти отказался. Тогда они ножами вырезали ему звезду на спине и повесили.

— Чудовищно! — воскликнул Михеев. — И страшно то, что сделано это руками наших людей.

— Чудовищно — это верно, — сказал, садясь на лень, Федор Иванович, — но дальше ты неправ, Михеев. Какого там «наши люди»? Конкретный виновник здесь орденский комендант майор Брукс или ему подобные. Но обошлось, конечно, и без гестапо. Там сидят материальные провокаторы. И жаль, что мы подчас об этом забываем. Думаю, что среди тех, кто выдавал себя за партизан, немало было переодетых фашистов, знающих русский язык. Был, конечно, и уголовный сброд. Гитлеровцы го-

тат не только создать видимость участия в «новом порядке» жителям оккупированного края, но подчас их руками творить также суд и расправу. И делают ставку на всякие поводы. Давайте-ка думать об улучшении конспирации оставшегося подполья, о мерах предупреждения новых провокаций.

Наш «первый» тогда, как говорится, точно в воду глядел. События последующих месяцев и лет войны подтвердили его слова. Масштаб провокаций рос. Позже я узнал, что в декабре 1942 года в Луге была создана специальная часть (правильнее ее назвать банда) диверсионная во главе с авантюристом поляком Мартыновским. Кровавый след ее тянулся от Луги по деревням Псковщины, Белоруссии, Польши, Югославии. Направляла разбой и провокации бандитов Мартыновского спецслужба, подчиненная непосредственно Гиммлеру.

В 1970 году три месяца военный трибунал Ленинградского ордена Ленина военного округа разбирал дело группы бывших карателей из отряда тайной полевой полиции «ГФП-520». В ходе судебного расследования предатели были полностью изобличены, установлена их вина в тяжелейших преступлениях. Один из подсудимых, И. Морозов, был активным участником расправы в деревне Стройно. Иуда получил наконец по заслугам — расстрел, но тогдашние хозяева Морозова комиссар полиции капитан Губерт Райхе и его заместитель бывший уголовник Франц Шлахтицкий здравствуют и ныне, укрываясь в ФРГ. Годы не изгладят из памяти нашей их злодеяний. Изверги рода человеческого должны предстать перед судом.

Гитлеровцы, обнаружив нашу запасную базу, нашли тропу и к основной. В полдень того дня, когда мы узнали о разгроме двух подпольных групп, секрет наш заметил десять фашистских разведчиков, пробравшихся к базе. Один из гитлеровцев подорвался на mine.

Остальные залегли за деревьями, но стрелять по лесу, как обычно они делали, не стали. Наши дозорные ничем не выдали себя. Солдаты забрали убитого и потихоньку отошли.

— Жди нападения, командир, — сказал мне Сазанов, выслушав донесение бойца из секрета.

Обсуждали создавшееся положение на совете командиров. Решили покинуть лагерь, имитировав поспешное бегство. А дальше действовать по обстановке: будут идти каратели по нашему следу — дать бой, не пойдут — совсем хорошо. Вооружены и провант отправили с группой бойцов за восемь километров от базы, к болоту Толстовский мох. Недалека от лагеря, у большой поляны, оборудовали гнезда для двух пулеметов в удобных местах — так, чтобы простреливалась вся поляна, — расположили автоматчиков.

Ночь прошла спокойно. Часов в девять утра часовой с вышки сообщил, что на поляне появились каратели. Все партизаны заняли свои места, приготовились к бою. Я лег за пулемет.

— Без команды не стрелять, — передав по цепочке Сазанов и стал за ствол толстой березы.

Нам хорошо было видно вся поляна. Вот на середине ее появилось человек тридцать гитлеровцев. Они стали рассматривать нашу тропу. Из леса к ним подошли еще две группы. О чем-то заспорили. Стоят во весь рост, не таясь. Потом двинулись в нашу сторону. Подошли к нам метров на восемьдесят.

— Давай! Иван! Пора! — крикнул Сазанов.

Я нажал на гашетку. Лесную тишину разорвала длинная очередь. Заработали все наши автоматы, второй пулемет. Несколько гитлеровцев упало, остальные бросились врассыпную. Наши ребята поднимаются. По лесу разносится мощный «ура!». Всех охватил боевой азарт. За многие месяцы войны я ничего подобного не видел

и не испытывал. Мы догоняли карателей, расстреливали их. Все слилось в один какой-то сумасшедший гул — крики, автоматные очереди. Зашумел, застонал лес.

Трое в грязно-зеленых френчах подняли руки. Закричали:

— Не стреляйте! Мы русские.

К ним подскочил боец Мурашов.

— Русские, говорите! Продажная падала! — Лицо его сделалось страшным, и не успел я вмешаться, как он полоснул по изменникам длинной очередью.

Ко мне подошел Сазанов. Ворот гимнастерки расстегнут, по щекам градом катится пот. Устало проговорил:

— Давай отбой, командир. Слышишь, куда удалилась стрельба. Каратели могут опривиться и подстеречь отдельных бойцов.

Но все обошлось благополучно. Минут через двадцать все возвратились. Командир группы Горбунов притащил за воротник своего бывшего бойца Смирнова.

— Вот эта саблочь привела к нам карателей! — выкрикнул он. — А я-то ждал эту мразь. Думал, погиб...

Партизаны набросились на предателя, готовы растерзать его в клочья.

— Прекратить! — крикнул Сазанов. — Уведите.

Мы с бойцами обошли поляну, опушку. Собрали трофеи: восемь карабинов, семь автоматов, один пулемет, три пистолета, миномет и три коробки мины. У убитого офицера обнаружили карту, на которой крестиками были отмечены места нахождения наших баз. У ефрейтора в вещевом мешке нашли пачку денег — восемнадцать тысяч нашими советскими купюрами, три золотых кольца, две пары серёжек.

— Вот истинная цель прихода к нам завоевателей Европы, — заговорил Михеев, показывая бойцам награбленное.

— Считай: три кольца — три убитых советских человека. Небось, с мертвых снимал. Жаль, что раньше не пристукнули мародера, — зло сказал Дмитриев.

Я отозвал в сторону Сазанова:

— Что будем делать со Смирновым?

— Дано он в отряде?

— Прибыл из Боровичей весной.

— Пусть решит суд.

Вечером состоялся суд над предателем. Я построил партизан в две шеренги. Между ними поставили Смирнова. Председателем партизанского суда избрали комиссара отряда А. Г. Важинова, заседателями — А. И. Михеева и А. Е. Дмитриева. Они вышли на середину.

— Подсудимый, почему сдался фашистам? — задал вопрос председательствующий.

— Я не сдавался. Они меня схватили на поле.

— Ты что, ранен был?

— Нет. Я упал. Немецы были близко, и я испугался.

— Что случилось дальше?

— Солдаты отвели меня в деревню и там били. Потом переводчик сказал мне: «Если хочешь жить, веди нас в лес и указывай, где находятся партизаны».

Смирнов стоял, размазывая по лицу слезы. И невнятно что-то мамлил.

— Значит, решил спасти свою подлую шкуру ценой гибели своих товарищей? — спросил Дмитриев. — Так я понимаю? Ты знаешь, что на Островской базе каратели убили Колю Самсонова? Знай — кровь его и на твоей проданной совести.

Смирнов молчал, стягивая голову в плечи.

— Хахити! Все ясно! Повесить! — загудели обе шеренги.

Важинов объявил:

— Суд удалется на совещание для вынесения приговора.

Судьи отошли от строя метров на двадцать. Когда вернулись, Важнов объявил:

— Именем Союза Советских Социалистических Республик партизанский суд за измену Родины и предательство своих товарищей бывшего бойца отряда Смирнова приговорил к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Из строя вышел Горбунов:

— Разрешите мне привести приговор в исполнение.

Важнов кивнул головой.

— Пошли, пададь! — Горбунов подтолкнул Смирнова в спину автоматом. Вскоре в лесу раздалась короткая очередь.

Предполагая, что каратели не оставят попыток найти нас, мы с комиссаром решили вновь дать им бой.

— Сделаем это на территории лагеря, — предложил Важнов. — Ведь они думают, что мы покинули его, и не преминут заглянуть сюда.

Я согласился, но высказал опасение, что бойцы изрядно вымотались и выиграть бой будет нелегко.

— А вы посоветуйтесь с ребятами, — подсказал Сазанов, слышавший наш разговор.

Подняли отряд. Общее мнение было — драться здесь. Сразу же принялись за подготовку: почти у всех толстых деревьев вблизи лагеря установили мины нажатного действия, несколько человек превратились в «кукушки» — расположились в ветвях больших елей, оборудовали позицию для миномета.

После обеда на противоположной стороне поляны замелькали френчи и пилотки. Гитлеровцы уже не лезли на поляну, как накануне, а перебегали от дерева к дереву. Мы молчали, стараясь подпустить их поближе, чтобы бить наверняка. Но вот раздался взрыв, кто-то из гитлеровцев напоролся на мину. И сразу в нашу сторону ударили два крупнокалиберных пулемета. Сол-

даты осмелели, побежали вперед, закричали. Мы открыли огонь. Прижали их и земля, но их пулеметы продолжали бить разрывными.

— Постарайтесь накрыть пулеметы! — крикнул я своим минометчикам.

Через наши головы понеслись мины. После разрыва пятой один вражеский пулемет замолчал. Минометчики перенесли огонь, но второй пулеметчик оказался опытным. Он то и дело менял позиции и бил длинными очередями то по левому, то по правому нашему флангу.

Каратели вновь поднялись в атаку. Но, встретив сильный огонь, попятались, стали отползать назад, прячась за деревья. В нескольких местах раздались взрывы наших «сюрпризов».

На правом фланге появился долговязый офицер. Он кричал, ругался, размахивал пистолетом. Гитлеровцы начали вновь на нас насаждать. Человек десять подползли к нам метров на тридцать. Я увидел, как из-за дерева рыжий верзилка целится из карабина в Анатолия Дмитриева, и полоснул его очередью. Но он успел выстрелить. Дмитриев вскрикнул, упал на землю, кубарем откатился за корягу, но продолжал оттуда стрелять. Другой фашист бросил гранату. Она разорвалась метрах в десяти. Мне обожгло бедро и колено. Все вокруг трещало, гремело. Мимо меня санитарка Тоня Павлова протаскала Дмитрия Прокофьева, все лицо его было залито кровью.

Наш пулеметчик перенес огонь на эту группу карателей. Они дрогнули, побежали. Только офицер стоял во весь рост и ругался. Саша Бородулин дал по нему очередь. Навсегда успокоился и этот вояка.

Часам к пяти вечера бой затих. Каратели отошли назад в деревню. Стали собираться в дорогу и мы. Выставив на опушке наблюдателей, втянулись метров на триста в лес. Бойцы принесли убитых Алексея Самсо-

нова и Дмитрия Прокофьева, положили под елью. Пришел, опираясь на палку, Анатолий Дмитриев. Он был ранен в бедро.

— Под счастливой звездой, видно, ты родился, Толя, — перевязывая ему рану, говорила Тоня. — Хорошо, что пуля в джок попала, а то бы всю кость раздробило.

Вырыли могилу. Я построил отряд. Обнажив головы, бойцы замерли в скорбном молчании. Похоронив своих боевых товарищей, двинулся в путь.

Шли на юго-запад, тщательно маскируя следы. Километров через десять повернули на север, к Болоту Толстовский мох. Туда, куда накануне боя отнесли продукты и боеприпасы. После параога же привала Дмитриев не мог подняться. Пришлось нести его на носилках.

Я всю дорогу чувствовал жгучую боль в правом бедре. Забыв о взрыве гранаты, решил, что натер ремнем. Когда пришли на новое место, обнаружил ранку, в которой торчал осколок. Пришлось обратиться к нашей медсестре.

Каратели некоторое время не беспокоили нас. От жителей деревни Горки мы узнали, что в Кудрово побитые гитлеровцы хвастали: вели бой с тремя сотнями лесных бандитов и красноармейцев, почти всех уничтожили, лагерь разгромили. Ничего не скажешь — гейбельсовская школа вранья!

Во второй половине лета у нас было немало встреч с товарищами по оружию. То позвонили четырнадцать лужан из отрядов Лужина и Романова, то навестила группа слуцких товарищей*, затем пожаловало несколько партизан под командованием Каминского. Мы всех их привечали, как могли. По-братски делились продуктами, боеприпасами. Давали проводников, снабжали адресами надежных людей.

* До войны Павловск назывался Слуцком.

Рассказы наших гостей (большинство из них пробиралось в свои районы из советского тыла) радовали: от Москвы опасность окончательно отведена, ленинградцы по-прежнему мужественно обороняются,— угроза голодной смерти в городе ликвидирована. Негасимы костры партизанские: в тыл врага забрасываются все новые и новые отряды, во многие оккупированные районы области направлены партгруппы взамен погибших райкомовцев.

С лета сорок второго года партизанское движение в тылах фашистских армий группы «Север» вновь развивалось по восходящей линии. Конечно, всего мы тогда не знали, но каждой доброй весточке о борьбе народных мстителей радовались.

В те дни отряд наш обзавелся наконец своим врачом. В группе Каминского был военфельдшер Михаил Семенович Шохин. Человек молодой, энергичный и знающий свое дело. Воевал он с июля сорок первого — участвовал в обороне Таллина. Во время прорыва ядра флота из главной базы в Кронштадт корабль, на котором был Шохин, потопили, и ему пришлось двое суток плавать в водах залива, держась за большую доску. Морик-фельдшер всем нам понравился, и мы уговорили командира группы оставить его в отряде. Каминский, понимая, как нам тяжело без врача, согласился.

Только что Каминский с товарищами покинул наш лагерь — часовой привел нового гостя. Им был наш лужский сосед — секретарь подпольного райкома И. Д. Дмитриев.

— Опять к нам? — хитровато прищурил глаза, рассмеялся Сазанов.

— Опять. Выручайте. — И Дмитриев, опустившись на землю, подтянул к подбородку колени. — Язва проклятая замучила.

— Ты один, что ли? — спросила я Дмитриева.

— Нет. У вашего секрета еще шесть человек лужан да один военный. Иван Иванович, скажи часовому, пусть их пропустит сюда.

Вскоре в лагере появилась группа людей, еле живых, усталых, голодных. Военный оказался начальником связи 2-й ударной армии генерал-майором Алексеем Васильевичем Афанасьевым. Он рассказал, что штаб армии пробивался из окружения вместе с комендантским взводом и партизанским батальоном Туваловича. Бой шли несколько дней. Ночью удалось мелкими группами просочиться на запад. Долго блуждали по лесу, затем недалеко от деревни Язвинка разбились на мелкие группы, считая, что так легче будет перебраться через линию фронта.

Сазанов немедленно об этом радировал М. Н. Нинину.

Через час мы получили ответную радиограмму с приказанием немедленно подобрать площадку для посадки самолетов и организовать поиски командного состава 2-й ударной армии. Для нас была выделена аварийная волна, в партизанском штабе введено круглосуточное дежурство радистов.

В одной из радиограмм, полученных нами, указывалось, что поиски командования 2-й ударной армии «сейчас главная ваша задача, поставленная Москвой». К ее решению кроме нас были привлечены большие партизанские силы. Отряды и спецгруппы несли жертвы (в августе погибли командир легендарного отряда лесгафтовцев Косицын, почти полностью группа Конурова, большинство бойцов группы Фишера из нашего отряда), но настойчиво продолжали искать штаб разбитой армии.

Оредежцы разыскивали несколько командиров и оказали им помощь в переходе линии фронта. Генерал

Афанасьев был отправлен в советский тыл самолетом. Улетела наша машина под огнем, а второй самолет, севший на «аэродром», найденный с огромным трудом нами вблизи деревни Жилое Рыдно, загорелся при обстреле и взорвался.

Из рассказов спасенных мы ничего не смогли узнать о судьбе члена Военного совета армии дивизионного комиссара Зуева, некогда так гостеприимно принимавшего нас — ореденцев. Говорили о нем все хорошо: держался мужественно, подбадривал других*. Начальник особого отдела армии бригадный комиссар Шашков, тяжело раненный, чтобы не попасть в плен, застрелился. О командарме Власове, как изменнике Родины, просочился к нам сначала слух, затем пришло из разных источников подтверждение. В семье, конечно, не без уroda, но обидно было узнать, что человек с гнилым нутром занимал столь ответственный пост в такое тревожное для Отечества время.

А каратели продолжали насеждать. Их разведывательные группы крутились вблизи нашего лагеря. И вскоре нам пришлось дать бой. Накануне у нас была еще тяжелая потеря. У шоссе Вырица — Тосно, возвращаясь с боевого задания, наскочил на мину Горбунов. Ему оторвало ступню. И быть может, выжил бы наш храбрый товарищ, да попал он в лагерь лишь через сутки.

— Ну, как его дела? — с тревогой спросил я Шохина после перевязки раненого.

— Плохи, товарищ командир, — ответил наш доктор. — Гангрена. Больше суток не протянет.

* Обстоятельства трагической гибели Ивана Васильевича Зуева спустя 23 года установили школьники деревни Коломовка Чудовского района Новгородской области. (Подробнее об этом см. в книге Б. Гусева и Д. Мамлеева «Смерть комиссара». М., Политиздат, 1987.)

Умирал Павел Матвеевич мужественно. Ложал с закрытыми глазами, искусал все губы, но не издал ни одного стога. Умер за полчаса до боя.

Как ни рвался враг, а сбить нас с занимаемых позиций не смог. Держались мы стойко. Каждый понимал — отступать некуда. Кругом каратели. Надо любой ценой продержаться до ночи.

Особенно отличились в этом бою командиры групп Коля Семенов, Павел Филиппов, Михаил Павлов; бойцы Саша Вородулин, Венья Антипов, Николай Муршов, Николай Козлов, Анатолий Дмитриев, который еще не оправился от ранения, но залег в укрытие и наравне со всеми отражал атаки карателей.

Храбро вел себя в бою и наш новый товарищ Михаил Шохин. Под огнем противника он появлялся то в одном, то в другом месте. Прибежит, спросит: «Есть раненые? Нет?» Встанет за деревом, даст по карателям несколько очередей из автомата и победит дальше.

Только под вечер каратели прекратили атаки. Но из леса не уходили и методически, редкими очередями обстреливали нас. Мы приняли решение: разведать слабые места в кольце окружения, прорваться и уходить на юг.

Часам к двенадцати ночи вернулись разведчики и доложили, что просену, идущую в полукилометре от нашего лагеря, контролируют лишь три десятка солдат. На самой просеке выставлены редкие часовые, а остальные гитлеровцы расположились в стороне.

Решили обмануть противника. В центре лагеря разложили костры. В них бросили несколько патронов, чтобы они через некоторое время, взрываясь, имитировали стрельбу. А сами тем временем подтянулись к просеке, к тому месту, где засела группа карателей. Удалось подойти почти вплотную. Были слышны разговоры, потрескивание сучьев в кострах.

— Пошли,— тихо командовал я.

И мы пошли, полняя все перед собой разящим свинцом. Прорвались, хотя, честно говоря, не было у нас с Сазановым в ту ночь больших надежд на успех.

За остаток ночи далеко уйти не смогли. В пути меня все время мучили тревожные мысли: не оставят сейчас каратели нас в покое, нужен заслон, чтобы оторваться. Но послать кого-то в прикрытие — послать на верную гибель. Что же делать? Где выход?

— Выход один, командир, нужно оставить прикрытие.

Я даже вздрогнул, когда услышал эти слова Сазанова. Он будто проник в мои мысли.

— Дорогая цена, Федор Иванович.

— Очень, но отряд дороже.

— Хорошо,— глухо сказал я,— но только добровольцы.

И вот стоят мои товарищи по боям и походам, стоят намотанные донельзя и слушают, как их командир предлагает им остаться на верную смерть. Трудно произносить такое, и я говорю сухо.

— Повторяю — нужны только добровольцы.

Молчанье. Как долги и даже страшны его секунды. Сколько их прошло — три, четыре?

Протирая очки платком, вперед выходит комиссар отряда, спокойно говорит:

— Остаюсь я.

С ним рядом становятся Бородулин, Муршов, Козлов, Терещенко, Лысенко. Хотят сделать шаг вперед и другие, но я почти кричу:

— Довольно.

А позади уже слышен голос крупнокалиберного пулемета...

В лесном массиве у речки Каменка находилась наша последняя запасная база. Туда я и повел отряд. Добра-

лись уже ночью. На базе кто-то до нас похозяйничал. Боеприпасы были целы, а продукты все взяты. Ругали мы вьючанку их исчезновения на чем свет стоит. Им оказался, как стало мне известно позднее, командир партизанского отряда А. И. Сотников. Он с группой командного состава 2-й ударной армии направлялся за линию фронта и, случайно наткнувшись на нашу базу, «позанимствовал» провиант.

Положение осложнилось. Достать продукты у местных жителей не представлялось возможности. Деревни в этих местах пустовали. Большинство населения ушло с отступающими частями Красной Армии. Пришлось запросить продукты с Большой земли.

Нам повезло. Погода была летная, и на следующую же ночь прилетели два самолета: сбросили сухари, концентраты пшеники и гречки, консервы, а также свежие газеты и листовки.

— Теперь нам не страшен серый волк,— шутили бойцы.

Утром наши секреты заметили двух человек. Они шли спотыкаясь, останавливаясь. Когда подошли ближе, их узнали. Это были комиссар отряда Важнов и Николай Козлов... Группа прикрытия долго удерживала занятый рубеж. Когда были убиты Терещенко, Лысенко и замолчал автомат Мурашова, трое наших товарищей укрылись за поваленную на землю осину и держались еще полчаса. Вали огонь до тех пор, пока не опустели автоматные диски. Гитлеровцы наседали со всех сторон. Саша Бородулин поднялся, бросил в карателей одну гранату, другую и упал, сраженный пулей. Солдаты на несколько минут прекратили огонь. Это и спасло Важнова и Козлова. Они незаметно отползли в сторону.

На третьи сутки мы вернулись в те места, где героически сражалась группа прикрытия. Саша Бородулин

лежал у толстой осины. Она вся была изрешечена пулями. Метрах в пятнадцать темнели две воронки от разрыва гранат...

Целый год мы с ним воевали рядом, спали под одной елкой, грелись у одного костра, делили последний сухарь. Саша был бесстрашным бойцом, искусным разведчиком, человеком, не унывающим в самой сложной обстановке. Я смотрел на его обветренное, немного курносое и даже после смерти красное лицо, и разум отказывался верить, что его больше нет с нами.

Похоронив героев, мы отправились в старый лагерь. Теперь больше двух суток нельзя было оставаться на одном месте.

Пришлось изменить тактику. Мы постоянно курсировали в прифронтной полосе, производили диверсии на коммуникациях противника и быстро уходили. На шоссе Вырица — Тосно уничтожили автомашину с солдатами. На реке Суйда взорвали большой деревянный мост. Перебрались на железнодорожную трассу и между деревнями Конечин и Голубочки пустили под откос моторов и шесть вагонов с боеприпасами. Заминировали дорогу Дубсаник — Большое Егланно. Затем совершили пятидесятикилометровый бросок на юг района.

В таких боях и походах встретили мы вторую военную осень. Сазанова в это время уже не было с нами. Он по приказу штаба улетел в советский тыл вместе с И. Д. Дмитриевым. Нас осталось всего двадцать восемь человек.

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

Как-то вскоре после войны довелось мне посмотреть спектакль «Второе дыхание» в Ленинградском академическом театре имени А. С. Пушкина. Впечатляюще были поставлены эпизоды, когда герои пьесы — военные моряки действуют, казалось бы, в безвыходном положении, черпают силы во втором дыхании, рождаемом огромным волевым напряжением. Я смотрел на сцену, а память уносила меня в лесные деревушки и торфяные болота Новгородчины, на берега озера Бабро — туда, где мне и моим товарищам пришлось выдержать тяжелейшие испытания — действовать на крайнем пределе сил. Было это во время октябрьского листопада и в дождливые, холодные ноябрьские дни 1942 года.

Обстановка в районах, где мы находились тогда, накалилась до отказа. После трагического конца боевых действий нашей 2-й ударной армии фашистское командование сняло с фронта части охранных войск. Они по-

полнили тыловые гарнизоны и карательные отряды. Репрессии усилились.

Во всех населенных пунктах распространялся приказ коменданта охранного района 16-й немецкой армии. Он гласил: «Все обращенные листовки, заметки, воззвания и т. д. от Советской Армии или от банд (партизан) должны быть тотчас же без исключения сданы на ближайший военный пункт. Если будут обнаружены такие листовки или воззвания и прочий подобный материал на руках или в домах жителей, то дома этих лиц, как наказания, будут сожжены». И каратели жгли, расстреливали.

И все же мы находили и в те дни поддержку со стороны населения. Помнится такой случай. После отлета Сазанова на большую землю отряд, оторвавшись от карателей, пробирался к деревне Лошницы. Шли по торфяному болоту, среди редких, низкорослых сосенок и корявых березок. Ноги влезли по колена. За голенища сапог набиралась коричневая жижа.

— Когда кончится эта чертова дыра! — ворчали партизаны.

Наконец выбрались на место посуше. Через сеть дождя виднелись деревенские строения. В Лошницах жили замечательные советские патриоты — старики и старушка Изосимовы. Они с первого дня оккупации района помогали нам. У нас было условлено с ними: если над домом поднят сворочник — деревня свободна. Нет сворочника — в деревне гитлеровцы.

К нашей большой радости, на этот раз над домом Изосимовых был сворочник. Значит, можно зайти в деревню, отдохнуть, обсушиться, побеседовать с жителями.

Остановились в центре деревни. На улице ни души, хоть время неподходящее. Я подошел к дому Петровых. Постучал в окно. Шелась, потом чуть приоткры-

лась занавеска. Показалось и быстро исчезло женское лицо. Настойчиво постучал в дверь. Прислушался. В сенях послышался шепот!

— Мама. Это, кажется, секретарь райкома партии Исаков.

— Он самый! — крикнул я.

Дверь распахнулась. На пороге появились две женщины.

— Извините, — сказала та, что помоложе, — мы думали, опять пришли немцы и полиция, что выдают себя за партизан. А вас всегда рады видеть. Заходите.

Мы с комиссаром отряда и радистом зашли в дом. Разместились по хатам и остальные бойцы. Весть о том, что пришли ордежские партизаны, быстро облетела деревню. В дом Анастасии Петровой набилось полно народа. Желание знать правду о положении на фронте, в столице и в Ленинграде было сильнее страха перед лютыми карателями.

Я, не таясь, рассказал о тяжелом положении отряда и об отходе 2-й ударной армии, об успехах наших войск, отбросивших врага далеко от Москвы, прочитал из газеты сообщение о грозных ударах балтийских моряков по коммуникациям противника. Важнов раздел десяток экземпляров газеты нашего района «Заря коммуны»^{*} и несколько листовок. Брели их охотно.

Покинули Лошницы мы в полночь. Уходили отдохнув, унося с собой тепло сердец непокоренных русских людей. Путь наш лежал к железной дороге Батецкая — Новгород. Вечером следующих суток мы минировали ее. Погода была самая что ни на есть «партизанская»: надвинулась черная туча, все небо сияло от молний, по-

^{*} Газета печаталась в типографии Волховской оперативной группы. Тираж ее колебался от 200 до 400 экземпляров.

том хлынул проливной дождь, густая темень окутала плотно «железки» и все кругом, дул сильный ветер.

Диверсию провели под носом у врага — в семидесяти метрах от наблюдательного пункта охраны. Кудрявцев и Удалов минировали магистраль. Прикрывали их справа Павлов и я, слева — Семенов и Филиппов. Меня все время мучили сомнения — удастся ли ребятам точно установить взрыватель? Мы впервые пользовались взрывателями минного действия. Но мины наши оказались на высоте.

Той же ночью громыхнул взрыв. На наш боевой счет был занесен еще один вражеский эшелон. Темень, дождь и ветер помогли отряду благополучно выбраться из зоны диверсии. Утром с берега озера Бебро я дал в Неболочь Гузеву радиограмму: сообщил о подрыве эшелона и просил сбросить боеприпасы и продукты. И то и другое сразу, в одну ночь. Теперь мы нигде не задерживались больше чем на сутки.

Озеро Бебро расположено среди труднопроходимых Песово-Нетыльских болот. Среди топей, как оазисы в пустыне, приоткрылось несколько островков. Один из них стал нашим пристанищем. Бойцы, укрывшись плащ-палатками, спали под деревьями. Важно, Бухов и я сидели у маленького костерка и ждали возвращения разведчиков. Вести, принесенные ими, были нерадостными. Во всех окружающих деревнях — Ушници, Солони, Волосково, Замостье — стоят карательные отряды, а в поселке Финев Луг расквартировалась воинская часть на менее пятисот человек, отведенная с Волховского фронта на отдых.

— Да! Обстановка для приема самолетов неподходящая, — с досадой сказал Важно.

— Даже очень неподходящая, Андрей, — подтвердил я. — Но другого выхода у нас нет. Воевать нечем, да и в желудках пусто. Если Гузев сбросит продукты и бое-

припасы в одну ночь, то можно попытаться проскользнуть мимо Солоней, а дальше пойдем на «Варшавану».

Важнов и Бухов со мной согласились. Я вызвал радиста и передал ему текст радиogramмы с указанием квадрата и системы сигналов. В пять часов вечера был получен ответ: «Ждите самолеты сегодня ночью».

Эта весть приободрила бойцов. Ждали «воздушных извозчиков» с большим нетерпением. Но вот раздался крик Удалова, заметившего первым в небе наших авиаторов:

— Братки, самолеты!

Считаем: один, два... шесть. Самолеты разворачиваются и начинают сбрасывать парашюты. Мы ликуем. Но что это! Летят и земля не бьется, а спускаются на парашютах люди. Первым приземляется здоровый, коренастый парень. Нетерпеливо подходит к нам, спрашивает:

— Где я могу видеть командира отряда Исакова?

Отвечаю:

— Я Исаков.

— Максимов. Будущий ваш сосед и коллега.

Второй спустившийся на парашюте товарищ был представителем штаба партизанского движения Алесинено. Прилетел с заданием от М. Н. Никитина — изучить возможность организации зимних баз на территории Оредежского и Тосненского районов.

— Сегодня ночью, — сказал Максимов, — должны прилететь наши самолеты У-2 и сбросить двадцать восемь бойцов моего отряда. Как у вас тут с обстановкой?

— Хуже не придумаешь, но воевать еще можно.

— В самое пекло приземлились, — добавил Важнов.

Ночью приняли отряд Максимова из двадцати четырех человек, четверых отнесло в сторону, и найти их не удалось. Уходить и оставлять товарищей было нель-

за, так как они могли запросто нарваться на карателей. Начались поиски. Перед каждой деревней на опушке леса выставляли секреты с пулеметами.

Самолеты, естественно, были замечены. От деревни Финев Луг на Ушницы проследовало около полутора сотен автоматчиков, видимо, с целью найти парашютистов. Однако день пережили мы относительно спокойно. Я послал радиogramму: «Прошу запретить в этот квадрат сбрасывать нам людей — опасно». Дал новые координаты. Ответ опять был обнадеживающим: ждите боеприпасы и продукты сегодня ночью.

Наступила ночь. Опять мы полны ожиданий и тревоги. Все наготове к приему. После полуночи услышали характерное урчание самолетов У-2. Семь машин. Разворачиваются и сбрасывают... опять парашютистов.

Возмущаемся, ругаемся, но делать нечего, собираем десант. Освободившись от парашютов, к нам подходят четверо товарищей. Один из них рекомендует командиром отряда Фокиным. Вид у него усталый: плетка сдвинута на макушку и повернута набок, грудь наестественно выпячена вперед, ноги широко расставлены. Сплюсывая через зубы, насмешливо говорит:

— Долго вы тут с фрицами чикаетесь.

— Приходится, — сдерживая себя, отвечаю новоявленному «герою».

Он продолжает в том же духе:

— Дадим им по мозгам. Узнают у нас кузькину мать.

— Дай-то бог нашему теляти волка слопать, — зло бросает Важнов.

Нечасто, к счастью, но все же попадались такие ухари на партизанских тропах.

Провантс наш отряд так и не получил тогда, но бойцы Манского по-братски с нами поделились. Фо-

кин же своему старшине категорически запретил «разбазаривать фонды». Хотели мы этого напыщенного гуса «привести в христову веру», как предлагал комиссар, да потом махнули, как говорится, руной. А зря.

В полдень следующего дня каратели вышли к нашим секретам. Пока бойцы из секретов вели с ними перестрелку, мы уже сумели окопаться.

Между лесными островками, на которых мы расположились, голое болото без единого деревца и кустика. Обороняться выгодно. Я принял командование своими силами, заняв со своим отрядом центральное положение. Левый фланг оборонял отряд Максимова, с ним остались представитель штаба Алексеевко и Важнов. Оборона правого фланга была поручена Фокину. Задачу поставил: любой ценой продержаться до наступления темноты.

Начался бой. В разгар его неожиданно на правом фланге прекратилась стрельба. Я подозвал связного из отряда Фокина, приказал немедленно выяснить, что случилось. Наши отряды друг от друга были расположены на расстоянии 300—400 метров. Вскоре связной вернулся. Он был ранен в грудь пулей навывлет. Зажимая рукой рану, доложил, что на правом фланге никого нет, а немцы уже ползут по болоту к нашему островку. Значит, Фокин бросил оборону и сбежал... Каким сукинным сыном надо быть, чтобы так поступить в критический момент!

Раздумывать, однако, было некогда, — оборона наша рушилась. Соединившись с отрядом Максимова, мы стали отходить к озеру. По пути трое раненых умерли. Похоронить их не смогли. Оторвались от преследования с трудом.

Ночью Максимов увел свой отряд для выполнения полученного задания еще на Большой земле, а мы остались искать пропавших Важнова и Алексеевко. Нашли...

убитыми. Лежали они в канаве, в руках застыло оружие.

— Эх, Андриуша, Андриуша,— шептал я, глядя на мертвого друга...

Сколько раз отважно шел наш комиссар навстречу смертельной опасности, подавая своей спокойной уверенностью пример бойцам. Сколько раз при тяжелойших передышках звучал рассудительно его голос, немного добродушный, немного ироничский, и все становилось вдруг обиденнее и проща. Больше мы его не услышим...

От озера Бабро отряд перекочевал на границу Оренбургского и Батецкого районов, к деревне Савины Поляны, но и здесь было полно карателей. На мою злую радиogramму Никитину о «худесниках из опергруппы», оставивших нас без боеприпасов и продуктов, опять пришло по эфиру обещание выполнить нашу просьбу. Позже снабжение партизанских отрядов было налажено оперативно. А тогда (мы не знали об этом) не звало самолетов, не было исчерпывающей информации в штабе о положении нашего отряда. Вдобавок туманы и дожди создали невозможную погоду для полетов авиации. Когда она чуть-чуть прояснилась, история повторилась. В наш лагерь были сброшены две группы партизан.

Одна из них состояла из испанцев-антифашистов, живших в Советском Союзе, другая — из наших комсомольцев и имела задание Ленинградского областного комсомола. Испанцами командовал товарищ Висенте Алькальде, комсомольцами — Анатолий Кирилов.

Испанцы пробыли у нас недолго — всего несколько часов. Их появление в тылах фашистских войск произвело большое впечатление на моих товарищей, особенно на тех, кто был постарше. В нас крепко жила па-

мать о днях, когда полыхал в огне Мадрид и антифашисты — венгры, немцы, чехи, русские, французы — бойцы интернациональной бригады шли на смертный бой с пламенными словами на устах: «Но пасаран!»

У вновь прибывших было задание пробраться поближе к Новгороду, где вместе с гитлеровцами против нас воевала пресловутая испанская «Голубая дивизия». Очевидно, многое удалось бы сделать антифашистам, хотя и было их всего два десятка, но обстановка для начала их боевой и агитационной деятельности складывалась чересчур сложной. Не могу твердо утверждать, но думается, их десантирование следовало бы произвести летом, когда большинство охранных войск сражалось против 2-й ударной армии.

Вскоре после ухода испанцев мы услышали частую стрельбу в направлении их движения. Утром послал разведку. Доложили — был бой. На месте боя я побывал вместе с Буховым (Александр Николаевич стал комиссаром нашего небольшого отряда), на истоптанной траве нашли много стреляных гильз, но убитых не обнаружили.

О судьбе испанских товарищей стало известно через несколько дней. В отряд пришли лейтенант Гребенщиков, сержант Камхараидзе и еще один боец из группы Алькальде. Им трем удалось спастись во время внезапного налета нарателей. Позже подтвердилось: группа Алькальде погибла.

А комсомольскую группу с разрешения Ленинградского штаба партизанского движения я включил в свой отряд.

Анатолий Кириллов, работник одного из райкома комсомола Ленинграда, Олег Никольский, Иван Крутков и другие бойцы группы быстро прижились в отряде. Их смелость и товарищеская спайка пришлись ветеранам по душе. И когда Толя Кириллов попросил послать

группу на диверсию, и согласился, будучи уверенным, что ребята выполнят задание. Лишь подключив к ним на время четверку опытных партизан, знавших в совершенстве подрывное дело и местность на участке железной дороги Новгород — Луга.

Диверсия удалась. Ребята «кувыркнули» с насыпи вражеский эшелон. Вернулись довольные. Об одном жалели — не удалось посмотреть на плоды своей «партизанской деятельности на железке». Но местные жители подтвердили: хорошо сработали комсомольцы. Оккупанты несколько дней расчищали путь, собирали колеса разбитых вагонов.

С середины октября погода резко ухудшилась. Северные ветры пронзывали до костей. Мы очень мерзли — костры нельзя было разжигать. Каратели прочесывали местность и ночью. Теперь искали именно нас — об этом нашим разведчикам рассказывали местные жители.

Окончательно выбившись из сил, в ночь на 16 октября мы обнаружили на поляне сарай, набитый сеном. Хотя и понимали опасность, но все же не смогли устоять от соблазна постлать под крышей, немного согреться и отдохнуть. Одежда на нас вся промокла, и я разрешил этот небольшой отдых.

Уснули все сразу глубоким сном. Не спалось, видимо, одному Мише Павлову. Он проснулся раньше всех и решил поискать грибов, хотя в то время найти их было уже трудно. Его-то и приметили каратели, открыли стрельбу.

Выстрелы быстро подняли всех на ноги.

Дал команду выбегать поодиночке и занимать оборону на опушке леса.

Заняли рубеж вовремя. Из леса уже бежали гитлеровцы, устремляясь к сараю. Значит, выследили нас.

Отбивались яростно. Павел Филиппов сумел заполнить сбоку к пулемету врага и гранатой уничтожил его вместе с пулеметчиком. Точно разглядел фашистов Миша Павлов, Николай Семенов, командир комсомольской группы Анатолий Кириллов. Притаившийся за кустом Иван Крутиков очередью из автомата уложил двух наиболее рьяных гитлеровцев.

Застать нас врасплох и перебить в серые каретелям не удалось. Когда к нам на помощь подошли новые группы, мы дали несколько очередей и стали отходить. Обнаружили отсутствие нашего радиста. Я послал Семенова и еще трех разведчиков на поиски... Никаных следов.

Так мы остались без связи с Большой землей. Я повел отряд к месту, указанному за день до боя в радиограмме о присылке самолета. Там мы провели в ожидании трое суток. Самолет прилетел. Сбросил обувь, одежду, газеты и немного брикетов пшенной каши. Ватники и шапки-ушанки обрадовали бойцов, как малых детей. Примеряли их. Вновь слышались шутки, смех.

А положение наше было критическим, и в последние октябрьские дни забывался в коротком сне и просыпался с одной лишь мыслью в голове: что делать, чтобы не погубить отряд? В радиограмме от 27 сентября штаб категорически запретил выход в советский тыл. Но прошел месяц, обстановка чрезвычайно обострилась. В штабе об этом могут и не знать. А связи у нас теперь нет. Что делать? Отходить в южные районы области поздно,— разлились реки, да и оголенный лес плохов укрытие. Разбиться на малые группы? А куда деть раненых и больных?

Посоветовался с Бузовым, Михеевым, Шохинным, Семеновым. У всех было единодушное мнение: идти к линии фронта.

— Ведь перешли же ее год назад,— говорил горачо Николай Семенов,— перейдем и ныне. Оставим у своих раненых, чуток подкрепимся и вернемся сюда.

— Конечно, вернемся,— поддержал его Михеев,— будем воевать, пока не выьем фашистов из Орадена.

— И пока не побываем в Берлине,— заключил об-суждение Бухов.

Оставшись наедине с комиссаром, я спросил его:

— Быть может, нам с тобой, Александр, людей переправить, а самим остаться в районе?

— И такой вариант не исключен,— согласился Бухов.— Посмотрим по обстановке.

1 ноября 1942 года отряд подошел к реке Тигода. В разведку направился Семенов. Вернувшись часа через полтора, он доложил, что недалеко от берега лежат заготовленные бревна. На реке оккупанты строили вто-рую линию обороны: вырывали огромные котлованы и к ним подвозили толстые сырые ели для постройки дзотов.

— Вот тебе, командир, и объект для диверсии,— сказал Бухов.

Мы спустили заготовленные два штабеля бревен в реку, и они уплыли. Из оставшихся бревен соорудили плот. Привязали к нему парашютные стропы и начали переправу. Подтягивая стропы, тащили плот от одного берега к другому. На скользкие бревна ложился животом. Переправилась благополучно, только один Михеев опрокинулся в воду.

К линии фронта дангались еще трие суток. Деревни, дороги да и лес кишели вражескими солдатами. Часто приходилось ползти по-пластунски, отлеживаться на хо-лодной, сырой земле. 5 ноября по артиллерийской пе-рестрелке гитлеровцев с нашими войсками я определил ориентировочно нахождение нейтральной зоны. Приго-

длалась многолетняя выучка комендора Балтийских фортов.

Еще раз отличился Николай Семенов. Наш неутомимый разведчик обнаружил дорогу, устланную бревнами, в неподалеку от нее телефонный провод. Он и стал нашим ориентиром. Перешли дорогу, переползли пустые окопы (гитлеровцы отскакивали в землянках и дотях) и... застряли в маскировочном платне. Загрели подвешенные консервные банки. Сразу же взвилось в небо десятки ранет. Заговорили пулеметы, ведя отсекающий огонь. Мы отползли, потеряв убитым Ваню Антипова.

Сделав еще одну неудачную попытку попасть в нейтральную зону, я разбил отряд на две группы. Так переходить передовую, казалось, будет легче. В первую группу включил Кириллова с его товарищами и шесть бойцов из основного состава отряда. Старшим назначил Михаила Шохина.

— Ну, Михаил, поплятай еще раз судьбу,— благословил я Шохина.— Проскочите — береги ребят, доберешься до наших — расскажи начальству о бедах отряда.

— До свиданья, Иван Иванович. Мы еще свидимся,— попрощался Шохин.

Расставание было коротким и печальным, хотя все старались друг друга подбодрить.

Группе Шохина повезло. Все благополучно попали в расположение советских войск. Был ранен в перестрелке лишь один командир. Об этом я узнал, конечно, позже, а тогда мы — вторая группа отряда — так и остались на оккупированной территории.

— На горной, командир,— говорила мне Бухов по пути в наш Ордежский район,— сработал второй вариант — по нему и будем жить. Да и осталось нас не двое, а больше десятка человек.

— Считаю, целая рота,— усмехнулся Михеев.

Поначалу дела наши стали как будто и налаживаться. На узкоколейке Любань — Черемна Гора мы подорвали мотороз с десятком вагонов, груженных боеприпасами. 12 ноября уничтожили два грузовых автомобиля на дороге Любань — Апраксин Бор. «Позанимствовали» двух лошадей у встретившихся солдат тизкоманды на проселочной дороге. Временно решился вопрос о питании — ели конину без хлеба и соли. 16 ноября подорвали мост на железнодорожной ветке Новгород — Ленинград. Хотя и небольшой мост, но на важной коммуникации.

Это была последняя диверсия отряда оредвских партизан, точнее, его оставшейся боевой группы. В начале декабря каратели вышли на наш след и преследовали нас теперь неотрывно. Группа таяла. Из разведки и похода за продуктами не вернулись Миша и Тося Павловы, Даша Чеброва. От жительницы деревни Лазуны узнали, что Михаил Павлов погиб, отстреливаясь, уже на обратном пути. Вскоре каратели настигли нас на мельнице деревни Клуколово. Группе удалось ускользнуть, но не успел уйти Иван Васильевич Васильев. Гитлеровцы захватили его раненым, увезли в деревню Горыни и там после допроса расстреляли.

А тут подоспели метели да вьюги. Нас осталось шестеро. Духом не падали, но и сил уже не было никаких. Кое-как добрались до заброшенного сарая. Достали доски. Стали мастерить львы. Не успели. Около семидесяти фашистов показало вблизи нашего убежища. Уходили по грудь в снег.

Шесть дней и пять ночей длилось преследование. Каратели настигали нас, приближались на сотню метров, кричали: «Сдавайтесь! Все равно всем советским капут!» Мы отвечали: «Подходите ближе. Пожалуем березовый крест». Встречали их кипящим огнем и вновь отрывались.

На шестые сутки нам повезло. Утром началась оттепель. Болотные тропы залило водой. А к вечеру прихватил мороз. Мы вышли на узкоколейку. Пробежали по шпалам метров восемьсот. Вернулись обратно по старому следу. Спрыгнули на чистый лед небольшой речушки и быстрым ходом добрались по ней до реки Тосно.

Жители рассказывали нам потом: командир карателей Адольф Шток как сноровых коз гонял проводников-полнцеев в поисках нашего следа, кричал:

— Ищите, сукины дети, не на небо же они вознеслись и не срывозь землю провалились!

Предводитель карателей был прав — мы остались живы. В ночь на 27 декабря добрались до своих старых землянок под деревней Стан. Когда пришли в себя, Бухов предложил:

— Давайте на время расстанемся. Попытаемся восстановить связи с уцелевшими подпольщиками.

Михеев поддержал Бухова. Я согласился с их доводами. Бухов выбрал себе район Торковичей, Михеев — Теребушский сельсовет, я — деревни вблизи райцентра. Первым ушел Александр Николаевич, спустя сутки — Иван Алексеевич, последними уходили я и Николай Семенов. В землянке остались Филиппов Павел и Никифоров. Мы с Семеновым должны были вернуться к ним.

Первая встреча с надежным помощником отряда — Иваном Григорьевым из деревни Замостье. Он сообщил страшную весть: в Торковичах арестована Аня Семенова и все юные подпольщики, убит Бухов в здании школы деревни Борцов Луг.

— Не дался в руки лиховеям Александр Николаевич, — рассказывал Григорьев. — Двоих фашистов застрелил на пороге, когда каратели пытались схватить его живым. А двух еще ухлопал из окна. Тогда офицер приказал стрелять по окнам из пулемета...

История гибели Бухова была дописана вскоре после окончания войны чекистами. Его предала бывшая учительница Лук. Александр Николаевич проник ночью в школу и на доске написал условный сигнал для Лук, связанной одно время через него с партизанами, затем ушел в лес. Следующей ночью они встретились. Бухов попросил Лук сходить в Торковичи и кое-что разведать. Лук согласилась и пошла, но не в Торковичи, а в Ордеж и привела карателей. Ей якобы отец приказал: «Иди, а то я пойду и донесу». Слабовольно и боязнь за свою шкуру привели женщину к гнусному предательству.

А вот более молодые не дрогнули. И под пытками сохраняли верность долгу. Арестованным героям Торковичского подполья Ане Семеновой, Сусанне Яковлевой, Кате Богдановой, Гале Комлевой, Лене Нечавовой и Тансии Яковлевой гитлеровцы предъявили обвинение в деятельности, направленной против германского государства и его армии. Любой пункт этого обвинения грозил расстрелом. Палачи в военных мундирах не торопились. Они долго пытали и истязали своих жертвы.

Вот что рассказывают очевидцы.

Александра Анисимовна Семенова, мать Анн:

— После ареста дочери мне удалось добиться свидания с нею. Пошли вместе с ее сыном Вовой. Нас ввели в казбу. Нюра сидела на лавке возле окна. Рядом солдат с автоматом. Лицо ее было повязано платком, видны лишь глаза, заплаканные и усталые. Увидела нас, немного отошла. Тихо сказала сыну: «Вовни! Не беспокойся, твоя мама ничего плохого не сделала».

Николай Григорьевич Богатырев, односельчанин Гали Комлевой:

— Меня арестовали в декабре. Камера холодная, темная. Однажды открывается дверь, и солдат-эсэсовец

кого-то сильным толчком швырнул ко мне. Пригладелся и ахнул. Это же Галка Комлева, наша соседка!

Вместе с Галей я сидел долго. Ежедневно, а то в день и два-три раза ее водили на допросы. Возвращалась она набитая, живого места нет. Фашисты обезрили ей спину ипчатком. Кожа вздулась подушкой, но истязать ее не прекратили. И часто Галю втапливали в камеру без чувств. Отлежится, откроет глаза и шепчет: «Ничего, все равно ничего не скажу».

В феврале 1943 года Анну Семенову, Галину Комлеву и их подруг расстреляли на мызе Васильевичи.

Судьба Ивана Алексеевича Михеева оставалась загадкой до лета 1944 года. Как ушел он после Бухова на землянки под деревней Стан, так будто в воду канул. Наводили о нем мы справки и сразу после освобождения района от оккупации. Никто его в злосчастном декабре второй военной зимы не видел.

Загадку помог разгадать... кант на брюках-галифе у некоего Архипова. Наш редактор Михеев в молодости портняжничал, и довольно хорошо. Уже работая в редакции, нет-нет да и сошьет что-либо. Так, однажды он сшил и подарил нашему чкисту Володченко отличные галифе с красным кантом. Когда во время войны Володченко уходил в советский тыл, он вернул подарок Михееву, полагая, что брюки из добротного материала сослужат тому добрую службу в партизанских походах. В отряде все знали михеевские брюки-галифе и по-дружески подтрунивали над их хозяином. И вот на совещании работников сельского хозяйства, которое проводил Ордаджский райисполком в первые дни после освобождения от оккупации, Володченко неожиданно увидел человека в брюках Михеева.

Им оказался Архипов, который был арестован и сознался, что участвовал в чудовищном убийстве Михеева. Иван Алексеевич пришел к волостному старшине

Остроумову, который летом 1942 года дал слово помогать партизанам, а после отступления 2-й ударной армии всячески выслуживался перед оккупантами. Михеев этого не знал и доверился ему — остался ночевать в бане. Остроумов побоялся выдать Михеева гитлеровцам, но и помочь не хотел. Узнав, что Иван Алексеевич ни к кому в деревне еще не заходил, эта подлая тварь задумала избавиться от опасного гостя. Помогал «спрятать концы в воду» Остроумову его дружок Архипов. Он и позарился на брюни и автомат убитого Михеева.

Не ушел от советского правосудия и один из палачей пленников на мызе Васильковичи. Чекисты нашли в деревне Алтыновка, что в двухстах пятидесяти километрах от Владивостока, карателя Василия Долгана. Более двадцати лет он метался как затравленный волк по стране. Затушевывая следы, менял адреса, профессии. Во время войны Долган носил форму охранника войск СС, был верным слугой Ганса Хассельбаха и Фрица Вейзе — офицеров полиции безопасности (СД), руководивших облавами, арестами и истязаниями жителей Оредежского и Лужского районов.

Мне было поручено выступить на судебном процессе в Луге общественным обвинителем. Материалы следствия, показания 67 свидетелей, вызванных на процесс трибуналом Ленинградского военного округа, вскрыли зловещую картину преступления гитлеровских палачей в военных мундирах. Оберштурмфюрер Хассельбах — шеф отделения СД в поселке Оредеж — с наслаждением расстреливал стариков, женщин, детей. Когда в апреле 1943 года было произведено массовое убийство цыган, Хассельбах выбирал из толпы обреченных только малышей и стрелял в них, держа за волосы над могилей.

На процессе назывались имена многих людей, наклонивших головы перед фашистами. Среди них Осип

Изосимов и его жена, Галя Кимлева, Тася Яковлева, ударившая на допросе табуреткой коменданта Брунса, когда тот стал высмеивать ее принадлежность к комсомолу. Люди с гордостью рассказывали о самоотверженной борьбе с оккупантами советских партизан и подпольщиков в первые годы войны.

Эта борьба продолжалась и тогда, когда советские войска прочно овладели стратегической инициативой. Конечно, партизанить было нелегко и в 1943—1944 годах, но обстановка была уже совсем иная. Повсеместно росли новые отряды партизан, формировались бригады. На оккупированной территории Ленинградской области действовало одиннадцать подпольных межрайонных партийных центров. Новые сотни и тысячи советских патриотов брали в руки оружие и поднимались на священную войну против ненавистных немецко-фашистских захватчиков.

И С Н О В А Б О Й

После гибели Бухова и исчезновения Михеева наша четверка еще несколько дней жила в землянке вблизи деревни Стан. Ждали, а вдруг придет Иван Алексеевич. Затем ушли в восточном направлении к Партизанскому краю, решив там перезимовать. Мы не знали тогда, что край, как освобожденная от врага территория, уже не существует.

Шли добрых полмесяца. 19 января 1943 года (день этот запомнился точно), обмороженные и голодные, сразу приблизились мы к небольшой деревушке. Постучались в крайнюю хату. Попросили разрешения обогреться. Трудно сказать, за кого приняли нас поначалу хозяйка избы и жившие у нее муж и жена — ленинградцы, но покормили.

Деревня была Славковского района. Где-то поблизости здесь действовали партизаны — в пути мы раза два слышали частую стрельбу, какая обычно бывает при налете из засады. Стали просить хозяйку помочь нам найти товарищей по оружию. Она долго отнекивалась,

а потом наметнула о деревне, где партизаны якобы частые гости.

— Какой-то не то Ферман, не то Герман покою не дает новым властям,— сказала она нам на прощанье, и глаза ее потеплели.

— Заметил выражение глаз хозяйки?— спросил я Николая Семенова, когда мы покинули хату.

— Учуд, — радостно ответил разведчик. — Теперь мы на верном пути.

В деревушко, куда нас направил гостеприимная крестьянка, в крайней избе мы застали двух девушек. Увидев, что мы вооружены, одна бросилась к печке и стала угощать «чем бог послал», вторая сразу же исчезла.

— В бога верите? — насмешливо спросил Семенов.

— И даже в черта, — огрызнулась молодая хозяйка.

Только мы принялись за отменный борщ, в помещенье вошло трое парней. Невооруженные, но держались смело. Старший из них задал вопрос:

— Откуда путь держите, граждане?

— А вы кто будете? — последовал в ответ мой вопрос.

— Мы тут свои.

— Ну, а мы своим не чужие. Вот что, хлопцы, — продолжил я. — Мы — партизаны из другого района. Думается, что и вы не полицейского рода-племени люди. Помогите нам встретиться с командиром местного отряда.

— Поможем, — блеснул улыбкой парень, — но только вы предварительно к старосте соседней деревушко извещайтесь. Поговорите с ним. Да не бойтесь. Он ведь один, а вас четверо, да и вооружены вы, кажется.

— Ну, и на том спасибо, — бросил я в сердцах, и мы двинулись дальше.

— Вот это конспирация! — восхитился Семенов.

— А может, и провокация, — буркнул Никифорса.

— Не похоже, — стоял на своем Николай.

Добрались до старосты. Тот дотошнливо начал расспрашивать про наши мьтарства. По всему видно, что староста он, назначенный у костра партизанского. И все же не открылся нам, хотя я ему даже свой орден Красной Звезды показал. Лишь посмотрел одобрительно и распорядился, обращаясь к появившимся неожиданно в дверях четверем подросткам:

— Запрягите сани и отвезите этих граждан к тетке Акулине.

Нам не оставалось ничего другого, как только подчиниться: к тетке так и тетке. Ехали мы километров двенадцать, и нас действительно привезли к женщине, которую звали Акулиной.

— Ешьте и спите, — распорядилась она.

Ночью в избу вошло шестеро вооруженных человек. Нас не разоружили, но держались они с нами настороже. Я понимал их поведение. Еще небольшая поездка, и мы попали в штаб одного из отрядов 3-й Ленинградской партизанской бригады, которой командовал капитан Герман.

Здесь нас «признали». Комиссар отряда Иван Кульков, общительный, веселого нрава человек, поделился новостями. Бригада поддерживала регулярную связь со штабами: Ленинградским партизанским и Северо-Западного фронта. Надо было видеть и слышать, с каким восхищением говорил политрук о своем комбриге. Кульков вместе с ним участвовал в первом на советско-германском фронте партизанском рейде, во время которого Герман возглавлял разведку во 2-й особой бригаде штаба Северо-Западного фронта.

Я не спросил у Кулькова о возрасте комбрига, и мне он представлялся таким видевшим виды, поседевшим в боях рубаной, чисто армейской носточкой. Каково же было мое удивление, когда на третьи сутки

командир отряда Ситдииков в деревне Ровняк, в штабе бригады, подвел меня к молодому, красному человеку в форме капитана Советской Армии. Волевое лицо, энергичные жесты и походка. Весь как сжатая пружина. Проницательные глаза и мягкая улыбка при разговоре. Таким увидел я впервые легендарного Германа.

Александр Викторович внимательно выслушал мою «одиссею». Уважительно, но настойчиво попросил уточнить часть рассказа, касающуюся положения на коммуникациях врага — чувствовался к этому интерес разведчика. В заключение сказал мне:

— Располагайтесь у нас, товарищ Исаков. Комиссар бригады Исаев и начальник политотдела Воскресенский познакомят вас с обстановкой. А я сегодня же радирую в Ленинград о том, что вы находитесь в бригаде.

Я было собрался уходить, но Герман остановил меня движением руки и, как бы размышляя, продолжил:

— Судьба вашего отряда — слепок судеб многих местных отрядов прифронтовой зоны. Это не все понимают, но, — тут Герман лукаво усмехнулся, — поживем — увидим. Знаете, есть даже гарная поговорка, как любил говорить Батяко Литвиненко — мой начальник и учитель в тяжелые дни осени сорок первого года: за битого двух небитых дают. А я бы сказал, в партизанских делах и трех мало. Так что найдется в ближайшее время и для вас горячее, боевое дело.

И оно нашлось. 9 февраля 1943 года в бригаду Германа прилетел А. А. Тужиков, бывший секретарь Островского райкома партии Ленинградской области. Прибыл он к нам как представитель штаба партизанского движения и привез приказ о создании новой бригады.

12 февраля началось ее формирование. Ядро 5-й Ленинградской бригады составили два отряда, которыми командовали Иван Иванович Грозный — до войны

помощник директора Старорусского фанерного комбината и Алексей Порфирьевич Нестеров — бывший старший бухгалтер Дедовичской конторы «Заготкожи». Люди самых мирных профессий, оба командира за год партизанской жизни приобрели большой боевой опыт и заслуженно пользовались авторитетом среди бойцов. Отряды их вели сдерживающие бои с гитлеровцами у озера Сего. В бригаду включались также отряды Чебыкина, Иванова, Цукова.

Три коммуниста, три боевых командира стали во главе формируемого соединения: Карницкий, Сергунин, Новиков. Выбор командования был исключительно удачным.

Комбриг Константин Демисьевич Карницкий, в юности сталевар, в молодости пограничник, в сорок первом году партизаня в отряде чекистов, в сорок втором командовал молодежью партизанским батальоном. Четвертый месяц находился в бригаде Германа, где основательно «набрался партизанской мудрости», как часто говорил он впоследствии.

Мой тезка — комиссар бригады Иван Иванович Сергунин, в прошлом рабочий, — войну встретил в армии. Со спецзаданием остался в тылу врага, вместе с Германом участвовал в рейде 2-й особой бригады. Опытный политработник и не менее опытный минер.

Полна драматизма история прихода в партизаны Тимофея Антиповича Новикова, ставшего начальником штаба 5-й бригады. Он был самым старшим по летам и опыту армейской службы. В начале войны командовал полком. В тяжелом оборонительном сражении на берегах Сороти полк его был разбит, а сам Новиков тяжело ранен в ноги. Несколько дней он в форме и при оружии разлезжал в прифронтовой зоне в поисках какой-либо части, оставшейся в тылу врага. Рана стала гноиться. Со смертельным риском для жизни его

укрыли советские патриотки — сестры Федоровы. Весной 1942 года майор Новиков стал бойцом небольшого партизанского отряда, затем командовал ротой в отряде Грозного.

Ленинградские бригады партизан в отличие от каляинских и белорусских формировались по образцу армейских соединений. В бригадах были политотделы. Пост начальника политотдела 5-й Ленинградской был доверен мне. Я с радостью принял это назначение.

Наша бригада по праву может называться «рожденной в боях». В начале второй половины марта гитлеровцы большими силами обрушились на отряды бригады, пытались уничтожить ее в начале боевого пути. В конце месяца каратели повторили такую попытку, оттеснив нас к Сороти. Сложной была обстановка и в дальнейшем. Но бригада прорвалась в заданный ей штабом партизанского движения район действий. Он был очень значимым в военном отношении. По нему проходила участок двух стратегически важных коммуникаций врага — Варшавской железной дороги и шоссе Псков — Луга. На его территории смыкались своими флангами 18-я и 16-я немецкие армии.

5-я партизанская воевала год. Много ярких страниц за это время вписали ее отряды и полки в боевую летопись борьбы ленинградских партизан. И хотя минуло с тех пор три десятка лет, но все эти страницы известны широкому кругу людей, о многих подвигах не рассказано, не «спеты песни» о всех боях и сражениях.

В Ленинграде живет и здравствует Герой Советского Союза Константин Дионисьевич Карницкий. Председателем Новгородского облисполкома работает Герой Советского Союза Иван Иванович Сергунин. Это о них в походах пели бойцы:

Путь по пылам всегда суров и труден,
Но сквозь огни прошли наши полки.

В бой нас вела Карицкая и Сергунина,
В бой нас вела орлы-большевики.

Весной 1943 года оживилось партизанское движение и в Оредежском районе. Особенно, когда в полосе Волховского фронта стала действовать Волховская партизанская бригада. В бой ее повели два бывших секретаря райкомов партии — Старорусского и Оредежского. Комбригом был А. П. Лучин, комиссаром — Ф. И. Сазанов.

Волховская партизанская (с осени 1943 года она официально именовалась 11-й бригадой), как и 5-я Ленинградская, прошла славный путь. Ее бойцы и командиры активно участвовали в операциях «Рельсовая война» и «Концерт»*, разгромили многие осевшие гнезда — гарнизоны гитлеровцев.

В начале 1944 года тринадцать бригад ленинградских партизан помогали советским войскам освобождать от оккупантов города и села Ленинградской области. Сбылось то, во что мы верили и о чем мечтали у первых партизанских костров. Война уходила на запад. На освобожденной от врага земле восстанавливалась Советская власть, возрождалась жизнь.

* Операции «Рельсовая война» и «Концерт» были разработаны Центральным штабом партизанского движения. Проводились в августе — сентябре 1943 года с целью разрушения железнодорожного полотна одновременно во многих местах. В операции участвовало свыше 100 тысяч партизан. Каждый третий из них был подвизником.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Помытый ноябрь	5
Война у порога	12
Жизнь меняет русло	27
Той осенью суровой	53
Самцовая метель	83
Через смертные рубяки	98
Также не спомыть!	118
Рядом с родной армией	141
Костры непоимые	174
Второе дыхание	203
И снова бой	222

КП-124/А-82

Иван Иванович Исачов

ГРОЗА НАД ОРЕДЖЕМ

Редактор Д. И. ЖЕРБИННА

Художник Ю. А. ЛЕБЕДЕВ

Художник-редактор С. И. МАСЛАНОВ

Технической редактор В. И. ДЕМЬЯНЕНКО

Корректор Т. В. МЕЛЬНИКОВА

Сделано в набор 28.I.1974 г. Подписано в печать 4.XI.1974 г.
М-20340. Формат 18x28^{1/2}. Бумага тип. № 1. Усл. печ. л. 20,13+вкл.
Уч.-изд. л. 2,20+0,20=10,20. Тираж 50 000 экз. Цена 41 коп.
Знак № 428.

Ленинград, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59
Бureau Трудового Красного Знамени
типографии им. Полосатинского Ленинграда
191023, Ленинград, Фонтанка, 57

Л Е Н И З Д А Т

В 1974 году
вышли из печати:

Раков В. И. Крылья над морем. (Записки
военного летчика.)

Дьяченко Ф. Т. Нейтральная полоса.

«Гангут. 1941». Сборник. Составитель Гри-
щинский К. К.

«По сигналу воздушной тревоги». Сборник.
Составитель Смирнова О. М.